

Лит. И. и А. Давиденко въ Кіевѣ

ВѢСТНИКЪ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. Говорскимъ.

НОЯБРЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1862.

Печатать позволяется. Кіевъ. 19-го Ноября 1862 года.

Цензоръ В. Чеховичъ.

Цензоръ Н. Щеголевъ

I.

ТАЙНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ ОБЩЕСТВА ІЕЗУИТОВЪ.

(Продолженіе).

ГЛАВА V.

Какъ должно вести себя по отношенію къ тѣмъ монахамъ, которые отправляютъ въ церкви тѣже самыя должности, какія отправляемъ и мы.

1) Этотъ родъ людей надобно терпѣть великодушно, а между тѣмъ благовременно раскрывать и объяснять князьямъ и лицамъ, пользующимся какимъ либо значеніемъ и хотя немного расположеннымъ къ намъ, что наше общество совмѣщаетъ въ себѣ совершеннѣйшее изъ всѣхъ орденовъ, исключая пѣнія и внѣшней строгости въ образѣ жизни и одеждѣ, и если то или другое общество имѣетъ какія либо хорошія стороны, то наше общество ярче всѣхъ другихъ сіяетъ въ церкви Божіей.

2) Надобно развѣдывать и замѣчать недостатки другихъ монаховъ, и, осторожно, и болѣе подъ видомъ соболѣзнованія о нихъ предъ вѣрными друзьями, мало помалу открывъ и обнародовавъ ихъ, надобно показать, что эти монахи менѣе удовлетворительно исполняютъ тѣ обязанности, въ которыхъ они сходятся съ нами.

3) Съ наибольшею ревностію надобно возставать противъ тѣхъ, которые хотятъ заводить школы для обученія юношества тамъ, гдѣ съ честію и пользою учатъ

наши. Наши должны объяснить государямъ и правительствамъ, что такіе люди, если не воспрепятствуютъ ихъ намѣреніямъ, будутъ причиною смутъ и волненій въ государствѣ, что эти безпорядки получатъ свое начало отъ самыхъ же дѣтей, если только они будутъ получать неодинаковое образованіе, и что наконецъ наше общество имѣетъ достаточно силъ для наставленія юношества.

4) Если же монахи получатъ письма первосвященника, или будутъ имѣть на своей сторонѣ одобреніе кардиналовъ, то наши должны дѣйствовать противъ нихъ чрезъ государей и вельможъ, чтобы они увѣдомили папу о заслугахъ общества и достаточности его для мирнаго наставленія юношества, и также вытребовать и представить свидѣтельства мѣстныхъ властей, о ихъ добромъ поведеніи и хорошемъ образованіи.

5) Между тѣмъ наши соразмѣрно съ силами своими должны заботиться о томъ, чтобы представить единственные въ своемъ родѣ образцы добродѣтели и учености, упражняя учениковъ въ наукахъ и другихъ похвальныхъ школьныхъ занятіяхъ въ виду вельможъ, правительства и народа.

ГЛАВА VI.

О СПОСОБАХЪ КАКИМИ ДОЛЖНО ПРИВЛЕКАТЬ КЪ ОБЩЕСТВУ БОГАТЫХЪ ВДОВЪ.

1) Для этого дѣла должны быть избираемы отцы пожилыхъ лѣтъ, имѣющіе живой характеръ и отличающіеся пріятностію въ обращеніи. Они должны посѣщать богатыхъ вдовъ, и какъ только онѣ обнаружатъ нѣкоторое расположеніе къ нашему обществу, то въ свою очередь надобно представить имъ дѣла и заслуги общества. Если онѣ убѣдятся и начнутъ посѣщать наши церкви, то надобно позаботиться о назначеніи имъ духовника, который бы благоразумно руководилъ ими и главнымъ образомъ старался на всегда удержать ихъ въ состояніи вдовства, съ одной стороны исчисляя и восхваляя его плоды и счастіе, а съ другой дѣлая имъ торжественныя

обѣщанія и предлагая самыхъ себя въ поручителей, что такой образъ жизни будетъ вмѣненъ имъ въ вѣчную заслугу и что онъ есть самое дѣйствительное средство къ избѣжанію чистилищныхъ наказаній.

2) Духовникъ долженъ также располагать вдовъ, чтобы онѣ занялись постройкою въ своемъ домѣ небольшой церкви или какой либо молельни, въ которой бы онѣ могли проводить время въ размышленіи и другихъ духовныхъ упражненіяхъ, чтобы такимъ образомъ имъ удобнѣе можно было избѣгать разговоровъ и посѣщеній людей, ищущихъ ихъ руки, и хотя бы онѣ имѣли капеллана, наши тѣмъ не менѣе не должны оставлять совершенія литургіи и особенно благовременныхъ назиданій, и должны стараться удерживать капеллана въ подчиненіи себѣ.

3) Осторожно и постепенно надобно вводить перемѣны и въ управленіи домомъ, принявъ во вниманіе мѣсто, лице, его привязанности и настроеніе.

4) Главною заботою должно быть удаленіе тѣхъ изъ домашнихъ людей (впрочемъ это надобно дѣлать мало по малу), которые не имѣютъ съ обществомъ никакихъ сношеній, и (если окажется нужнымъ замѣнить ихъ другими) рекомендовать такихъ людей, которые зависятъ или хотѣли бы зависѣть отъ насъ; ибо такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи принимать участіе во всемъ, что дѣлается въ семействѣ.

5) Всѣ старанія духовника должны быть направлены къ тому, чтобы вдова во всемъ пользовалась его совѣтами и вполнѣ полагалась на нихъ, на что при случаѣ ей должно указать, какъ на единственное основаніе духовнаго преспѣянія.

6) Надобно совѣтовать и выхвалять вдовѣ частое употребленіе таинствъ, особенно покаянія, въ которомъ она открываетъ съ полною свободою самыя задушевныя мысли и всякія искушенія свои, потомъ частое пріобщеніе, благоговѣйное выслушиваніе самого духовника, къ чему ее надобно приглашать съ обѣщаніями особенныхъ молитвъ, чтеніе молитвословій и ежедневное испытаніе совѣсти.

7) Не мало также поможетъ полнѣйшему изученію всѣхъ ея наклонностей общая исповѣдь, если она будетъ возобновлена, не смотря на то, что вдова уже исповѣдывалась другому духовнику.

8) Надобно заводить рѣчь о выгодахъ вдовства, о тяжести брака, особенно когда онъ заключается въ другой разъ, объ опасностяхъ, неразлучныхъ съ нимъ и проч., что можетъ быть особенно убѣдительно для ней.

9) Потомъ искусно надобно указывать на нѣкоторыхъ жениховъ, но такихъ, къ которымъ вдова несомнѣнно питаетъ отвращеніе; если же будутъ поводы думать, что ей нравятся какіе либо другіе искатели, то надобно представлять ей ихъ пороки и дурные нравы, чтобы такимъ образомъ она получила полное отвращеніе ко второму браку.

10) Когда же будетъ очевидно, что она вполнѣ расположена остаться вдовою, то надобно будетъ рекомендовать ей жизнь духовную, не монашескую, которой невыгоды скорѣе надобно выставлять ей на видъ и даже преувеличивать, но такую, какова напр. была жизнь Павлы и Евстохія и проч. Духовникъ долженъ также заботиться о томъ, чтобы вдова какъ можно скорѣе пресѣкла всякую возможность втораго брака, давъ обѣтъ чистоты, покрайней мѣрѣ, на два или на три года. Въ теченіи этого времени ей должно прекратить всякое сношеніе съ мужчинами и даже развлеченія въ кругу родственниковъ и людей близкихъ, подъ предлогомъ болѣе тѣснаго соединенія съ Богомъ. Что же касается до лицъ духовныхъ, которыя будутъ посѣщать вдову или которыхъ она будетъ посѣщать, то если уже нельзя вовсе запретить подобныя посѣщенія, это должны быть только тѣ, которыя были бы допущены съ одобренія нашихъ, или зависѣли бы отъ мановенія нашихъ.

11) Когда дѣло дойдетъ до этой степени, то должно мало по малу побуждать вдову къ добрымъ дѣламъ, особенно къ милостынямъ, которыхъ впрочемъ она ни подъ какимъ видомъ не должна раздавать безъ руководства своего духовнаго отца, такъ какъ съ одной стороны весьма полезно, чтобы талантъ расточаемъ былъ для

духовной пользы съ разсужденіемъ, съ другой стороны милостыни дурно распредѣленныя часто бываютъ причиною и поводомъ къ грѣхамъ и вслѣдствіе того приносятъ незначительные плоды и пользу.

ГЛАВА VII.

Какимъ образомъ должно сохранять власть надъ вдовами и располагать ихъ имуществами.

1) Надобно постоянно понуждать ихъ, чтобы онѣ продолжали итти по пути благочестія и добрыхъ дѣлъ, такъ чтобы не проходило ни одной недѣли безъ того, чтобы онѣ добровольно не отдѣлили чего небудь изъ своихъ избытковъ въ честь Христа, пресвятой Дѣвы, или своего Патрона, отдѣленную такимъ образомъ часть онѣ должны издержать на бѣдныхъ или назначить на украшеніе храмовъ до тѣхъ поръ, пока онѣ совершенно не освободятся отъ корысти и плодовъ египетскихъ.

2) Если, кромѣ общей любви, онѣ представятъ доказательства своей щедрости къ нашему обществу и будутъ продолжать дѣйствовать такимъ образомъ, то онѣ должны получить въ свою очередь право участія во всѣхъ заслугахъ общества съ особеннаго разрѣшенія провинціала, или даже, если они очень высокія особы, генерала.

3) Если бы онѣ дали обѣтъ чистоты, то пусть возобновляютъ его по нашему обычаю дважды въ годъ: въ эти дни имъ надобно позволять благопристойное отдохновеніе въ обществѣ нашихъ.

4) Ихъ надобно часто посѣщать, доставлять имъ удовольствіе и забавлять ихъ пріятными разговорами, духовными и шуточными расказами, смотря по характеру и наклонностямъ каждой.

5) Не должно слишкомъ строго обращаться съ ними на исповѣди, чтобы онѣ не сдѣлались слишкомъ печальны: такую строгость можно допустить только въ томъ случаѣ, если будетъ потеряна надежда снова возвратить ихъ расположеніе, которымъ овладѣли другіе. При чемъ

съ большою осмотрительностію надобно судить о непостоянствѣ женскаго нрава.

6) Надобно искусно удерживать ихъ отъ посѣщеній другихъ храмовъ, особенно монастыркихъ, и отъ совершаемыхъ тамъ празднествъ и внушать имъ, что обществу предоставлены всѣ льготы другихъ орденовъ.

7) Если онѣ должны будутъ надѣтъ трауръ, то надобно позволить одежды траурныя, украшенныя съ благоприличіемъ, имѣющія въ себѣ нѣчто мірское и вмѣстѣ духовное, такъ чтобы вдовы не понимали, что ими управляетъ человѣкъ чисто духовный. Наконецъ, если только небудетъ опасенія въ ихъ непостоянствѣ и если онѣ будутъ вѣрны и щедры къ обществу, то имъ надобно позволить и все то, чего онѣ желаютъ для своей чувственности, только съ умѣренностію и удаливъ соблазнъ.

8) Ко вдовамъ надобно помѣщать другихъ благовоспитанныхъ дѣвицъ, происходящихъ отъ богатыхъ и благородныхъ родителей, постепенно пріучая ихъ къ руководству нашихъ и къ ихъ образу жизни; при нихъ должна находиться какая либо женщина, избранная и назначенная для этого духовникомъ всего семейства; онѣ должны быть подвергаемы синдикаціямъ и подчиняться другимъ обычаямъ общества; тѣхъ же, которыя не захотѣли бы подчиниться сему, надобно отсылать къ родителямъ, или другимъ лицамъ, отъ которыхъ онѣ были приведены, и должно описывать ихъ, какъ дѣвицъ безпокойнаго, тяжелаго нрава.

9) Надобно имѣть не меньшую заботливость о ихъ здоровьи и отдохновеніи, какъ и о ихъ спасеніи; поэтому если бы онѣ пожаловались на разстройство здоровья, то тотчасъ надобно освободить ихъ отъ соблюденія постовъ, отъ ношенія власяницъ, отъ строгостей устава и тѣлесныхъ трудовъ, не должно также позволять имъ выходить въ церковь, но дома тайно и осторожно управлять ими. Надобно водить ихъ въ садъ или коллегію, позволять имъ разговоры и тайныя развлеченія съ тѣми, кто имъ особенно нравится.

10) Чтобы вдова сдѣлала распоряженіе о предоставленіи въ пользу общества доходовъ, которые она имѣетъ,

для этого надобно представлять ей совершенство состоянія людей святыхъ, которые, оставивъ міръ, отрекшись отъ своихъ родителей и имуществъ, съ великою твердостію и духовною радостію служили Богу. Для этого имъ надобно по порядку излагать все то, что есть въ постановленіяхъ и розысканіяхъ общества, касательно такого рода отверженій и отреченій отъ всѣхъ вещей. Надобно приводить имъ примѣры вдовъ, которыя такимъ образомъ въ короткое время вошли въ ликъ святыхъ, и подавать надежду, что и ихъ имена будутъ внесены въ святцы, если бы продолжали дѣйствовать такимъ образомъ до конца, при чемъ надобно доказать имъ также, что для этого наши имѣютъ не малый вѣсъ въ глазахъ папы.

11) Надобно твердо напечатлѣть въ ихъ душѣ ту мысль, что если онѣ захотятъ пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ совѣсти, то должны вполнѣ, безъ ропота, скуки или какого либо внутренняго недовольства, какъ въ дѣлахъ житейскихъ, такъ и въ духовныхъ, слѣдовать руководству духовника, какъ человѣка къ тому собственно и предназначеннаго Богомъ.

12) При случаѣ надобно также вразумлять ихъ, что гораздо полезнѣе для нихъ раздавать милостыни лицамъ духовнымъ, особенно монашествующимъ, извѣстнымъ по своей образцовой жизни, впрочемъ всякій разъ не иначе, какъ съ вѣдома и одобренія духовника.

13) Съ особенною заботливостію духовника должны остерегаться того, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ подобныя вдовы—ихъ духовныя дочери не посѣщали другихъ монаховъ и не входили съ ними въ близкія отношенія. Чтобы воспрепятствовать этому, они должны будутъ позаботиться въ свое время внушить, что общество есть орденъ высшій другихъ и полезнѣйшій въ церкви, имѣющій большее значеніе въ глазахъ папы и всѣхъ государей, совершеннѣйшій въ самомъ себѣ, потому что высылаетъ изъ среды своей людей вредныхъ и негодныхъ, и вслѣдствіе чего не имѣетъ того осадка или нечистотъ, которыми преисполнены другіе монашескіе ордена, состоящіе по большой части изъ невѣждъ, глуп-

цовъ, лѣнивцевъ, нерадящихъ о своемъ спасеніи, чрево-угодниковъ и проч.

14) Духовники должны предлагать имъ и увѣщавать ихъ, что бы онѣ назначали обычныя пенсіи и подаянія, которыми бы облегчались каждогодно долги коллегій и учебныхъ заведеній, особенно римскаго училища; также чтобы онѣ не забывали объ украшеніяхъ храма, о свѣчахъ, винѣ и другихъ предметахъ, необходимыхъ для совершенія священнодѣйствія литургіи.

15) Если вдова при жизни своей не завѣщаетъ сполна своихъ имуществъ въ пользу общества, то при случаѣ, особенно когда она подвергнется тяжкой болѣзни, или когда будетъ угрожать опасность ея жизни, надобно представлять ей бѣдность, недавнее существованіе и великое множество коллегій, еще не отстроенныхъ, и кротко, но съ настойчивостію убѣждать ихъ въ необходимости сдѣлать нѣкокорыя пожертвованія, которыми онѣ положатъ основаніе вѣчной славѣ своей.

16) Такъ же надобно поступать и съ государями и другими благодѣтелями; должно, говорю, убѣждать ихъ къ тому, что и въ этомъ мірѣ пребываетъ, и въ другомъ пріобрѣтетъ имъ вѣчную славу отъ Бога. Если же въ томъ или другомъ мѣстѣ какіе либо зложелатели стали-бы ссылаться на примѣръ Христа, который не имѣлъ, гдѣ главы приклонить, и требовали бы, чтобы общники Іисуса (Socios Jesu), подобно Ему были бѣднѣйшими людьми, то надобно показать и серьезно внушить повсюду и всѣмъ ту мысль, что церковь Божія въ настоящее время измѣнилась и сдѣлалась монархіею, которая своимъ авторитетомъ и большимъ могуществомъ должна защищаться противъ сильнѣйшихъ враговъ, и что она есть тотъ не большой отторгшійся камень, который возросъ въ величайшую гору, какъ предсказалъ Пророкъ.

17) Тѣмъ изъ вдовъ, которыя любятъ подавать милостыни и украшать храмы, часто надобно объяснять, что высшее совершенство состоитъ въ томъ, чтобы, освободившись отъ привязанности къ вещамъ земнымъ, предать ихъ во власть Христу и Его общникамъ.

18) Такъ какъ всегда меньшаго можно надѣяться

отъ вдовъ, предназначающихъ своихъ дѣтей для міра, то посмотримъ.

ГЛАВА VIII.

Какъ должно достигать того, чтобы сыновья и дочери вдовъ вступали въ монашество, или посвящали себя жизни благочестивой.

1) Въ этомъ дѣлѣ матери должны обращаться къ мѣрамъ строгимъ, а мы къ кроткимъ средствамъ, т. е. матерямъ надобно внушать, чтобы онѣ угнетали дѣтей своихъ съ самаго нѣжнаго возраста выговорами, наказаніями и проч.; когда же они, особенно дочери достигнутъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, то пусть отказываютъ имъ въ женскихъ нарядахъ и уборахъ, часто вмѣстѣ съ тѣмъ высказывая желаніе и моля Бога, чтобы онѣ пожелали вступить въ жизнь духовную, и обѣщая большую часть наслѣдства, еслибъ онѣ захотѣли быть монахинями. Часто должны представлять имъ неудобства, которыя въ брачной жизни общи всѣмъ и тѣ, какія въ частности испытали онѣ сами, изъявляя при этомъ сожалѣніе о томъ, что въ свое время не отдали предпочтенія предъ бракомъ жизни безбрачной; наконецъ пусть онѣ постоянно дѣйствуютъ такимъ образомъ, чтобы особенно дочери, на которыхъ сильно должна подѣйствовать скука жизни у матери, стали помышлять о жизни монастырской.

2) Съ сыновьями наши должны обходиться дружески, и если только они окажутся способными ко вступленію въ наше общество, то ихъ надобно въ удобное время приводить въ коллегію, показывать и объяснять имъ все, что, по всей вѣроятности, понравится имъ во всѣхъ отношеніяхъ и будетъ служить приманкою для вступленія въ общество, какъ наприм., сады, виноградники, дачи и помѣстья, гдѣ наши отдыхаютъ; надобно разсказывать имъ о путешествіяхъ въ различныя государства, о сношеніяхъ съ владыками міра и обо всемъ, что только можетъ доставлять удовольствіе въ молодости, — о внѣшней чистотѣ въ столовой и спальняхъ, о

пріятности обхожденія нашихъ, о легкости нашего устава, который, однакожъ, служитъ залогомъ славы у Бога, наконецъ о превосходствѣ нашего ордена предъ другими, и вообще надобно пере мѣшиватьразговоры шуточные съ благочестивыми.

3) По временамъ надобно уговаривать ихъ къ монашеской жизни вообще, дѣлая это какъ бы вслѣдствіе откровенія; потомъ осторожно внушать имъ мысль о совершенствѣ и удобствахъ нашего ордена сравнительно съ другими и объяснять, какъ въ публичныхъ увѣщаніяхъ, такъ и въ частныхъ бесѣдахъ, какъ трудно было бы идти вопреки божественному призванію; наконецъ надобно пріучать ихъ къ упражненію въ духовныхъ занятіяхъ, чтобы они составили заключеніе о родѣ жизни, который должны избрать.

4) Наши должны домогаться того, чтобы такіе юноши имѣли наставниками своими людей, преданныхъ обществу, которые бы постоянно имѣли за ними бдительный надзоръ и руководили бы ихъ; если бы они стали противиться ихъ увѣщаніямъ, то надобно подвергать ихъ какимъ либо лишеніямъ то въ томъ то въ другомъ отношеніи, чтобы тягость жизни заставила ихъ покориться. Мать въ тоже время пусть представитъ неудобства жизни семейной. Наконецъ, если бы не легко можно было достигнуть того, чтобы они добровольно устремили свои мысли къ обществу, то ихъ должно отправить подъ предлогомъ ученія въ отдаленныя гимназіи общества, и посылать имъ со стороны матери незначительныя пособія, тогда какъ со стороны общества надобно употреблять различныя приманки, чтобы они полюбили нашихъ.

(Продожёніе впредь).

№ 15.

ДОКУМЕНТЫ,

относящіеся къ исторіи бѣлорусской церкви.

I.

Наказъ короля Владислава IV православному архіепископу *Сильвестру Коссову*, чтобы не смѣлъ пріѣзжать въ Полоцкъ и Витебскъ и совершать въ этихъ городахъ богослуженіе и другія святительскія обязанности. 1634 г., мая 1-го дня.

(Списано съ подлинника, хранящагося въ Архивѣ полотской дух. Консисторіи. Связка 30. № 35).

(Подлинникъ).

Władysław IV z Bożey łaski Król Polski wielkię Xiąże Litewskie Ruskie Pruskie Żmudzkie Mazowieckie Inflantskie Smolenskie Siewierskie Czernihowskie A Szwedski Gottski Wandalski Dziedziczny Król.

Wielebnemu Sylwestrowi Kosowowi wiernie nam miłemu łaskę naszą krolewską. Wielebny wierny nam miły. Przełożył nam wielebny w Bodze Oycie Antoni Sielawa Archiepiscop Połocki, Witebski y Mscisławski swym i wszystkich unitow w miastach naszych Połockim y Witebskim mieszkaiących

(Переводъ).

Владиславъ IV Божію милостію король польскій, в. к. литовскій, русскій, прусскій, жмудскій, мазовецкій, инфляндскій, смоленскій, сѣверскій, черниговскій, и наслѣдственный король шведскій, готскій и вандальскій.

Преосвященному Сильвестру Коссову, по истинѣ—намъ любезному, наша королевская милость. Преосвященный, поправдѣ—любезный намъ! Докладывалъ намъ преосвященный отецъ Антоній Селлява,

imieniem że wierność Twoia niekontentuiąc się praerogatiwą Dis-Unitom służącą, ale owszem nie należnie y niesłusznie mimo dawne seymowe Constitucie o pokoiu między ludźmi Religiey Greckiey w Unii y nie w Unii będących uczynione, a nablizko przeszłym szescioniedzielnym Seymié reassumowane, aby w władyctwach, Monastyrach dobrach cerkiewnych ieden drugiemu żadnym sposobem y pretextem opressii y przenagabania *sub Vadio* dziesięciu tysięcy złotych nieczynił niźli wierność Twoia nieoglądaiąc się na Przywileia na tymże blizko przeszłym Szescioniedzielnym Seymie obiey stronie dane, in vilipendium onych y zwierzchności Majestata Naszego Krolewskiego nienależnie priuata authoritate zmyszlasz do Połocka y do Witebska miast naszych Krolewskich iachać y tam illegitimam iurisdictionem immo expressam Voluntatem Nostram et mentem Reipublicae compæbendo, occasionem tumultibus et insotentiis fundować, Dla którey tym mocnieyszego ugruntowania wielką ludzi obywatelow Połockich y inszych assistentia zgromadzasz, A iż takowe wierność Twoia postempki woli Naszey y pomienionym Constituciom są przeciwne, y pokóy pospolity zachodzące. Przeto serio Rozkazuiemy wierności Twoiey y mieć koniecznie chcemy, abyś do ninieyszey woli naszey y do pomienionych constitucii stosuiąc sie, iako teraz do Połocka y Witebska nieważył się

архіепископъ полоцкій, витебскій и мстиславскій, — отъ своего имени — и отъ имени — всѣхъ уніатовъ, живущихъ въ городахъ Полоцкѣ и Витебскѣ, что, твоя милость, не довольствуясь правами, предоставленными не уніятамъ, — наперекоръ — давнимъ постановленіямъ сеймовымъ о мирѣ между уніятами и не уніятами, подтвержденнымъ на недавно-бывшемъ шестинедѣльномъ сеймѣ, — наперекоръ постановленіямъ, повелѣвающимъ, чтобы во владѣніяхъ монастырскихъ и имѣніяхъ церковныхъ никто ни подъ какимъ предлогомъ и побужденіемъ не дѣлалъ одинъ другому какихъ-нибудь притѣсненій и угнетеній, подъ опасеніемъ за это пени 10-ти тысячъ злотыхъ, — забывши данныя на шестинедѣльномъ сеймѣ права обоимъ сторонамъ — уніятской и дисуніятской, — не уважая, такимъ образомъ, и нашей королевской власти, — осмѣлился ѣхать въ города наши — Полоцкъ и Витебскъ самоправно, и тамъ, помимо выраженной воли нашей и помянутыхъ постановленій, даешь поводъ къ бунтамъ и возмущеніямъ и, для большаго въ этомъ дѣлѣ успѣха, вербуешь на свою сторону знатныхъ людей и обывателей полоцкихъ.

Такъ какъ подобные поступки твоей милости противны нашей волѣ и помянутымъ

iachać tak y na potym tam niebywał. Jurysdictiey sobie nienależney propter bonum pacis nie extendował y od tego wszystkiego koniecznie contentuiąc się praerogatiwą swoią, ktoro wierność Twoia competit supersedował, Inaczey wierność Twoia dla łaski naszey y strzegąc na się wyżey pómienioney zaręki, nieczyniąc, Dan w Wilnie dnia pierwszego miesiąca maia R. ku Panskiego 1634 Panowania Naszego IV a Szwedskiego V roku.

Vladislaus Rex (L. S.) Do wielebnego Kosowa Disunita aby do Połocka y Witebska nie wieżdżał.

Marcin Tryzna Referendarz W. K. Litt.

постановленіямъ и нарушаютъ покой народный; то мы повелѣваемъ, чтобы вы, примѣняясь къ настоящей нашей волѣ и сказаннымъ постановленіямъ, не осмѣливались и теперь ѣхать въ Витебскъ и Полоцкъ,—и бывать тамъ послѣ когда-нибудь,—чтобы не присвоивать, ради благоденствія, правъ вамъ не принадлежащихъ, а отказались бы отъ нихъ, довольствуясь законными своими правами. Пусть иначе не поступаетъ, вѣрность твоя, ради нашей милости и изъ-за опасенія помянутой пени. Данъ въ Вильнѣ 1 дня мѣсяца мая, 1634 года, царствованія же нашего на польскомъ престолѣ IV-го, а на престолѣ шведскомъ V го.

Владиславъ Король (М. П.) Преосвященному Коссову дисуніяту наказъ о томъ, чтобы не ѣздилъ въ Полоцкъ и Витебскъ.

Марцинъ Тризна Референдарій в. к Лит.

Примѣчаніе. Сильвестръ Косовъ родился отъ православныхъ шляхетныхъ родителей, въ наслѣдственномъ имѣніи Косовыхъ—Жыровичахъ, находящемся въ 30 верстахъ, былъ племянникомъ Адама Косова, стрѣлявшаго въ Іоасафата * и сдѣлавшагося въ послѣдствіи душою заговора противъ сего ненавистнаго архіепископа. Онъ обучался въ заграничныхъ училищахъ и, по возвращеніи изъ-заграницы, постригся въ монахи въ кіево-печерской лаврѣ. Съ 1632 г. былъ профессоромъ въ кіевскихъ школахъ, потомъ префектомъ, а въ 1635 году, патріархомъ іерусалимскимъ Ѳеофаномъ, былъ посвященъ въ Кіевѣ въ архіепископа полоцкаго, витебскаго, оршанскаго, могилевскаго и мстиславскаго, но такъ какъ въ Полоцкѣ находился уніатскій архіепископъ Антоній Селява, то Косову строжайше запрещенъ былъ пріѣздъ въ Полоцкъ, Ви-

* Смотри статью Іоасафатъ Кунцевичъ и пр въ I и II кн. Вѣстника Отд II.

тебскъ и другіе города бѣлорусскіе. Послѣ смерти митрополита Петра Могилы, по желанію Богдана Хмельницкаго, козаковъ и кіевскаго клира и народа онъ посвященъ былъ въ 1647 году въ санъ кіевскаго православнаго митрополита, по благословенію константинопольскаго патріарха Парѳенія II, соборомъ русскихъ епископовъ. Умеръ въ Кіевѣ въ 1657 году. Митрополитъ Коссовъ извѣстенъ по сочиненію нѣсколькихъ книгъ на польскомъ и русскомъ языкахъ. Изъ нихъ примѣчательнѣйшія слѣдующія: *Патерикъ Печерскій* или жизнеописаніе всѣхъ печерскихъ угодниковъ, съ присовокупленіемъ на концѣ хронологіи или каталога православныхъ кіевскихъ митрополитовъ отъ 1-го Михаила до Петра Могилы; о седми тайнахъ, подъ заглавіемъ *Дидаскалія; О крещеніи Руси* и другія, (Источники для жизнеописанія Коссова: Архивы кіевскихъ монастырей и библіотекъ; Архивы Центр. кіевскій, виленскій и витебскій; Архивъ б. уніятскихъ митроп., наход. въ св. Сунодѣ; Акты относящ. къ исторіи зап. Россіи Т. IV; Архивъ юго-западной Россіи изд. кіевск. Археолог. Коммисією; описаніе Кіево-Соф. собора; Архивъ полоц. дух. Консисторіи и много другихъ).

2.

Письмо православнаго епископа мстиславскаго, оршанскаго и могилевскаго Сильвестра Коссова къ Мартину Сурину, городскому мстиславскому писарю. 1636 года, мѣсяца марта 8-го дня.

(Списано съ автографа, хранящагося въ архивѣ полоцкой духовной консисторіи связка 30, № 29).

Miłosciwy Panie Pisarzu Grodzki Mscisławski móy wielce miłościwy Panie y Przyiacielu. Swiesczennicy Rodomscy przyiechawszy ówdzie do mnie do Mohilewa a uznawszy mnie za Pasterza własnego pokłon y posłuszenstwo mnie oddali iako uprzywiliowanemu Pasterzowi i revocatią według kanonow oycow swiętych uczynili za którymi mianowicie Oycem Timofieiu Borziłowskim, a Nikicirem Swita inter cedum proszę abyś wielmożny moy mi-

Милостивый господинъ писарь мстиславскаго городскаго суда, премилостивый господинъ мой и пріятель! Пріѣхали ко мнѣ—въ Могилевъ радомскіе священники, и признавши меня пастыремъ, воздали мнѣ поклоненіе и повиновеніе, какъ пастырю законному и учинили, согласно съ канонами св. отцевъ, отреченіе отъ уніи. Объ нихъ, и именно объ отцѣ Тимоѳеѣ Борзиловскомъ и Никифорѣ Свитѣ, между прочимъ,

łosciwy Pan w obrone i w opiekę swą wziąwszy znaiąc być błahoczestywymi onych defendować y Pansko stawic się raczył we wszelakich krzywdach ich. W tym ia uznawszy wszelako tak modłami iako y uprzeymością przyiazni moiey winien zawdzięczać zostaie z Mohilewa 8 Martii A° 1636.

Wielmożnego Mosciwego Pana życzliwy przyiaciel i Bohomolca.

Sylwestr Kosow Episcop Mscisławski Orszanski y Mohilowski.

прошу, чтобы, вельможный, милостивый мой господинъ, взялъ ихъ подъ свою опеку и покровительство и защищалъ отъ всякихъ обидъ, какъ людей благочестивыхъ. За что я долженъ буду благодарить васъ молитвами и искреннею своею пріязнію. Остаюсь въ Могилевѣ, 8 марта 1636 года.

Вельможнаго, милостиваго пана благожелательный другъ и богомолецъ

Сильвестръ Коссовъ, епископъ мстиславскій, оршнискій и могилевскій.

Примѣчаніе. Письмо это составляетъ одно изъ тысячи другихъ доказательствъ, что православные, насильно обращенные въ унію, не пропускали удобнаго случая добровольно возвратиться къ оставленной ими вѣрѣ.

3.

Наказъ короля Владислава IV витебскимъ мѣщанамъ отпадшимъ отъ уніи въ православіе и построившимъ на русскомъ посадѣ шалашъ, въ которомъ совершали общественное богослуженіе, чтобы явились въ надворный королевскій судъ для дачи по сему дѣлу объясненія, по случаю жалобы на нихъ уніятскаго архіепископа Антонія Селлявы. 1639 года, ноября 23 дня.

(Списано съ подлиннаго указа, хранящагося въ архивѣ полоцкой духовной консисторіи, Связка 30, № 49).

Władysław IV z Bożey łaski Krol Polski Wielkie Xięże Lithewskie Ruskie Pruskie Zmudzkie Inflantskie Smolenskie Czernihow-

Владиславъ IV Божію милостію король польскій, в. к. литовскій, русскій, Прусскій, жмудскій, мазовецкій, инфлянд-

skie a Szwedski Gottski Wandalski Dziedziczny Krol.

Wam sławetnym Korniłowi Butwe, Hapiesowi Wasilewiczowi y Koskowi Lytkam Teodorowi Łuninowi, Matfieiowi Mamotowi, Michałowi Isakowiczowi, Iwanowi Dawydowiczowi, mieszczanam Naszym Witewskim iako Pryncypałom, y inszym wszystkim Coadherentom waszym z sprawy niżey mianowaney, których w tym Pozwie mandacie naszym imiona y przezwiska zawyrażone miec chcemi z osob i wszystkich Dobr waszych leżących y Ruchomych przykazuiemy, abyście przed Nami i Sądem Naszym Zadwornym Tam gdzie naten czas szczęśliwie Dworem Naszym będziemy, Ieżeli w Coronie Polskiey za osm a ieśli w wielkim Xięzstwie Lithewskim za cztery Niedzieli od podania położenia albo Publikowania Wam tego Pozwu Mandatu naszego Roku zawitym Na Instantią y prawne poparcie Wielebnego w Bodze Antonia Sielawy Archiepiscopa Połockiego Witebskiego y Mscisławskiego staneli. Który was pozywa oto, Iż wy na karanie które niektóre na gardle a miasto wszystkie odięciem praw y wolnosci, z wyroku Commissarzow od S. Pamięci Króla Jego Mosci Pana Oyca Naszego zesłanych za iawny Wasz występek y mężobóystwo popełnione poniosło, A z osobliwey tylko łaski Naszey za-przyczyną teraznieyszego Actora do niektorych wolności iesteście

скій, смоленскій, черниговскій, а наслѣдственный король шведскій, готскій и вандальскій.

Вамъ славутнымъ — Корнилію Бутвѣ, Агафію Василевичу, и Коску Лыткамъ, Лунину, Матѳею Мамоту, Михаилу Исааковиву, Ивану Давидовичу — нашимъ витебскимъ мѣщанамъ, какъ принципаламъ (зачинщикамъ), и всѣмъ другимъ вашимъ соучастникамъ въ дѣлѣ нижеизложенномъ, имена и фамиліи которыхъ требуемъ, чтобъ были означены въ этомъ позывѣ—приказѣ, повелѣваемъ, чтобы вы явились предъ насъ и нашъ надворный судъ, — гдѣ мы въ ту пору съ дворомъ нашимъ счастливо будемъ находиться, — срокомъ, отъ выдачи и опубликованія вамъ настоящаго нашего позыва — наказа, въ восемъ недѣль, если будемъ находиться въ коронѣ польской, и въ четыре недѣли, если въ в. кн. литовскомъ, по поводу ходатайства и законнаго иска преосвященнаго Антонія Селявы, архіепископа полоцкаго, витебскаго и мстиславскаго, — который васъ позываетъ (въ судъ) за то, что нѣкоторые изъ васъ, бывъ приговорены рѣшеніемъ посланныхъ отъ — святой памяти—отца нашего, коммисаровъ, къ смерти, а весь городъ — къ лишенію правъ и вольностей за совер-

przypuszczenie, Nie niepamiętaiąc w tych swych seditiach y buntach nie ustawaiąc na zwierzchność Naszą nieoglądaiąc się, szopę sobie na gruncie mieskim w sposub Cerkwie za subordynowaniem szlachetnego Iorzego Pypki złudowawszy, grunty Cerkiewne dawne poodeymowali y posłuszenstwa spisy przeciwko Niemu Duchowienstwu iego y ludziom swietskim w Uniiey S. statecznie trzymaiącym czynicie. A nie kontentuiąc się takowym Waszym swawolnym postępkiem nietylko na zdrowie Actorowe, ale też na honor y dobrą Reputatią iego następuiąc, smieli y ważyliście się nieprzystoyną uszczypliwą, y bardzo honorowi iego dotkliwą w Roku przeszłym Tysiąc sześcset trzydziestym siodmym Miesiąca Octobra osmnastego dnia na urzędzie Grodzkim Orszanskim przerzeczonego Actora Protestatią uczynić, z którey się to dostatecznie okaże; strzegąc tedy Actor s powinności swey poczuwaiąc się y chcąc takowe obiectie w tey Protestatiey wyrażone z siebie zniesc Was wszystkich tym Pozwem Mandatem Naszym Pozywa. Abyscie tedy naterminie przypadłym stanęli skazaniu przez Dekret Nasz zniesienia tey Cerkwiey, ustąpienia odiętych gruntow z nagrodzeniem szkod. A za uszczypliwe uczynienie Protestatiey i o bunty wasze wskazania win w Prawie Pospolitym opisanych przysłuchali, i na załobę Actorowę czasu prawa szerzey przełożoną y dokumentami praw-

шенное вами открытое преступленіе и убійство. и только, по особенной нашей милости, и въ силу ходатайства нынѣшняго истца, получившіе нѣкоторыя права и льготы, совершенно забывъ эту нашу милость, не успокоиваетесь въ своихъ злоумышленіяхъ и возмущеніяхъ, не уважаете нашей верховной власти, и помимо нашей воли, построили себѣ на городской землѣ подъ распорядительствомъ благороднаго Юрія Пыпки, шалашъ — на форму церкви, отобрали давнія церковныя земли и замышляете еще заговоры противъ преосвященнаго митрополита, его духовенства и противъ мірскихъ людей, твердо пребывающихъ въ св. уніи. Мало того, вы еще посягаете не только на жизнь истца, но и на его добрую честь и репутацію, и осмѣлились и дерзнули подать, въ прошедшемъ 1637 году 18 октября, въ оршанскую уѣздную канцелярію, неблагопристойную, язвительную и весьма для его чести оскорбительную, что достаточно видно изъ сей вашей протестаціи, и такъ истецъ, чувствуя свою невинность, считая себя обязаннымъ опровергнуть эти, означенныя въ сей протестаціи, противъ него обвиненія, всѣхъ васъ этимъ позвомъ позываетъ на судъ. И мы повелѣваемъ, чтобы вы явились къ назначенному сроку—

na szlacheckim uprzywiliowanym zbudowana od Jego Mości Pana Sebestyana Mirskiego Sędziego ziemskiego Brasławskiego nadaną y ufondowaną a przywiliami Listami, Dekretami Jego Krolewskiey Mości Władysława Czwartego Pana nad nami szczęśliwie Panuiącego approbowana y confirmowana od ufondowania swego naydawała się y pote czasy za łaską Boską nayduie, Także ymieniem jasnie Wielmożnych Wielmożnych ich mościow Panow Rycerstwa szlachty obywatelow w Wielkim Xięztwie Litewskim y w Białey Rusi w rożnych woewodztwach i Powiecciech mieszkaiących Ludzi starożytnych Religiy greckiey nie w unii będących a osobliwie ymieniem Jch Mość Panow obywatelow woiewodstwa Połockiego teyze Religiey greckiey nie w unii się nayduiących iako się Jch Mość unaniter Jego Krolewskiey Mości Pana Naszego Miłosciwego o Cerkwi prawosławne domawiali za ktorych domawianiem y ta Cerkiew Bratska Połocka iest ufondowana na wielebnego jego mość Xiędza Antoniego Sielawę Metropolite Archiepiskopa Połockiego Archimandryte Żydyczyńskiego w Unii będącego. O tem yż Jego Mość Xiądz Sielawa Rezyduiąc i przed tym na stolicy Archiepiskopstwa Połockiego z dawnego gniewu rankoru y nienawiści swoiey ku tey pomienioney Cerkwi Bratskiey Połockiey Bohoiawlenia Pańskiego Sam przez się przez sług czeladzi

Богоявленскою и съ принадлежащимъ къ ней монастыремъ основанная и построенная издавна на шляхетской привилегированной землѣ, и иждивеніемъ господина Севастіана Мірскаго, браславскаго земскаго судьи, утвержденная, конфирмованная привиллегіями, письмами и декретами его королевскаго величества Владислава IV-го — государя донынѣ счастливо надъ нами царствующаго, отъ начала основанія своего по настоящее время. Также они протестовали отъ имени свѣтлѣйшихъ, обывателей, живущихъ въ различныхъ воеводствахъ и округахъ в. к. литовскаго и бѣлой Руси — людей религіи греческой не унитской, а преимущественно — отъ имени обывателей воеводства полоцкаго той же греческой, не унитской вѣры, такъ какъ они договаривались объ этой православной церкви съ его королевскимъ величествомъ, милостивымъ государемъ нашимъ, въ силу договора которымъ и была построена вышеупомянутая полоцкая, Братская церковь. Протестовали противъ митрополита Антонія Селявы, полоцкаго архіепископа, архимандрита унiятскаго жидычинскаго монастыря. Вотъ въ чемъ протестація и жалоба ихъ, что его милость о. Селява, имѣя и прежде резиденцію въ столицѣ полоцкаго архіепис-

i śpiewakow swych y przez różne osoby na to subordynowano nasyłaiąc gwałtem armatno wielkie przykrości temu miejscu świętomu y zakonnikom przy tey Cerkwi mieszkaiącym wyrządził, o co różne procesa prawne y relacye ienerałskie od wielebnego oyca Ihumena Połockiego z ramienia Jego Mość oyca Episkopa Mscisławskiego zesłanego y od zakonnikow przy tey Cerkwi Bobojawlenia Pańskiego pod władzą Jego Mość mieszkaiących rożnemi czasy y na rożnych urzędziech doniesione są. Teraz zaś ięiako Pomienionego Oyca Ihumena y zakonnikow tamecznych dochodzi pewna wiadomość że Jego Mość Xiądz Sielawa postąpiwszy z Archiepikopiey Połockiey na wyzszy urząd metropolitański a przybywszy z kraiow litewskich do woiewodztwa Połockiego do Dyecezyi Archiepiskopstwa Połockiego w Roku teraznieyszym tysiąc sześćset czterdziestym wtorym w miesiącu Maiu warnszaiąc pokoy pospolity znacznie Prawem y Pactami, szczęśliwey elekcyiey Jego krolewskiey Mości Pana naszego miłościwego między rozroznionemi w wierze uczyniony niedbaiąc nawinę y zarękę między tymże stanem Duchownym Relicy Greckiey w Constytucyey w Roku blizko przeszłym Tysiąc sześćset Czterdziestym Pierwszym w Warszawie na Seymie sześćniedzielnym postanowioncy ale to wszystko lekce ważąc zamyslaiąc sposoby niesłusznymi nieprzystoynymi

копства, по старому гнѣву и ненависти къ помянутой полоцкой Братской церкви — и черезъ слугъ, челядь, своихъ овѣчихъ и черезъ другихъ лицъ, нарочно на это назначаемыхъ, выгадываетъ и причиняетъ вооруженнымъ насиліемъ большія непріятности этому святому мѣсту и живущимъ при этой церкви монахамъ. Объ этомъ дѣлѣ разные судебные процессы, и генеральныя донесенія, въ разные сроки и въ различныя управы (присутс. мѣста) уже были поданы почтеннымъ о. игуменомъ полоцкимъ и живущими при Богоявленской церкви монахами, по порученію и благословенію его милости преосвященнаго епископа мстиславскаго. Теперь опять получено донесеніе помянутаго о игумена и тамошнихъ монаховъ о томъ, что его милость о. Селява, поступивши съ каѳедры полоцкой архіепископіи на высшую іерархическую должность — митрополитства, прибылъ изъ земли литовской въ воеводство полоцкое, въ діецезіи полоцкаго архіепископства и нарушаетъ общественный, народный покой и миръ между людьми разныхъ вѣроисповѣданій, не сдерживается постановленными на шестинедѣльномъ Варшавскомъ сеймѣ, бывшемъ въ 1642 году, штрафами и взаимною порукою, за-

y osobie Duchowney nienależnymi, gwałt, krzywdę y bezprawie czynił sam przez się przez substytucyą swoie y przez rożne osoby duchowne przy sobie mieszkaiące także przez wielu nie bacznych ludzi, nadto od siebie subordynowanych rozne przegróżki odpowiedzi, pochwałki na mieyscach Publicznych y prywatnych przed wielą ludzi zacnych czyni i czynic nie przestaie obiecuiąc w rychłem czasie pomienioną Cerkiew Bratską Bohoiawlenia Panskiego do ktorey namnieyszego prawa y przystępu niema swawolnie gwałtem zaiachawszy sobie nienależnie przywłaszczyć mówiąc temi słowy, „Już teraz zostawszy Metropolitą „więcey w Dieceżyi Połockiey tego „Meczetu Cerkwie Schyzmatyckiey „cierpiuć niebędę, zaiadę, wezmę „rozrzucę i z gruntu wywrocę i „czerncow tam mieszkaiących zwią„żę y pobiorę y obaczę kto mi „ich bronic będzie". Za ktoremi takowemi odpowiedziami y pochwałkami Jego Mość Xiędza Metropolity obawiaiąc się wielebny ociec Ihumen y zakonnicy tameczni aby do iakiego tumultu y rozruchow iako w mieście pogranicznym a złego strzeż Boże y do rozlania krwie niewinney mieszczanskiey nieprzyszło, zabiegaiąc wcześnie tak szkodliwemu przedsiewziętemu zamysłowi Jego Mość Xiędza Metropolity sami od siebie i imieniem obiego stanu Duchownego i swieckiego w prawosławii będących donosząc tę solenną Protestacyą swoię przed

ключенною между уніятскимъ и не уніятскимъ духовнымъ сословіемъ. Мало обращая вниманія на все это, его милость о. Селява выдумываетъ несправедливыя, неприличныя духовному лицу вещи — дѣлаетъ обиды, насиліе и всякія другія несправедливости — и самъ чрезъ помощниковъ своихъ, духовныхъ лицъ, живущихъ при немъ и вообще чрезъ безчестныхъ людей назначаемыхъ на это, дѣлаетъ разныя пострастки, похвальбы и дерзости въ виду огромнаго числа честныхъ людей и на публичныхъ и на частныхъ мѣстахъ, — и похваляется еще безъ всякаго малѣйшаго права и законнаго основанія, а просто самоправно — насильно присвоить себѣ помянутую полоцкую Братокую Богоявленскую церковь, говоря: — „оставшись теперь митрополитомъ въ епархіи полоцкой, я уже не потерплю этой мечети — схизматической церкви — возьму и разрушу до основанія; а монаховъ тамъ живущихъ перевяжу и заберу съ собою и увижу — кто будетъ оборонять ихъ"! — Опасаясь, чтобы изъ-за этихъ пострастокъ и угрозъ, и въ самомъ дѣлѣ, не вышло какого-нибудь волненія, а чего Боже упаси, и пролитія невинной мѣщанской крови, — и желая заранѣе въ пору предупредить эти опасные замыслы его ми-

nas sędziow prosili aby do xiąg głownych Trybunalskich Wilenskich przyięta była i zapisana co iest zapisano. Скоторыхъ книгъ видимусъ подъ печатю земскаго воеводства виленъскаго в бозе велебному Его милости отцу Анътонему Селяве митрополиту киевскому естъ выданъ. Писанъ у Полоцку.

(L. S.) Воловичъ Писаръ.
Коррикговалъ Янъ Конарский.

люсти митрополита, — честный о. игуменъ помянутаго монастыря и монахи отъ своего имени, — и отъ имени духовнаго и свѣтскаго сословій, находящихся въ православіи, заявили эту протестацію и просили, чтобы она была принята и записана въ главныя трибунальныя виленскія книги. Въ эти книги она и записана. Изъ нихъ же выдана за печатью земскаго виленскаго воеводства и эта копія его милости о. Антонію Селявѣ. Писана въ Полоцкѣ.

(М. П.) Воловичъ писаръ.
Скрѣпилъ Янъ Конарскій.

5.

Копія универсала Януша Кишки полоцкаго воеводы и проч. жителямъ г. Полоцка, чтобы не смѣли строить новую церковь въ г. Полоцкѣ, совершать общественное православное Богослуженіе, и не отпадали отъ уніи въ православіе. 1643 года, сентября 14 дня.

(Списано съ подлинника, хранящагося въ архивѣ полоцкой духовной консисторіи связка 30, № 62).

Janusz Kiszka Woiewoda połocki Hetman Polny W. X. L. Pernawski exstarosta. Wszem w obec y każdemu zosobna komu by o tym wiedzeć należało tak wielebnym w Bodze osobom duchownym Jasnie Wielmożnym, Wielmożnym zacnie urodzonym ichmosciom Panom obywatelom Woiewodstwa połockiego moim Mościwym Panom y Braci tudziesz

Януптъ Кишка, воевода полоцкій, польный гетманъ великаго княжества литовскаго, екстароста пернавскій. Всѣмъ вообще и каждому особо, до кого это касается, — какъ преподобнымъ лицамъ духовнымъ, ясно-вельможнымъ, благороднымъ панамъ обывателямъ полоцкаго воеводства, моимъ милостивымъ панамъ и братьямъ,

sławetnemu Magistratowi iako y wszystkiemu pospolstwu miasta Jego Królewskiey Mości Połockiego oznaymuię y czynię wiadomo iż pokazywany mi iest przywiley Jego Królewskiey Mości Pana naszego miłosciwego datą roku tysiąc szescset trzydziestym piątym miesiąca marca cztyrnastego dnia dany y należący tak wszystkim przewielebnym, wielebnym oicom duchownym iak też in communi ludziom Religii greckiey w professyi Unii Swiętey będącym. W ktorym wyczytawszy przy innych clausulach expresse wyrażoną opisaną wolą y ordinatią Jego Królewskiey Mości Pana naszego miłłosciwego aby w pewnych miastach a mianowicie w miescie Jego krolewskiey Mości Połłocku, tak duchownym iako swieckim osobom ważyc się wolno niebyło Cerkwi religii Greckiey dyzunickiey budowac y publicznego nabożenstwa odprawowac y secundum ritum zadnych niemiec, exercitia, nadto oddany maiac do siebie od Jego krolewskiey Mości derigowany list w ktorym mi Jego Królewska Mość pod wolą y łaską swoią zlane raczy abym osob duchownych tam w Woiewodstwie y diecezyi połockiey będących w Religii Uniackiey brachio Jego Krolewskiey Mości regali ochraniał y pod protectią miał broniąc zwierzchności Jego Krolewskiey Mości, od wszelakich krzywd przeszkody impetytii od desidentow w tey religii iesliby co takowego ponowili, Do tego oboyga względem woli y zlecenia Jego Krolewskiey

такъ и почтенному магистрату, равно же и всѣмъ жителямъ — его королевской милости города Полоцка. Объявляю во всеобщее свѣдѣніе, что предъявлена была мнѣ привиллегія его королевской милости, милостиваго нашего государя, въ 1635 году данная и принадлежащая какъ всѣмъ высокопреподобнымъ и преподобнымъ отцамь духовнымъ, такъ равно и всѣмъ вообще людямъ греческой религіи уніятскаго вѣроисповѣданія. Вычитавъ въ привиллегіи этой, между другими опредѣленіями, ясно выраженную волю и повеленіе его королевской милости, милостиваго нашего государя, чтобы въ извѣстныхъ городахъ, а именно въ городѣ его королевской милости Полоцкѣ, ни духовнымъ, ни свѣтскимъ лицамъ не было позволено строить не уніятскую церковь и отправлять въ ней общественное Богослуженіе, или другіе обряды не по уніятскому чину, кромѣ того, получивши адресованное на мое имя королевское письмо, въ которомъ его королевское величество, по волѣ милости своей, благоволилъ мнѣ поручить, дабы, силою королевской власти, я охранялъ и имѣлъ подъ моимъ покровительствомъ всѣхъ особъ духовныхъ — уніятовъ, находящихся въ воеводствѣ и епархіи полоцкой, и защищалъ ихъ

Mości tak do przywileiu iako y listu sobie oddanego stosuiąc się zwierzchnosci Jego Krolewskiey Mości a władze Urzędu mego iako po oycach w dyzunii będących iako po ichmosciach Panach obywatelach tamecznych y sławetnych mieszczanach Połockich żądam a imieniem Jego Królewskiey Mości napominam aby oglądaiąc się kozdy na wolą y ordynatią Jego Krolewskiey Mości w miescie tamtym cerkwi dyzunickich budowac y publicznego nabożenstwa tudziesz exercitia szkolne odprawowac niewazył się a przytym żadnych Buntow seditii religii Uniackiey przeszkod y turbatyi bluznierstw iako się teraz swieżo pokazuie i przechwałek a conspiratyi czynic niesmiał a iesliby się to partycularnie abo regularnie na kogo pokazało tedy nietylko poenom prawnym podlęgac będzie ale ia osobliwie zakładam winy na Jego Krola Mość Pana mego miłosciwego piendziesiąt a na siebie woiewodę y woyta dziesięc tysięcy złotych polskich na co y ten moy list daiąc doniego się przy pieczęci ręką moią pod-

силою королевской власти отъ всякихъ, могущихъ случиться, обидъ, помѣхъ и вмѣшательства со стороны что нибудь возобновившихъ не-уніятовъ, только въ силу воли и порученія его королевскаго величества, примѣняясь къ указу и привилегіи, данныхъ мнѣ его к. величествомъ; требую, по долгу моей обязанности, и узаконяю это требованіе королевскимъ именемъ, чтобы, повинуясь волѣ и распоряженію королевскому, никто какъ изъ отцевъ не-унитовъ, такъ изъ господъ почтенныхъ тамошнихъ гражданъ и мѣщанъ— не осмѣливался строить въ Полоцкѣ не-уніятскія церкви и отправлять въ нихъ общественное Богослуженіе и вообще церковные обряды, — чтобы никто не дерзалъ поднимать бунтовъ и заговоровъ, или дѣлать какія-нибудь затрудненія, помѣхи, угрозы и богохульныя дерзости противъ уніятской религіи,—какъ это теперь недавно случилось. Если что-нибудь въ этомъ родѣ, или частнымъ образомъ или формально-судебнымъ порядкомъ будетъ на кого-либо показано, тотъ не только подвергается законному штрафу, но я еще и съ своей стороны полагаю на таковаго слѣдующую пеню — 50 тысячь на королевскую особу, а 10 тысячь польскихъ злотыхъ на меня— воеводу и войта. Для увѣдом-

pisanie. Pisan w Krzyniczach Roku 1643 miesiąca septembra 14 dnia.

(M. П.)

Janusz Kiszka Polłocki woiewoda y woyl, Polny Hetman W. X. L. ręką swą.

Михайло Петрише енерал рукою власною.

ленія его королевскаго величества о моемъ рѣшеніи, посылаю ему, за печатью и собственноручною подписью, этотъ мой универсалъ. Писанъ въ Крыничахъ, 1643 г. м. сентября 14 дня.

(М. П.)

Янушъ Кишка Полоцкій воевода, Польный гетманъ В. К. Л собственною рукою.

Михайло Петрише, генералъ власною рукою.

6.

Указъ короля Михаила начальству полоцкаго воеводства, чтобы отняли на унію у православныхъ ихъ церковь съ монастыремъ и передали въ вѣденіе полоцкаго уніатскаго архіепископа Гавріила Коленды. 1670 года, мѣсяца мая 20-го дня.

(Списано съ подлинника, хранящагося въ Архивѣ полотской дух. Консисторіи. Связка 30. № 94).

Michał z łaski Bożey król Polski.

Wielmożnym Urodzonym Dignitarzom Urzędnikom y wszystkim in genere et specie equestris ordinis, woiewodstwa Połockiego Obywatelom uprzeymie wiernym y Nam Miłym Łaskę Naszą Królewską. Wielmożni Urodzeni Uprzeymie y wiernie Nam mili. Doszło Nas wiedzieć od wielebnego w Bogu Xądza Gabryela Kolendy Metropolity Kiiowskiego

Михаилъ милостію Божіею король польскій.

Вельможнымъ, благороднымъ сановникамъ, чиновникамъ и всѣмъ вообще и въ особенности обывателямъ рыцарскаго ордена полоцкаго воеводства искреннне намъ вѣрнымъ и любезнымъ наша королевская милость. Вельможные, благородные, искренно намъ любезные! Мы узнали отъ преосвященнаго митро-

y wszystkiey Rusi Archiepiscopa Połockiego Witebskiego y Mcisławskiego Iż po ustąpieniu Moskwy z Połocka y wroceniu się tego woiewodstwa pod władzą Naszą. Lubo to y przed wzięciem onego za Ustawiczną chorobą zeszłey Pamięci Xiędza Antoniego Sielawy Pasterza tamecznego schizma nad Prawa y Przywileia Nayiaśnieyszych Krolow Ichmościow a osobliwie przeciwko Przywileiowi S. Pamięci Władysława IV y rescriptu Nayiaśnieyszego Jana Kazimierza Antecessorow Naszych za zgodą wszech stanow Unitom nadanego w Połocku szyrzyła się y Cerkiew sobie zbudowawszy z niemałą liczbą czerncow disunitow nabożeństwo swoie odprawowała y teraz post hostilitatem . . .

. . . .

. . . .

(на згибѣ двѣ строки совершенно вытертыя). pilnie żądamy y chcemy mieć po Uprzeymie y Wier. W. W. nieinaczey iako Commissarzach od exequendum od Nas destinowanych, abyście Uprzeym. i Wiern. za pokazaniem y oddaniem sobie tego listu Naszego Cerkiew Disunitow w Mieście Naszym Połocku z klasztorkiem y ze wszystkiem co teraz y przedtym do tey Cerkwi i klasztoru należało adhibito etiam forti brachio wielebnemu w Bogu I. Xiędzu Gabryelowi Kolędzie Archiepiskopowi Połockiemu iako Pasterzowi należytemu w moc i Jurisdictią Pasterską podali y uwiązali, czerncom Disunitom ustąpić

политa кіевскаго и всей Россіи, архіепископа полоцкаго, витебскаго и мстиславскаго, что, по возвращеніи воеводства полоцкаго изъ подъ московской власти въ нашу власть,—а можетъ быть и до занятія его, по случаю постоянной болѣзни, доброй памяти, о. Антонія Селявы, тамошняго пастыря, въ полоцкомъ воеводствѣ пріютилась схизма, помимо и противъ законовъ свѣтлѣйшихъ королей, предшественниковъ нашихъ, а особенно противъ привилегіи святой памяти, Владислава IV и рескрипта е. к. величества Яна Казиміра, съ согласія всѣхъ чиновъ уніатомъ даннаго, въ г. Полоцкѣ распространялась схизма и схизматики, построивъ себѣ церковь съ немалымъ числомъ дизуницкихъ чернецевъ, совершали свое богослуженіе и теперь post hostilitatem . . . . .

. . . . [1])

строго требуемъ и желаемъ отъ васъ искренне намъ вѣрныхъ господъ коммиссаровъ для произведенія слѣдствія назначенныхъ, чтобы по предъявленіи передачи вамъ сего нашего письма, схизматицкую церковь въ г. Полоцкѣ съ монастыремъ и со всѣмъ, что прежде принадлежало и теперь

[1]) По ветхости рукописи, мѣсто означенное пунктирами, нельзя разобрать.

wskazali y w Miescie Naszym Połocku odtąd Schismy nie cierpieli zachowuąc się w tym podług zwyczaiu Prawa pospolitego uczynicie to Uprz. y Wier. WW. dla pomnożenia chwały Bożey y dla łaski Naszey. Dan w Warsawie dnia 20 miesiąca Maia Roku Panskiego 1670, Panowania Naszego 3 Rogu.

принадлежитъ къ этой церкви и монастырю, уполномоченною рукою возвратили, какъ законному пастырю, преосвященному о. Гавріилу Колендѣ, архіепископу полоцкому, и все это закрѣпили въ его вѣденіе и пастырское владѣніе, — а тамошнимъ монахамъ неуніятамъ приказали бы уступить и чтобы съ этой поры не терпѣли схизмы въ городѣ нашемъ Полоцкѣ. Исполните это, искренне намъ вѣрные господа для умноженія славы Божіей и для нашей милости, — согласуясь въ этомъ съ общественнымъ правомъ. Данъ въ Варшавѣ мѣсяца мая 20 дня 1670 года, царствованія же нашего третьяго.

Michał Krol. (L. R.) Michał Drucki Sokolinski Pisarz W. X. L.

Михаилъ Король (М. П.) Михаилъ Друцкій Соколинскій Писарь В. К. Л.

7.

Увѣщательное письмо короля Яна III полоцкому Богоявленскому монастырю и всѣмъ православнымъ жителямъ города Полоцка, чтобы не смѣли возобновлять православную церковь. 1683 года, апрѣля 16 дня.

(Списано съ подлинника, хранящагося въ архивѣ полоцкой духовной консисторіи, Связка 30, № 107).

Jan III z Bożey łaski Krol Polski Wielki Xiąże Litewski, Ruski Pruski, Żmudski, Mazowiecki, Kiiowski, Wołynski, Podolski, Podlaski, Inflantski, Smolenski, Siewierski y Czernihowski.

W. W. Oycom Ihnatemu Zyg-

Янъ III милостію Божіею король польскій, в. к. литовскій, русскій, прусскій, жмодскій, мазовецкій, кіевскій, волынскій, подольскій, подляскій, инфляндскій, смоленскій, сѣверскій и черниговскій.

Преподобнымъ отцамъ игу-

montowiczowi Ihumenowi, Kalixtemu Łapickiemu, Sylwestrowi Konarskiemu, Sebestianowi Charkiewiczowi, Gedeonowi Sawickiemu y wszystkim Czerncom Monasteru Połockiego w Disunii będącym, także sławetnym Stefanowi y Iwanowi Kuryłowiczom Ludzkom, Piotrowi y Iwanowi Stephanowiczom Ludzkom Piotrowi Janowi, Andrzejowi y Jakubowi Cybulskim i wszystkim oraz mieszczanom Połockim w schyzmie zostaiącym. Doniesiono nam przez niektorych P.P. Rady y Urzędnitow naszych przy nas na ten czas rezyduiących Wielebny w Bogu Xdz Cypryan Żochowski Metropolita Kijowski y wszystkiey Rusi Archiepiscop Połocki, Iż wy contraveniendo Constitutiom Seymowym y Dekretom Naszym Commissarskim, które zabroniły po umęczeniu błogosławionego Jozaphata tak w Nowogrodku, Witebsku iako i w Połocku Cerkwi Schizmatyckich erigowania, smieli i ważyli się w Miescie Naszym Połocku Cerkiew w Disuniey będącą zprowadziwszy na pomienioną Cerkiew drzewo Dzwiną Rzeką, a de nova radice erigować umyślili, a niemniey Conspiratią y Conjuratią na zdrowie tegoż wielebnego xiędza Metropolity uczynic. Co że się dzieie cum summo praejuditio et contra legem publicam, wydaiemy do Was ten nasz List chcąc mieć i serio rozkazuiąc, abyscie insistendo Constitutiom Seymowym y Dekretom Naszym Commissarskim Cerkwi

мену Игнатію Зигмунтовичу, Каллисту Лапицкому, Сильвестру Конарскому, Севастіяну Харкевичу, Гедеону Савицкому и всѣмъ не унитамъ — монахамъ Полоцкаго монастыря, также славетнымъ, Стефану и Ивану Кириловичамъ, Петру и Ивану Стефановичамъ, Петру и Ивану, Андрею и Якову Цыбульскимъ и всѣмъ вообще находящимся въ схизмѣ мѣщанамъ Полоцкимъ. Донесли намъ нѣкоторые паны Рады и чиновники нашіе, бывшіе на ту пору при насъ, преосвященный о. Кипріянъ Жоховскій архіепископъ полоцкій, что вопреки сеймовымъ постановленіямъ и нашимъ коммисарскимъ декретамъ, которыми, по убіеніи блаженнаго Іосафата, запрещено возобновленіе схизматицкихъ церквей въ Новогрудкѣ и Витебскѣ, такъ и въ Полоцкѣ, осмѣлились и дерзнули, сплавивши по Двинѣ лѣсъ на неунитскую церковь въ городѣ нашемъ Полоцкѣ, вздумали ее заново отстроить и кромѣ того злоумышляли и сдѣлали заговоръ на жизнь преосвященнаго кіевскаго митрополита. Такъ какъ все это дѣлается вопреки общественнаго закона, даемъ вамъ это наше письмо съ желаніемъ и строгимъ повелѣніемъ, дабы, согласно сеймовымъ постановленіямъ и нашимъ коммисарскимъ декретамъ, не смѣли за ново строить

Dysunickiey w Miescie Naszym Polocku de nova radice erigować tudziesz na zdrowie Wielebnego Xiędza Żochowskiego Metrolity Kiewskiego nastempować nieważyli się pod winą trzech tysięcy czerwonych złotych za naymnieyszym tego Listu naszego naruszeniem, y w ktorym kolwiek punkcie dość nieuczynieniem, ktorych połowa do skarbu Naszego, a druga połowa stronie irremisibiliter należeć będzie et sub ulterioribus poenis ex arbitrio Nostro irrogandis skazaliśmy. Dan w Warszawie dnia XVI Miesiąca Apryla Roku Pańskiego 1683 Panowania Naszego 9.

Jan Król (L. S). Jan Władysław Brzostowski Reffferendarz i Pisarz W. X. Litt.

неуниатскую церковь въ городѣ нашемъ Полоцкѣ и посягать на жизнь преосвященнаго Жоховскаго митрополита кіевскаго за малѣйшее нарушеніе или малѣйшее отступленіе отъ котораго либо пункта сего нашего письма уплаты штрафа, трехъ тысячъ червонныхъ золотыхъ. Изъ этого штрафа повелѣваемъ половину уплатить нашей казнѣ, а другую правой сторонѣ безспорно и подъ опасеніемъ наказанія, вызваннаго волею нашею. Данъ въ Варшавѣ, апрѣля 16 дня, 1683 года, царствованія же нашего 9-го.

Янъ Король (М. П.) Янъ Владиславъ Бржостовскій референдарій и писарь В. К. Л.

II.

—

ЛИТВА
ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РОССІИ И ПОЛЬШѢ.

(Продолженіе).

III.

СТѢСНЕНІЕ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЛИТВѢ.

Въ 1385 г. первый шагъ князя литовскаго въ столицу польскую былъ ознаменованъ униженіемъ православія. Не въѣзжая въ самый Краковъ, Ягайло остановился въ предмѣстьи: сейчасъ явился латинскій архіепископъ, и началъ оглашать его и всю свиту; черезъ четыре дня, Ягайло, вступивъ въ Краковъ, отправился прямо въ костелъ Станислава. Тамъ перекрестили Ягайлу, Скиргайлу, Свидригайлу, Витовта и другихъ князей литовскихъ и множество вельможъ, сопровождавшихъ своего государя [240]). И такъ православная церковь въ Литвѣ лишилась почетнѣйшихъ своихъ сыновъ; князья измѣнили православію, правда не по убѣжденію, а изъ видовъ личныхъ, но тѣмъ не менѣе дали гибельный примѣръ религіозной измѣны. Не знаемъ, сколько по этому примѣру явилось новыхъ отщепенцовъ; но историкъ увѣряетъ, что представители народа литовскаго— вельможи, на сеймѣ волковыскомъ вѣсть о соединеніи двухъ народовъ приняли *съ радостью* [241]). Не мудрено, если нѣко-

---

[240]) Dz. st. nar. Lit. *Narb.* T. V. стр. 383—385. Ягайло, воспитанъ былъ въ православіи и крещенъ съ именемъ Якова (смотри выше: православная вѣра въ Литвѣ).

[241]) Тамъ же стр. 387.

торые, въ доказательство своей радости, повторили тоже въ Волковыскѣ, что совершилось въ Краковѣ. Одинъ только изъ князей литовскихъ—Андрей Вингольтъ полоцкій понялъ настоящее положеніе дѣлъ: объявилъ, что Ягайло, сдѣлавшись *отщепенцомъ*, потерялъ право власти надъ народомъ православнымъ, и потому никто не обязанъ повиноваться ни ему, ни братьямъ его, измѣнившимъ православію [242]; но при этомъ Вингольтъ сдѣлалъ три ошибки: 1) предложилъ въ государи Литвѣ *самаго себя*, 2) соединился съ врагами Литвы—рыцарями, и 3) во имя православія внесъ въ Литву пламенникъ войны. Въ продолженіи трехъ недѣль союзники опустошили 18 старостъ, увели 3000 человѣкъ и взяли много добычи. Не можемъ хвалить Вингольта, но не можемъ и не замѣтить, что Литва настоящими потерями обязана измѣнѣ православію.

Одно зло обыкновенно влечетъ за собою другое: Ягайло, жалуясь на магистра Цолнера, разглашалъ, что онъ [243] «съ войсками своими ливонскими, присоединивъ къ себѣ нѣкоторыя войска *схизматиковъ* (отщепенцовъ) *изъ Полоцка и Смоленска*, которыя взбунтовалъ противъ насъ, опустошилъ наши земли больше нежели на 60 миль.» Литва изъ устъ своего государя, прежде исповѣдывавшаго православіе и рожденнаго отъ княжны православной, въ первый разъ услышала, будто бы православіе есть *схизма—отщепенство*. Конечно, благоразумные видѣли въ этомъ безсильную месть противъ Вингольта и собственное оправданіе Ягайлы за измѣну вѣрѣ; но сколько есть такихъ людей, которые вѣрятъ всему!—На нихъ этотъ отзывъ долженъ былъ имѣть гибельное вліяніе. Какъ бы то ни было, вел. князь Литвы, измѣнившій православію, бросилъ на него хулу *отщепенства*, въ которомъ виновенъ былъ самъ, и въ которое повлекъ другихъ. Дѣло не окончилось на словахъ: Ягайло обязался не только язычниковъ обратить въ латинство, но и православныхъ привести къ единству съ римскою церковью [244]. Возвратившись въ Литву для исполненія своего обязательства, въ 1387 г., онъ объявилъ римское католичество господствующею

---

[242]) Тамъ же стр. 389.

[243]) Per exercitus suos de Livonia, adjunctis sibi quibusdam *Schismaticorum* exercitibus, videlicet de *Ploczsko* et *Smolensko*, a nostra subjectione per ipsum revocatis et nobis rebellantibus, terras nostras ultra quam per sexaginta miliaria vastari fecit. У Нарбута Т. V. стр. 391.

[244]) Dz. st. nar. Lit. *Narb.* T. VI. стр. 340.

вѣрою [245]), и началъ крестить всѣхъ, кого только могъ. Непросвѣщенныхъ язычниковъ убѣдить было не трудно; даже платье, которое, по волѣ князя, было раздаваемо имъ, служило не малымъ побужденіемъ къ принятію крещенія; но что было дѣлать съ православными? Употребили силу власти, лишеніе правъ и насиліе: въ грамотѣ (сохранившейся до сихъ поръ въ виленскомъ капитулѣ) на имя виленскаго епископа объявлено слѣдующее:

«Желая распространить (римско)-католическую вѣру въ земляхъ нашихъ русскихъ и литовскихъ, мы, по волѣ и съ согласія братьевъ нашихъ свѣтлѣйшихъ князей и *всѣхъ дворянъ* (omnium nobilium) земли литовской, положили, установили, обѣщали и клятвою подтвердили всѣхъ природныхъ литовцевъ обоего пола, всякаго званія, состоянія и достоинства во владѣніяхъ нашихъ литовскихъ и русскихъ къ вѣрѣ (римско)-католической и къ покорности св. римской церкви привлечь, призвать и *даже принудить* (imo compellere) къ какой бы сектѣ (т. е. вѣрѣ) они ни принадлежали. А дабы новообращенные въ (римское) католичество литовцы какимъ либо образомъ не отдѣлились отъ послушанія и обрядовъ римской церкви, мы, желая уничтожить всѣ вообще, и въ частности каждое препятствіе католической вѣрѣ, строго запрещаемъ литовцамъ обоего пола соединяться бракомъ съ русинами также обоего пола, пока напередъ русинъ или русинка не признаютъ самымъ дѣломъ покорности римской церкви. А если противъ сего нашего запрещенія кто либо изъ русиновъ обоего пола соединился бракомъ съ (римско)-католикомъ или католичкою, то сочетавшіеся не разлучаются, но тотъ изъ супруговъ, который принадлежитъ къ другой сектѣ (вѣрѣ), долженъ принять вѣру католическую и, дѣйствительно признать покорность римской церкви, къ чему *слѣдуетъ принуждать ихъ даже тѣлеснымъ наказаніемъ*» (ad quod etiam poenis corporalibus compellendi) [246]).

Нельзя не остановиться на этомъ постановленіи. Замѣтимъ прежде всего, что оно начинается ложью: сказано, будтобы въ римскую вѣру обращаются литовцы *съ согласія всѣхъ дворянъ литовскихъ*. Еслибъ спросили не придворныхъ, а дѣйствительно всѣхъ дворянъ, и руководствовались большинствомъ голосовъ, то исповѣданіе это никогда не было бы признано въ Литвѣ господствующимъ; не смотря на всѣ преимущества папистовъ

---

245) Тамъ же Т. V. стр. 461.

246) Wilno, *Kraszew.* Т. II. стр. 496 и 514.

и на всѣ притѣсненія православнымъ, весьма многія дворянскія фамиліи остались въ вѣрѣ православныхъ отцевъ своихъ, и, при введеніи уніи, православными были: *князья:* Вишневецкіе, Волынскіе, Головчинскіе, Друцкіе-Горскіе, Дубровицкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Корецкіе, Коширскіе, Крошинскіе, Лукомскіе, Мосальскіе, Огинскіе, Острожскіе, Полубинскіе, Пузины, Ружинскіе, Сангушки, Слуцкіе, Соколинскіе, Соломерецкіе и Чарторижскіе; *изъ почетнѣйшаго дворянства:* Боговитины, Бокіи, Бржозовскіе, Войны, Воловичи, Вяжевичи, Гарабурды, Глѣбовичи, Горностаи, Гулевичи, Дорогостайскіе, Деревинскіе, Ермолинскіе-Загоровскіе, Зеновичи, Калиновскіе, Киреевы, Кмиты, Кишки, Копецы, Корсаки, Лозки, Мишковскіе, Обуховичи, Олизаровичи, Павловичи, Пацы, Поцѣи, Сапѣги, Сосновскіе, Сѣмашки, Тишкевичи, Тризны, Халецкіе, Ходкевичи, Хрептовичи, Чолганскіе, Шишковичи, Ярмолинскіе [247]), Долматы-цеперскіе, Юрковскіе [248]) и другіе. Презирая земныя выгоды и преимущества, предостевленныя королями за измѣну православію, они свято исповѣдывали православіе. Даже въ 1618 г. т. е. въ самый разгаръ уніи, Константинъ Долматъ-ценерскій и жена его Анна, урожденная Юрковская, учредивъ православный общежительный монастырь въ новогрудскомъ уѣздѣ, и подчинивъ его виленскому Святодухову монастырю, сдѣлали слѣдующее завѣщаніе: «еслибы, чого Боже уховай, тая церковь и монастыр братства Виленскаго отъ православия отступивши до теперешние ново насталое уніи приступил, а подъ звыклымъ собѣ и предкомъ своимъ послушеством светейшого патриархи Константинопольского трвати не хотѣл,—тогды монастыр наш цеперски при том монастыри которыбы колвекъ в князстве Литовском в неотступлении православия стародавного был, зостати мает [249])». Подобнымъ образомъ въ 1629 г. княгиня Раина Огинская, урожденная Воловичова, подаривъ имѣнія состоящему «под послушенствомъ зверхнѣйшого пастыра *церкви* святое *всходнее* апюстольской святейшаго патриарха Константинопольскаго», т. е. православному кронскому монастырю, въ которомъ погребенъ мужъ ея подкоморый троцкій князь Богданъ Огинскій, завѣщала, чтобы попеченіе о томъ монастырѣ имѣли потомки ея, «которые *въ благочестіи старожытнаго* послушенства *церкви* святое *восходнее* будутъ»; при чемъ объяснила, что она

[247]) Ист. объ уніи стр. 34—36.
[248]) Собр. др. гр. и акт. Вильно 1843 ч. II. стр 108.
[249]) Тамъ-же стр. 111.

вмѣстѣ съ покойнымъ мужемъ своимъ угодья въ имѣніи вевейскомъ подарила монастырю вевейскому (евейскому), подчиненному архимандриту виленскаго Святодухова монастыря *«церкви всходное»* (восточной православной), и постановляетъ слѣдующее условіе: «еслибы, чого Боже уховай, а якихъ колвек мер поменены архимандритъ церкви Светого Духа виленски благочестия церкви восходное и послушенства светейшаго патриарха константинополского отступилъ, тот монастыр вевейски и добра до него фундованные в моц и владзу нашу взять, прето и тым листомъ моимъ варую, еслибы, не дай Боже, отступником от благочестия архимандрита виленски засталъ, тогды тотъ помененy монастыр наш вевейски зо всими принадлежностями ему фундоваными до монастыря нашого кронского нялежати» [250]) и проч. [251]). Все это доказываетъ, что на введеніе латинской вѣры въ Литву дворянство согласія не давало. Что касается *до принужденія* къ этой вѣрѣ, особенно при *тѣлесныхъ наказаніяхъ,* то дѣло говоритъ само за себя: римскому духовенству православные отданы на жертву. Самъ Ягайло казнилъ двухъ православныхъ вельможъ, не хотѣвшихъ измѣнить православію [252]).

Сколько сдѣлало успѣховъ латинство при помощи *тѣлесныхъ наказаній*, хроники молчатъ; но Ягайло самъ проповѣдывалъ его, и слѣдовательно всѣ убѣжденія и средства пущены были въ ходъ для распространенія повиновенія римской церкви. Мракъ вѣковъ скрываетъ печальную картину религіозныхъ событій въ Литвѣ въ концѣ XIV вѣка. Въ этоже время на Жмуди римскую вѣру распространяли рыцари. Какія употреблялись средства, видѣть можно изъ протеста жмудскаго народа. «Имѣемъ епископовъ, писалъ онъ, прелатовъ, ксендзевъ и не мало подобныхъ людей, которые забираютъ у насъ волну и молоко, *пьютъ нашу кровь, объѣдаютъ мясо при костяхъ,* но совершенно не заботятся о просвѣщеніи насъ христіанствомъ» [253]).

Проповѣдники, отправленные Ягайлою во всю Литву, поступали едва не лучше; особенно отличился монахъ камендульскаго ордена Іеронимъ изъ Праги; онъ проповѣдывалъ и крестилъ въ запущанскомъ краѣ съ такою любовью и кротостью, что

---

[250]) Тамъ же стр. 118.

[251]) Богданъ и Раина Огинскіе были основателями монастырей полоцкого Богоявленского и витебскаго Маркова.

[252]) Соф. врем. ч. I. стр. 381.

[253]) Preus. Chron. Luc. *David.* 13, VIII p. 158.

весь народъ хотѣлъ бросить родную землю и бѣжать куда глаза глядятъ. Витовтъ выслалъ Іеронима изъ своего княжества; за то онъ отмстилъ фразою: «Витовту угодно, чтобы лучше Христу недоставало людей, нежели ему» [254]).

Нарбутъ, сообразивъ сущность вышеприведенной грамоты, справедливо заключаетъ, что, на основаніи ея, предавали карѣ язычниковъ и православныхъ христіянъ, не принимавшихъ римскаго католичества, въ такомъ только случаѣ, если они были природные литовцы [255]). Но и природные русины также понесли тягость римскаго энтузіазма; самъ Нарбутъ говоритъ: «*Русины, покорившись единству вѣры съ римскою церковью,* остались при своихъ обрядахъ» [256]). Можно ли было достигнуть этой покорности безъ насильственныхъ мѣръ?

Въ 1413 году Ягелло возобновилъ латинскую проповѣдь въ Литвѣ. По городельскому акту, должности постановлено раздавать только папистамъ, браки съ православными запрещены. Въ 1563 году Сигизмундъ Августъ привиллегіею 7 іюня допустилъ къ должностямъ всѣхъ христіанъ, и въ оправданіе жестокаго городельскаго акта въ привиллегіи сказано, что «*русиновъ* тогда *лишили правъ потому, что ихъ на городельскомъ сеймѣ не было*» [257]). Жалкое оправданіе! Да и несправедливо, будто бы русиновъ на городельскомъ сеймѣ не было: тамъ присутствовало все литовское дворянство [258]); а мы уже видѣли, что большая часть его исповѣдывала православіе; знаемъ также, что на сеймѣ были удѣльные князья кіевскіе, волынскіе и заславскіе [259]), и слѣдовательно дворъ или свита ихъ, состоявшіе изъ русиновъ. Къ этому остается только присовокупить, что городельскимъ актомъ лишены правъ люди не по происхожденію русины, а всѣ вообще, исповѣдывавшіе православіе, русины ли то, или природные литовцы, безъ всякаго различія.

О дѣйствіяхъ Ягайлы въ 1413 г. сами римско-католическіе писатели сознаются, что онъ употреблялъ мѣры насильственныя: Стрыйковскій пишетъ, что Ягайло и Витовтъ заставляли народъ

---

[254]) Dz. st. nar. Lit. *Narb.* T. V. стр. 406.
[255]) Тамъ же стр. 407.
[256]) Тамъ же стр. 406.
[257]) O Lit. i Pol. pr. *Czack.* Cz. 1. стр. 298.
[258]) Dz. st. nar. Lit. *Narb.* T. VI, стр. 300.
[259]) Kr. Pol. *Stryjk.* 1845 г. T. 2. стр. 147.

принимать римскую вѣру [260]) «*частью дарами, а частью угрозами и карою*». Кромеръ также говоритъ, что король обращалъ «partim donis, partim *authoritate et minis* [261]), частью подарками, частью *силою власти и угрозами*». Правда, они говорятъ это объ обращеніи язычниковъ, но тогда и православныхъ считали наравнѣ съ язычниками; какія мѣры принимали съ одними, такія считали позволительными и для другихъ.

Витовтъ (принявшій три раза крещеніе изъ политическихъ видовъ) православныя церкви называлъ *синагогами*. Въ привиллегіи его 1420 г., данной брестскому костелу, при описаніи жалуемаго мѣста, сказано, что оно находится «penes *Synagogam Ruthenicam Mikula*—подлѣ *русской синагоги Микула*» [262]) т. е. подлѣ русской церкви св. Чудотворца Николая. Если же такъ отзывались о священныхъ предметахъ православія сами князья, то чего нужно было ждать отъ римскаго духовенства, дышавшаго ненавистью ко всему не римскому? Одна только является свѣтлая черта: въ 1427 году въ Луцкѣ былъ чрезвычайный съѣздъ государей Ягайлы, Витовта, Эрика короля датскаго, императора Сигизмунда, в. князя московскаго Василья Васильевича, великаго магистра рыцарей Русдорфа, папскаго легата Андрея, и множества князей литовскихъ, мазовецкихъ и русскихъ. Предметъ совѣщаній между прочимъ составляло соединеніе восточной церкви съ западною. Папскій легатъ и имперскіе дипломаты много потратили краснорѣчія; но сенаторы литовскіе, а за ними и польскіе сказали, что «мыслить объ этомъ въ настоящее время нѣтъ никакой надобности, потому что народонаселеніе исповѣдывающихъ православіе гораздо многочисленнѣе римскихъ католиковъ, *а въ святости догматовъ одна вѣра не уступаетъ другой*» [263]). Это единственный случай, когда паписты такъ высоко отозвались о православныхъ. Правда, тутъ разумѣлись не одни литовскіе православные,—представителемъ православія былъ великій князь московскій и при немъ митрополитъ Фотій,—но по крайней мѣрѣ, сами поляки приняли сторону православія.

Въ 1434 г. Владиславъ III (извѣстный своею смертію при Варнѣ), вступивъ на престолъ, уравнялъ въ правахъ право-

---

[260]) Тамъ-же стр. 149.
[261]) De orig. Pol. Bron. p. 277.
[262]) Dz. st. nar. lit. Narb. T. VI. Dodat. IV. стр. 34.
[263]) Тамъ-же стр. 597.

славныхъ съ папистами[264]); но поляки скоро съумѣли почти уничтожить эти права; подъ предлогомъ, что въ Литвѣ происходятъ религіозныя волненія, въ 1436 г. учредили *трибуналъ святой инквизиціи*, и президентомъ назначили доминиканскаго монаха Николая изъ Ленчицы, *съ правомъ отыскивать и карать въ Литвѣ еретиковъ и отщепенцовъ*[265]); слѣдовательно поляки предъупредили извѣстную испанскую инквизицію 43 годами (послѣдняя учреждена въ 1479 г.). Нарбутъ говоритъ, что нѣтъ ясныхъ слѣдовъ, чтобы инквизиція въ Литвѣ и литовской Руси произвела что-либо худшаго, кромѣ постраху[266]), но если историки-поляки не хотѣли вносить въ свои хроники кровавыхъ событій, противныхъ чести, здравому смыслу и человѣчеству; то догадаться объ нихъ не трудно: законы пишутся не для того, чтобы ихъ не исполняли; поэтому, если учредили цѣлый трибуналъ инквизиціи съ цѣлію не только судить тѣхъ людей, которымъ назадъ тому три года дарованы права, но еще и *отыскивать ихъ и карать,* то само собою разумѣется, что трибуналъ что нибудь да дѣлалъ; его дѣйствія если не вопіютъ въ хроникахъ, то въ свое время вопіяли на небо. Недостатокъ историческихъ подробностей здѣсь ничего не значитъ; современныхъ хроникъ мы не знаемъ; послѣдующіе историки Длугошъ, Кромеръ, Меховитъ, Стрыйковскій — всѣ团 паписты: не имъ было описывать то, что пятнало ихъ собратій вѣчнымъ безславіемъ. При этомъ нужно еще вспомнить, что въ эпоху инквизиціи въ Литвѣ княжилъ жестокій Сигизмундъ Кейстутовичъ, при которомъ тѣхъ, кто вчера былъ въ милости, сегодня вели на висѣлицу или къ озеру топить; богачей предавали смерти, чтобъ воспользоваться ихъ состояніемъ; высшія правительственныя лица теряли свои достоинства вмѣстѣ съ жизнію[267]).

Наконецъ и Нарбутъ сознался, что при короляхъ Казимірѣ и Александрѣ религіозные фанатики въ Литвѣ, стремясь къ стѣсненію православныхъ, успѣли запретить возобновленіе старыхъ и постройку новыхъ церквей; бернардины предприняли обращеніе русиновъ; епископъ Войцѣхъ Таборъ при дворѣ и въ сенатѣ покровительствовалъ этому предпріятію, и ксендзы

---

[264]) Hist. Pol. *Dlug.* p. 663—669.

[265]) Hist. de Schism. *Kwiatkiew.* подъ 1436 г. Wiara Prawosł. *Kulesz* стр. 162.

[266]) Dz. st. nar. Lit. *Narb.* T. VII. стр. 206.

[267]) Тамъ-же стр. 202.

разсыпались по всей литовской Руси проповѣдывать единство церкви, намѣстничество Спасителя на землѣ въ лицѣ папы, и оказали много насилій какъ въ отмѣнѣ церковныхъ обрядовъ, такъ и въ нетерпимости противъ не признававшихъ единства церкви [268]).» Около 1480 г. королевичъ Казиміръ (признанный римскою церковію святымъ) выпросилъ у отца своего короля Казиміра Ягайловича запрещеніе строить православныя церкви и починять ветхія [269]). Король Казиміръ около 1492 г., т. е. въ послѣднее время своего царствованія, повелѣлъ по всѣмъ православнымъ церквамъ огласить соединеніе восточной церкви съ западною, будто-бы совершившееся на флорентинскомъ соборѣ [270]). Въ 1495 г. великій князь литовскій Александръ женился на дочери государя московскаго Еленѣ Іоанновнѣ, и, казалось, судьба православной церкви въ Литвѣ была обезпечена, но вышло противное: и Елена и православные подданные ея терпѣли притѣсненіе [271]). Александръ, желая вступить въ этотъ бракъ, испрашивалъ разрѣшенія у папы Александра VI-го, и онъ дозволилъ, но обращеніе православной княгини въ латинство предоставилъ времени и обстоятельствамъ [272]). Помня это условіе, Александръ старался склонить супругу свою къ римской вѣрѣ, правда, мѣрами кротости, но тѣмъ не менѣе возмущалъ покой добродѣтельной Елены, преданной православію. Къ несчастію, въ 1497 г. умеръ митрополитъ Макарій, возведенный на кіевскую митрополію стараніемъ Елены; въ 1498 г. Александръ сдѣлалъ митрополитомъ смоленскаго архіепископа Іосифа Солтана [273]). Дѣла пошли хуже и хуже. Сношеніе Іоанна съ Александромъ о предметахъ вѣры лучше всего обнаруживаютъ положеніе оныхъ. Въ 1500 г. Іоаннъ говорилъ посламъ Александра, что онъ — Александръ «къ дочери нашей посылалъ владыку смоленскаго (Іосифа Солтана), отступника греческаго закона, да бискупа виленскаго (Войцѣха Табора) и черцовъ бернардиновъ, *штобы она приступила къ римскому закону;* также и *ко княземъ къ рускимъ и къ паномъ и*

---

[268]) Тамъ-же Т. VIII. стр. 469.

[269]) Defensa Episcopatus Kijov. *Ostrowski*, p. 341. Wiara Prawosl. *Kulcsz.* стр. 182. Wilno, *Krasz.* Т. 1. стр. 162 и 175.

[270]) Dz. st. nar. Lit. *Narb.* T. VIII. стр. 249.

[271]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г. № 4. отд. II. Елена Іоанновна ст. Н. *Елагина.* стр. 39—84.

[272]) Dz. st. nar. Lit. *Narb.* T. VIII. стр. 314.

[273]) Тамъ-же стр. 472.

къ литовскимъ княземъ и по всей Руси греческого закону, посылалъ къ нимъ тожъ владыку смоленского да и бискупа виленского, и говорилъ имъ отъ него, штобы приступили къ римскому закону... А нынѣ *ново силу учинилъ Руси, чого напередъ того при его отци и при его предкохъ не бывало:* колько велѣлъ поставляти божницъ римского закону въ русскихъ городѣхъ... *да жоны отъ мужовъ и дѣтей отъ отцовъ, животы отнимаючи, силою покрещаютъ въ римскій законъ*[274]). *А которую княжью дочерь или боярскую греческого закону дочка наша возметъ къ собѣ*, и онъ тоже *силою велитъ окрестити въ латинство*[275]).» Если слухи до Іоанна доходили и преувеличенные, все же въ основаніи ихъ была истина, потому что многіе князья русскіе перешли изъ подъ власти Александра къ Іоанну *за притѣсненіе вѣры*, и притомъ папа сильно настаивалъ, чтобы Елена признала надъ собою церковную власть его. Въ 1503 г. посолъ Мышковскій сказалъ, что Александръ ни бискупа, ни бернардиновъ къ Еленѣ не посылалъ, но раскрылъ политику папы: «и въ тотъ часъ, коли еще государь нашъ великимъ княземъ былъ, отецъ святый *папежъ много кратъ его милость обсылывалъ, напоминаючи, штобы жону свою, государыню нашу ку послушенству церкви римское привелъ: государь нашъ о то трудъ и працу великую поднялъ, своихъ пословъ шлючи къ отцу святому папѣ въ Римъ,* тое дѣло тамъ такъ справуючи, какъ бы и въ томъ тобѣ брату и тьстю своему виненъ не былъ. Тыми пакъ часы, какъ вжо государь нашъ королемъ осталъ, пакомъ коруннованымъ, *прислалъ* до его милости *отецъ святой папа,* припоминаючи государя нашого, *абы его милость, яко государь христіанскій,* будучи самъ сынъ послушенства церкви римское, *потомужъ бы и подружье свое къ послушенству* святое *привелъ и ее милость коруновалъ,* абы государыня наша такожъ была коронованою государынею, какъ и иные королевые всего христьянства, сестры ее милости. А вѣдь жо отецъ святый папа далъ государю нашому о томъ гораздо разумѣти, што жь королевой ее милости креститися не надобѣ, и законъ и обычаи свои греческого закону держати ее милости по старому, къ церквамъ своимъ греческимъ ходити, и на своимъ дворѣ священники обычаю греческаго мѣти: только абы ее милость отцу папѣ послушенство вчинила. И

---

274) Сборн. Муханова стр. 104.
275) Тамъ-же стр. 116.

не токмо ее милости, и всимъ греческого закону, хто бы хотѣлъ послушенство вчинити, тогды крещенія не надобѣ, а законъ свой греческій имаютъ держати по уставу своее греческое церкви [276])». Александръ, уважая супругу свою, и боясь тестя, дѣйствовалъ весьма осторожно; но какой это *«трудъ и працу великую»* Александръ поднялъ, если супруги не склонялъ къ латинству? Кажется, онъ старался о смягченіи условій: дозволеніе папы не перекрещивать Елену, о которомъ говоритъ Мышковскій, дано, кажется, по ходатайству Александра. Послы Александровы проговорились: «отецъ святый папа прислалъ до короля, абы привелъ жону свою ку послушенству римского костела, и *часто кратъ* его милость отецъ святый папежъ *мѣлъ раду со всѣми кардиналы*, какъ бы королевая ее милость могла быти *захована въ греческомъ законѣ?* А въ той великой порадѣ и размовѣ отецъ светый папежъ нашолъ и сказалъ съ кардиналы: ижъ *не есть потреба* не только самою королевою ее милости, але и всей Руси *съ нову крестить, только мѣли учинить стольцу апостольскому послушенство*, подле флеринского сбору, а *жити съ обычаю грецкомъ,* а попы грецкія мѣти подъ послушенствомъ» [277]). Еслибъ не просилъ Александръ, то по какому бы поводу папа *нѣсколько разъ* собиралъ конклавъ для совѣщаній?

Въ то-же время ревностный распространитель латинства виленскій епископъ Войцѣхъ Таборъ, не довольствуясь обыкновенными мѣрами, выпросилъ 1 іюля 1501 г. у папы Александра VI буллу, которою предоставлено ему, преемникамъ его и всему римскому духовенству *право казнить смертію еретиковъ* [278]). Подъ этимъ именемъ незаслуженно разумѣлись православные. При такихъ правилахъ Таборъ не могъ не дѣйствовать на Александра. По крайней мѣрѣ, папа Александръ VI-й такъ сильно настаивалъ, что въ 1505 г. къ преемнику его Юлію король Александръ обратился съ униженною просьбою о разрѣшеніи совѣсти его; изъ просьбы можно догадываться, что прежній папа даже заставлялъ Александра бросить Елену. Къ счастію, Юлій былъ человѣкъ благоразумный и умѣренный. Вотъ слова его буллы въ переводѣ:

«По причинѣ сосѣдства, ты вступилъ въ родство съ кня-

---

[276]) Акт. относ. къ ист. Запад. Рос., издан. Археогр. Ком. т. I. стр. 293 и 294.

[277]) Сборн. *Мухан.* стр. 109.

[278]) Cod. dipl. regn. Pol. *Dogel.* Т. VI. p. 1102, 1104.

земъ московскимъ, но предварительно послы твои отъ твоего имени дали ему клятву, что если помянутая Елена, супруга твоя, сама добровольно не захочетъ принять латинства, ее къ тому ни въ какомъ случаѣ принуждать не будешь. Не смотря на то, предмѣстникъ нашъ, папа Александръ VI-й, *обременилъ совѣсть твою, объявивъ, что ты всѣми мѣрами долженъ испытывать, стараться и побуждать, чтобы помянутая Елена,* оставивъ секту (!!!) русскую, *узнала и приняла вѣру римско-католическую.* Ты-же принялъ во вниманіе, что *если Елену супругу свою оставишь или насильно принудишь принять латинство*, то помянутый князь московскій, обидясь, легко можетъ опять поднять войну, и нанести тяжкое зло тебѣ и твоимъ землямъ и государствамъ. Поэтому ты чрезъ пословъ своихъ *униженно просилъ*, чтобы мы, по милосердію апостольскому, удостоили дать тебѣ дозволеніе, супругѣ твоей оставаться въ вѣрѣ своей, пока или князь московскій уже дряхлый, умретъ, или, по волѣ Всевышняго, представится другой удобный случай иначе воспользоваться въ настоящемъ дѣлѣ. И мы, сообразивъ, что по ученію апостольскому если *невѣрный имѣетъ жену вѣрную*[279]) и она жить съ нимъ пожелаетъ, то отпускать ее не долженъ, и полагая, что лучше, смеживъ глава наши, терпѣть, чтобы Елена оставалась въ своей вѣрѣ, нежели принужденіемъ ея возбудить какой-нибудь новый и тяжкій соблазнъ, — твоей королевской свѣтлости разрѣшаемъ и дозволяемъ съ супругою своею Еленою жить и ее не оставлять[280]).»

Писатель ученый, безпристрастный и самъ римско-католикъ можетъ быть лучшимъ свидѣтелемъ, что мы не дѣлаемъ ни малѣйшей натяжки, соединяя уцѣлѣвшіе памятники сказаній въ одну темную картину притѣсненія православныхъ. Вотъ что говоритъ онъ: «По справедливости, подъ конецъ XV вѣка начали обнаруживаться припадки нетерпимости въ отношеніи къ неунитамъ, хотя ихъ покровительствовала Елена, супруга Александра. Бернардины для обращенія разсѣялись по всей литовской Руси, а Іосифъ Солтанъ, изъ смоленскаго архіепи-

[279]) Соображеніе о *вѣрной женѣ* и *невѣрномъ мужѣ* очень кстати пришлось къ Еленѣ и Александру.

[280]) Apud *Dogel.* lib. citat. pag. 271, 272. Къ сожалѣнію не имѣя подъ руками Догеля, авторъ долженъ былъ удовольствоваться настоящею выпискою; въ подлинникѣ же есть еще какая-то оговорка, ибо разрѣшеніе дается: hactenus, *donec...;* выписка эта заимствована изъ 115 примѣч. къ актамъ, относ. къ ист. запад. Рос. т. I

сиона возведенный на кіевскую митрополію, тревожилъ греческую церковь, потому что былъ ревностнымъ уніятомъ, и еще въ 1476 г. отъ имени русско-литовскаго духовенства совершилъ посольство къ папѣ Сиксту IV-му[28]).» Это доказываетъ, что отзывы Іоанна справедливы.

Въ 1522 г. на гродненскомъ сеймѣ совершилось событіе съ одной стороны отрадное, а съ другой горестное для православныхъ. По смерти троцкаго воеводы Петра Кишки въ литовскомъ сенатѣ было вакантнымъ сенаторское кресло. Сигизмундъ I-й, признательный къ воинскимъ заслугамъ доблестнаго гетмана князя Константина Ивановича Острожскаго, назначилъ его сенаторомъ. Противъ ожиданія, поляки открыли сильнѣйшую оппозицію, не потому, говоритъ литовскій историкъ, чтобы богатыря и вождя своего считали недостойнымъ сенаторства, а подъ предлогомъ, будто бы этимъ нарушились права народа, по которымъ только римскіе католики и православные, признавшіе единеніе съ римскою церковію, могли сидѣть на сенаторскихъ креслахъ, и въ доказательство представили Ягайлово,—разумѣется городельскій актъ, который будто всѣ преемники его сохраняли ненарушимымъ. На основаніи этого постановленія доказывали, что не подчинившіеся папѣ не могутъ получать сенаторскихъ мѣстъ. Жаль, что при этомъ забыли привиллегію, данную сыномъ Ягайлы Владиславомъ III-мъ въ 1434 году. Разумѣется, король напомнилъ объ ней, но оппозиція, одушевленная фанатизмомъ нетерпимости, была столь сильна, что Сигизмундъ вынужденъ былъ объявить, что князя Острожскаго возводитъ въ сенаторское званіе не въ примѣръ другимъ, за высокія и необыкновенныя заслуги, но вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно обязался «*впредь не нарушать правъ подобнымъ образомъ* (тогда какъ никакого нарушенія и не было), и больше никто, не состоящій въ послушаніи римской церкви, сенаторскаго званія не получитъ, *хотя бы былъ послѣднею подпорою отечества*, каковъ теперь князь Константинъ Острожскій.» Едва можно вѣрить, что все это дѣйствительно было. Когда оппозиція умолкла, благородный князь, посѣдѣвшій въ битвахъ, и страдавшій въ цѣпяхъ послѣ ведрошской битвы, предложеннаго ему кресла не принялъ; сказалъ, что довольствуется справедливостію, оказанною его заслугамъ; усильно упрашивалъ короля уволить его отъ званія, котораго не желаетъ; будучи нужнѣе отечеству въ южныхъ провинціяхъ, подверженныхъ нападеніямъ непріятеля; просилъ

[28]) Obr. Litw. *Jaros.* т. II. стр. 34.

позволена служить по прежнему безъ всякихъ наградъ, кромѣ одного собственнаго сознанія, что онъ правый слуга короля и народа. «Этотъ поступокъ, говоритъ историкъ, доставилъ князю Острожскому высочайшую славу въ потомствѣ и уваженіе короля, ктоторый, упорно желая имѣть его въ литовскомъ сенатѣ, заставилъ принять виленскую Каштелянію,—достоинство военно-сенаторское, соединенное съ гетманствомъ[282]). Обязательство свое не возводить православныхъ, *хотя бы и единственную опору отечества,* на высшія мѣста въ государствѣ король подтвердилъ въ 1529 г. на виленскомъ сеймѣ, за себя и за своихъ преемниковъ, а въ 1549 году, въ противность грамоты Владислава III, призналъ, что права, предоставленныя предками его, относятся къ однимъ только уніятамъ[283]), которые при Владиславѣ и не существовали, напротивъ того, православные, которымъ права тѣ дарованы, лишены ихъ. Вообще, при Сигизмундѣ 1-мъ въ привилегіяхъ православныя церкви именовались *синагогами,* на равнѣ съ жидовскими молельнями[284]).

Сигизмундъ Августъ привилегіями 1564, 1565 и 1568 г. всѣмъ христіанамъ даровалъ равныя права[285]); его царствованіе по справедливости было лучшимъ для православныхъ, и еслибъ политическія обстоятельства не довели при немъ Литвы до окончательнаго соединенія съ Польшею, то православіе и русскій элементъ опять процвѣли-бы на литовской землѣ. Нельзя пройти молчаніемъ, какъ благоразумно этотъ государь думалъ о вѣрѣ. Въ 1569 г. на люблинскомъ сеймѣ (на которомъ послѣдовало окончательное соединеніе), объяснивъ свое сожалѣніе о религіозныхъ распряхъ, и желаніе достигнуть единства церкви, Августъ сказалъ: «да не подумаютъ, чтобы я рѣшался принуждать къ вѣрѣ кого либо жестокостію или мѣрами строгости, и отягощать чью либо совѣсть; не таково мое желаніе, ибо не мое дѣло созидать вѣры—это совершается *дѣйствіемъ Св. Духа*[286])».

По смерти Сигизмунда Августа и краткаго царствованія Генриха Валуа, на престолъ вступилъ Стефанъ Баторій—госу-

---

[282]) Dz. st. nar. Lit. *Narb.* т. IX. стр. 158—160.

[283]) Miscel. *Kojal.* p. 48. Chronol. *Stebel.* стр. 91. Wilno. *Krasz.* т. III. стр. 50.

[284]) O Lit. i Pol. praw. *Czack.* т. I. стр. 298.

[285]) Тамъ же. Obr. Litw. *Jarosz.* т. II. стр. 34 и 55.

[286]) Тамъ-же Т. III. стр. 168.

дарь великій, но, къ несчастію, имѣвшій нужду въ благосклонности Рима, дабы удержаться на престолѣ, ослабивъ партію австрійскаго дома. По этимъ-то видамъ онъ дозволилъ дѣйствовать самовластно папскому орудію—іезуитамъ. Виленская іезуитская коллегія украсилась именемъ академіи, не смотря на противудѣйствіе диссидентовъ, литовскихъ вельможъ, а особенно виленскаго канцлера Николая Радзивилла Рудаго, которые желали обуздать іезуитовъ [287]). Напрасно Радзивиллъ и литовскій подканцлеръ Евстафій Волловичь отказывались приложить печати къ привиллегіи іезуитамъ; сила воли Баторія все превозмогла [288]),— и іезуиты скоро развили планъ своей политики; на основаніи буллы папы Григорія XIII, въ 1575 г. поручившаго іезуитамъ цензуру книгъ и такъ называемую *перечистку библіотекъ*, они въ 1581 году въ Вильнѣ *разграбили библіотеки* диссидентовъ, разумѣется, большею частью православныхъ, и на виленскихъ улицахъ *сожигали цѣлые костры книгъ* [289]); въ 1603 и 1617 г. іезуиты составили цѣлые каталоги книгъ, ими запрещаемыхъ: все, что не согласно съ духомъ ихъ ордена, было написано не римскимъ католикомъ, или даже напечатано въ типографіи, откуда вышла книга, по мнѣнію ихъ, еретическая,— все осуждалось на сожженіе; и, для большаго посрамленія, *автодафе совершалось руками палачей* [290]); этой участи подверглась даже хроника Бѣльскаго [291]). Вмѣстѣ съ книгами іезуиты уничтожали и типографіи, или обращали ихъ въ свою собственность [292]). Такими благородными подвигами особенно отличались епископъ Протасевичь, кардиналъ Юрій Радзивиллъ, и братъ его Николай Христофоръ, извѣстный подъ именемъ Сиротки. Послѣдній употребилъ значительныя суммы на покупку изданной отцемъ его библіи, и всѣ экземпляры предалъ пламени [293]). Распоряжаясь такимъ образомъ къ притѣсненію православныхъ подъ разными предлогами, паписты начали уже безъ всякихъ предлоговъ отнимать имущества у церквей и монастырей. Изъ актовъ 1585 г. извѣстно, что земли, дарованныя Витовтомъ и вельможами монастырю троцкому, паписты отс-

287) Тамъ-же стр. 90.
288) Comm. brev. rer. in Pol. gest. *Solikowski*—подъ 1578 годомъ.
289) Obr. Litw. *Jar.* T. III. стр. 91.
290) Тамъ-же стр. 107.
291) Bibliogr. *Lelewel*. T. I. p. 207.
292) Obr. Litw. *Jar.* T. III. стр. 108.
293) Тамъ-же стр. 109.

браля, королевскій тивунъ жмудской земли Ильговскій передъ судомъ жаловался, что въ Трокахъ у монастыря и церквей все отнято «зачым теперь фали Божя у церквах устала, и ич теперь одинъ попъ есть, и тотъ выхованя и пожи‍веня слушного не маетъ и про велики недостатокъ свой мусит проч ити» [294]). Духовенство, лишенное дневнаго пропитанія, терпя притѣсненія, оставляло свои мѣста, въ церквахъ Богослуженіе прекращалось и православные оставались овцами безъ пастырей на добычу хищнымъ волкамъ уніи.

Съ 1507 г., т. е. со времени вступленія на польскій престолъ Сигизмунда III-го, начинается самая горестная эпоха для православныхъ. Въ продолженіи цѣлыхъ 30 лѣтъ—Сигизмундъ дѣйствовалъ по наущенію іезуитовъ, и дѣйствовалъ какъ нельзя хуже [295]). «Онъ не имѣлъ христіанской вѣротерпимости. Признавая ересь и расколъ величайшимъ несчастіемъ, а исповѣдниковъ восточной церкви и диссидентовъ гласными непріятелями, не заботился о томъ, что государство было безъ защиты и распространялось своеволіе шляхты, только бы торжествовало латинство, и во всемъ угодить іезуитамъ» [296]). На высшій классъ Сигизмундъ дѣйствовалъ весьма успѣшно: «римское католичество получило значительный успѣхъ отъ политики Сигизмунда III-го, который еретикамъ (!!!) не давалъ никакихъ должностей» [297]). Не желая быть ниже своихъ собратій и соперниковъ, многіе сочли необходимостью добиться почестей посредствомъ перемѣны вѣры, такъ, что, при вступленіи на престолъ Сигизмунда, въ литовскомъ сенатѣ были только два паписта, а во время смерти его уже не осталось ни одного диссидента [298]). Но «не такъ легка была удача,—говоритъ одинъ писатель,—въ простомъ народѣ, который съ незапамятныхъ временъ вѣрно и неизмѣнно исповѣдывалъ православіе. Брестская унія въ 1597 г., поддерживаемая преимущественно іезуитами, должна была соединить обитателей одного края, издревлѣ разнствующихъ въ вѣрѣ; но дѣло доведено только до половины, не принесло и не могло принесть желаемаго плода. По наущеніямъ іезуитовъ всюду навязываемая унія, и безразсудное насиліе совѣсти, болѣе и болѣе раздражали угнѣтаемыхъ, а когда, сверхъ того, подъ

294) Соф. др. грам. и акт. Вильно. 1843 ч. II. стр. 145.
295) Chronicon gest. in. Evropa singularium—Piasecki p. 358.
296) Polska do pierw. poł. XVIII wieku. Moraczewski IV p. 102.
297) Miscell. Kojal. p. 70 и 71.
298) Alloqu. Cichocki I. II. c. 22. Miscell. Kojal. стр. 71.

предлогомъ обращенія, стали обижать русскій народъ несправедливостями разнаго рода, и даже жидамъ, державшимъ въ южныхъ провинціяхъ аренды, дозволили угнетать крестьянъ,— мѣра терпѣнія переполнилась.... Потекла братняя кровь въ междоусобныхъ битвахъ. Русь, нашедши предводителей въ массѣ народа, возстала; и времена Владислава IV-го и Іоанна Казиміра, памятныя столькими несчастіями, оставили ничѣмъ неизгладимыя свидѣтельства ошибочной политики слабаго Сигизмунда III-го и безумной ревности іезуитовъ» [299]).

Фанатизмъ достигъ такой степени, что даже въ *Pacta*'хъ *conventa*'хъ (условія, при которыхъ короли возводились на престолъ) о диссидентахъ постановлено: «никогда въ чины и достоинства, ни въ трибуналы, ниже въ избы земскихъ пословъ они допущены быть не имѣютъ» [300]). Диссиденты, составлявшіе большую часть православныхъ, считались какъ-бы стертыми съ лица земли: имъ запрещено не только давать должности, но даже быть представителями своихъ собратій при избираніи королей.

(Продолженіе впредь).

---

[299]) Obr. Litw. *Jarosz.* T. III. стр. 77 и 78.
[300]) О избран. кор. въ Польшѣ. *Шлёцеръ.* Спб. 1764. стр. 89.

ПАДЕНІЕ
ШЛЯХЕТСКАГО ГОСПОДСТВА
ВЪ УКРАЙНѢ ОБѢИХЪ СТОРОНЪ ДНѢПРА, ВЪ XVII ВѢКѢ.

(Продолженіе).

ГЛАВА III.

Козаки занимаютъ становища въ Корсунщинѣ.—Ссоры по этому поводу съ жолнерами.—Притѣсненія козаковъ.—Жалобы ихъ королю.—Панскія увертки.—Королевскій посолъ къ козакамъ.—Слухи о войнѣ съ турками.—Хитрости, употребленныя королевскими коммиссарами для раздѣленія козаковъ.—Реестровка.—Политика Адама Кисѣля.—Быстрая перемѣна въ расположеніи козацкихъ умовъ.—Рада въ Черкасахъ; рѣшимость идти на Запорожье.—Павлюкъ овладѣваетъ арматою въ Черкасахъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсказу о томъ, какими средствами и до какой степени успѣли польскіе паны подавить козачество, изложимъ поводы къ волненіямъ со стороны умѣренной козацкой партіи и ея отношенія къ партіи завзятыхъ. Для этого мы воротимся къ тому времени, когда завзятые были еще заняты снаряженіемъ своихъ чаекъ на Запорожьѣ и только самые нетерпѣливые изъ нихъ вырвались на море небольшою флотиліею; когда Павлюкъ, съ значительнѣйшею частію этой партіи, вступилъ въ службу къ крымскому хану Инаетъ Гирею и вмѣстѣ съ нимъ готовился къ войнѣ съ Кантемиромъ; и когда Турки не угрожали еще Польшѣ вторженіемъ въ ея предѣлы.

Умѣренная козацкая партія, склонясь на убѣжденія Кисѣля, не пошла на Запорожье, не вышла даже въ дикія по-

ля для охоты и набѣговъ на татарскія села; рѣшилась дождаться денегъ отъ короля; но за то считала себя въ правѣ занять зимнія становища для своей арматы въ Корсунскомъ старроствѣ. Занять становища для арматы значило собирать, подъ названіемъ *стацій*, разнаго рода денежную плату и поборы натурою, съ мѣщанъ и поселянъ, на содержаніе такъ называемыхъ арматныхъ слугъ, арматныхъ коней и всего, что относится къ артиллеріи. Староства, составляя номинальную собственность короля, въ сущности принадлежали старостамъ, которыхъ обыкновенно называли brachia regalia (королевскими руками)по той власти, которую король передавалъ имъ вмѣстѣ съ своими имѣніями. Поэтому занять становища въ Корсунщинѣ козаки могли не иначе, какъ вытѣснивъ оттуда шляхту, составившую мѣстное правительство. Обстоятельства благопріятствовали козакамъ, и именно тѣмъ, что корсунскій староста, панъ Даниловичъ, какъ уже было сказано выше, очутился въ татарскомъ плѣну, а его наемная и придворная шляхта частію была перебита во время схватки съ татарами, частію же попала вмѣстѣ съ нимъ въ неволю. Воевавшіе подъ его знаменемъ козаки спаслись посредствомъ своей *батовы*, которая, въ походахъ на Татаръ, служила имъ такимъ же надежнымъ способомъ ретирады, какъ отаборивање возами—въ походахъ на поляковъ. Побатоживъ коней, то есть повязавъ ихъ тѣсно одного съ другимъ, они составили вокругъ себя подвижимую стѣну и, отстрѣливаясь изза этой ограды, благополучно воротились восвояси. Они принесли извѣстіе о гибели старосты, извѣстнаго подъ именемъ русскаго воеводича, и здѣсь-то сторонникамъ Томиленка открылась возможность вознаградить себя за тѣ «несносныя обиды», которыя они отъ него терпѣли. Подъ видомъ стацій, они захватывали въ свои руки все, что считали собственностію или доходомъ пана старосты, и, по словамъ грозившаго имъ правительства, «разорили» Корсунщину. Не знаемъ навѣрное, въ чемъ именно состояло это разореніе и въ какой степени были недовольны козаками сами корсуняне; но дѣло въ томъ, что коронный гетманъ Конецпольскій имѣлъ на Корсунщину свой разсчетъ. Ему негдѣ было, какъ говорилось тогда, «выживить» кварцянаго войска, потому что могущественные старосты-феодалы умѣли отклонять постои отъ своихъ ранговыхъ имѣній, а если и соглашались на нихъ, то не давали жолнерамъ далеко переходить за установленныя предѣлы стацій. Упраздненное староство на Украинѣ было находкою для ко-

роннаго гетмана, и онъ прислалъ сюда на зимнюю стоянку нѣсколько хоругвей кварцянаго войска. Найдя становища уже занятыми, жолнеры прибѣгли къ обычному въ то время правосудію—физической силѣ; но съ козаками не легко было справиться,—и Корсунское стар ство сдѣлалось на нѣкоторое время совмѣстнымъ достояніемъ козаковъ и жолнеровъ. Обѣ стороны пользовались выгодами зимнихъ стоянокъ на столько, на сколько у той и другой хватало средствъ удерживать за собой и захватывать вновь хольварки, мельницы и другіе источники доходовъ. Козаки опирались на Круковскіе пункты, которыми будтобы было постановлено, чтобы «по сю сторону Кіева и Бѣлой-Церкви жолнеры не смѣли ступить и ногою». Жолнеры напротивъ, утверждали, что козакамъ дозволено стоять съ арматою только въ Черкасахъ, Чигиринѣ и Крыловѣ, «гдѣ, по словамъ козаковъ, не было уже и людей, съ которыхъ бы армата могла себя содержать», то есть людей не-козацкаго сословія, которое освобождалось отъ поборовъ и повинностей. Очевидно, козаки припоминали старыя времена, когда они по сю сторону Кіева и Бѣлой-Церкви занимали никѣмъ еще незанятыя на бумагѣ мѣста, и то, чего они добивались во время своихъ возстаній, воображали написаннымъ въ пунктахъ, которые были карою за ихъ возстанія, какъ людей военныхъ, но вовсе не возстановленіемъ ихъ поземельныхъ правъ, какъ обитателей Украины. Въ жолнерахъ, боровшихся съ ними за становища въ Корсунскомъ старóствѣ, они видѣли пановъ, которые издавна уже оттѣсняли ихъ далѣе и далѣе въ степи, по мѣрѣ насильственной колонизаціи Украины во имя своей Рѣчи-посполитой, а наконецъ грозили и совсѣмъ ихъ уничтожить. Такими угрозами сопровождали и жолнеры свои наѣзды на козацкія становища, и эти угрозы до-того задѣвали козаковъ за живое, что они, въ своихъ жалобахъ королю, ставили ихъ на ряду съ «несносными кривдами.» — «Ваша королевская милость, писали они, изволили опредѣлить и на бумагѣ написать, чтобы намъ содержать армату въ городахъ украинскихъ, какъ и прежде бывало; теперь же мы терпимъ отъ пановъ жолнеровъ насилія и самоуправство, а что всего хуже—несносныя кривды и оскорбительныя угрозы.»

Разница между борющимися сторонами состояла не въ многолюдствѣ, а въ единомысліи и постоянствѣ стремленій. Козаки не отличались ни тѣмъ, ни другимъ, и поэтому жолнеры, къ веснѣ 1637 года, вытѣснили козацкую армату изъ Корсунщины въ Черкащину. Остались въ Корсунщинѣ только

усадьбы и земли козацкія, наслѣдованныя отъ предковъ или пріобрѣтенныя на помѣстныхъ правахъ у старость и вѣчистыхъ пановъ. Но и тутъ мѣстныя власти прогоняли козаковъ изъ шляхетскихъ имѣній, да и на королевскихъ земляхъ всячески препятствовали имъ проживать. Притѣсненія и грабежъ въ этихъ случаяхъ доходили до того, что козаки толпами уходили за Московскій рубежъ съ женами и дѣтьми, и поселялись на бѣлогородскихъ земляхъ, гдѣ впослѣдствіи образовалась Харьковщина. Козакамъ не дозволялось не только покупать домá и дворы въ украинскихъ городахъ, но и продавать недвижимую собственность. Въ первомъ случаѣ шляхетское правительство имѣло въ виду выгоды арендаторовъ, которые всего больше извлекали доходовъ изъ шинковъ, тогда какъ козаки всячески противодѣйствовали откупной системѣ и, по выраженію королевскаго акта, «принимали подъ свою протекцію прочихъ горожанъ;» во второмъ — оно слѣдовало обычной своей системѣ — лишать козаковъ недвижимой собственности, на томъ основаніи, что земля вообще считалась королевскою, а король, могъ передать свое право, въ формѣ вѣчнаго или временнаго пожалованія, только шляхтичу. Козаки никакъ не вѣрили, чтобы могъ существовать такой законъ, по которому-бы имъ въ собственныхъ домахъ своихъ нельзя было курить горілки или варить пива въ такихъ важныхъ случаяхъ, какъ свадьба или крестины, и горько жаловались панскому сейму на притѣсненія со стороны арендаторовъ. А какъ жалоба въ тотъ вѣкъ слѣдовала только послѣ собственной неудачной расправы, то по этому можно судить, сколько происходило схватокъ между шляхтою, поддерживавшею откупную систему, и козаками, принимавшими подъ свою протекцію всѣхъ, кого наравнѣ съ ними обирали и тѣснили жиды, покровительствуемые панами. «А ко всему этому. писали козаки въ своей инструкціи на сеймъ въ началѣ 1637 года, паны старосты, ссорясь между собой за земли и дѣлая другъ на друга наѣзды, перебили нѣкоторыхъ изъ нашего товариства, а имущество ихъ присвоили себѣ.»

Въ этакомъ омутѣ повсемѣстнаго самоуправства, при этакомъ господствѣ произвола и грубой силы, не могли козаки поступать юридически, какъ этого отъ нихъ требуютъ нынѣшніе защитники шляхетскаго господства въ Украинѣ. Они вырывали изъ рукъ у шляхты то, чтò были въ силахъ вырвать, пока, наконецъ, при Хмельницкомъ отняли у нихъ всю Украину по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Каждый владѣлъ тогда въ Украинѣ только тѣмъ, чтò могъ защищать оружіемъ. Пока отецъ

козацкаго семейства былъ живъ и могъ, при помощи товарищей, постоять за него противъ мѣстныхъ властей, — оно было терпимо въ его наслѣдственной хатѣ, въ его родномъ хуторѣ; но лишь только онъ умиралъ и оставлялъ послѣ себя беззащитную жену съ малыми дѣтьми,—староста объявлялъ ихъ недвижимую собственность королевскимъ имуществомъ, и они должны были — или идти въ подсосѣдки къ зажиточному козаку, или, въ случаѣ упорства, въ тюрьму. «Паны старосты не обращаютъ вниманія, писали козаки королю, какое это горестное явленіе, что лишь только нашъ товарищъ погибнетъ на службѣ Рѣчи-посполитой, завтра ужъ у его жены отбираютъ все имущество, да еще и въ тюрьму посадятъ.» Король отвѣчалъ, что вдовамъ козацкимъ будетъ позволено оставаться на своихъ мѣстахъ два года. Дальше этого не пошла королевская милость, управляемая радными панами. Но на жалобу о томъ, что старосты не щадятъ козаковъ, изувѣченныхъ на войнѣ, что они подчиняютъ ихъ своей власти, лишая козацкихъ вольностей, а многихъ замучили на смерть или совсѣмъ ограбили,—на эту жалобу королевская канцелярія, въ своемъ отвѣтѣ отъ имени его величества, совершенно промолчала [1]).

---

[1]) Въ предыдущихъ главахъ я изложилъ, какими средствами паны завладѣли украинскою территоріею. На дняхъ получилъ я изъ Львова сочиненіе Людвика Повилая: Kozacy Zaporożcy na Ukrainie. Привожу изъ него 12—14 страницы, которыя еще выразительнѣе обнаруживаютъ панскія неправды, прикрытыя законностью. Przy coraz większym napływie szlacheckim, i ustaleniu się powagi Rzeczypospolitej, ziemia przestała być niczyją; co nie było w posiadaniu prywatném, stało się majątkiem państwa. Zaczęto urządzać starostwa dla nagrody zasłużonych, lub król rozdawał całe obszary na własność wieczystą za pisanym przywilejem.

Kozacy, rozsiani po całej przestrzeni, przez takie nadania stracili własność, krwią i kilkuwiekowém używaniem uprawnioną. Jeżeli przypadkiem futor leżał w obrębie ziemi nadanej, szlachcic chciał z niego korzystać i wymagał od kozaka czynszu i danin. Obydwa zaufani w swoje prawo, dopuszczali się ostateczności. Nieraz pan kozaka zagrabił, i w poddaństwo obrócił, nieraz też i kozak przy pomocy współbraci najechał szlachcica, i mienie jego z dymem puścił, a często śmierć mu zadał.

Szlachta zaczęła dawnym rodzinom kozackim, posiadającym własność osadną, robić trudności. Nie pomogły nic konstytucje Zygmunta Augusta, na sejmie w Lublinie roku 1569 postanowione, a które orzekały: Jeżeliby kto miał dobra dziedziczne, a listów na nie nie miał, tedy jeżeli je spokojnie posiada, ma i nadal takowe trzymać i wiecznemi czasy dzierżyć, a do pokazania tych listów, ani przed nami, ani przed żadnym urzędem zmuszony być nie ma. (Volumina legum, tom II).

Рядомъ съ жалобами на такія насилія, козаки помѣстили просьбу, чтобы имъ выдано было удерживаемое въ теченіе четырехъ лѣтъ жалованье, а также, чтобы имъ было выслано и сукно на одежду. Королевская канцелярія отвѣчала, что королевскій коммиссаръ Адамъ Кисѣль, чрезъ котораго слѣдовало бы имъ получить деньги, долженъ былъ, по другимъ дѣламъ своимъ, спѣшить на сеймъ, да притомъ же они своевольно заняли назначенныя жолнерамъ становища въ Корсунѣ и не хотятъ оставить ихъ ни послѣ королевскаго письма, ни послѣ приказанія коронпаго гетмана. Еще одна увертка послѣ торжественныхъ обѣщаній, которыя давалъ Кисѣль осенью въ Каневщинѣ!

«Его королевской милости, писали далѣе козаки въ инструкціи посламъ своимъ, угодно было показать намъ ласку и повелѣть, чтобы въ реестръ вписана была седьмая тысяча [1]).

Mimo tak ubezpieczonej własności, Jan Potocki, wojewoda bracławski, wyrobił sobie kaduki na wszystkie majątki, któreby bez listów dzierzone były. (Kadukiem nazywano w Polsce prawo nadane przywilejem królewskim na dziedzictwo po zmarłym bezdzietnie w Polsce cudzoziemcu, lub na infamją i utratę majątku skazanym krajowcu. Kaduki wyrabiano i na tych, co nie będąc szlachtą, majątki ziemskie nabywali). W Bracławiu utworzono nawet komisję ustawiczną na wyśledzenie podobnych majątków. Wprawdzie koncesja ta dana Potockiemu, wnet cofnięta została, ale wzburzenie i niepokoj długo trwać musiały. (Volumina legum, tom III).

Rożyński przy swej organizacji, dla każdego pułku przeznaczył jakąś ilość ziemi. Przy wielkich obszarach pustkowia, nie miała ta ziemia żadnych stałych granic. Kozacy często nawet, już to pułkami, już pojedynczo, rzucali jedną okolicę i sadowili się w drugiej. Korzystała z tego szlachta, i pod pozorem, że kozacy do świeżo zajętych żadnego prawa nie mają, a dawnych się zrzekli, wyrabiała sobie przywileje na te i tamte.

Często nawet bez złej wiary wydane i uzyskane przywileje, przez nie dość ścisłe oznaczenie granic w dokumencie, mogły prowadzić do nadużyć ze szkodą wiekowych swobód i użytkowań kozaków.

Tak np. kniaź Iwan Rożyński dostał przywilej na uroczysko zwane Kotelnia, za Żytomierzem; Bajbuza, na pustynię nad rzeką Sułą, przy Czerkasach; Walenty Kalinowski dostaje pustynię Humań, nigdzie granice nie są oznaczone. Kalinowski na pierwszy moment zajął przeszło sto mil kwadratowych, nie zrzekając się na później zabrać więcej, jako do swej pustyni należących.

Na sejmie roku 1590, Zygmunt Waza otrzymał od stanów pozwolenie rozdania pustyń za Białocerkwią. Ziemię tę odebrano kozakom pod pozorem, że jej nie uprawiają. (Z Volumina legum, tom II. Przedruk Ohryzki, strona 318 i 466).

[1]) См. конституціи сейма 1635 года. *Voll. Legg.* III. 404.

Униженно и покорно просимъ короля и всю Рѣчь-посполитую, чтобы на эту тысячу выдаваемо было жалованье, да чтобы было прибавлено и на все войско.»—Король и вся Рѣчь-посполитая, довольные тѣмъ, что обѣщаніе помогло утихомирить козаковъ осенью, смѣло отвѣчали зимою, что на нынѣшнемъ сеймѣ некогда трактовать объ этомъ, и отложили до другаго времени.

Въ той же инструкціи козаки жаловались, что кіевскіе бернардины хотятъ завладѣть шпиталемъ, на который козацкій гетманъ Кишка (можетъ быть, герой извѣстной думы) пожертвовалъ свой домъ, по возвращеніи изъ молдавскаго похода. Отвѣтъ на просьбу о защитѣ отъ бернардиновъ характеризуетъ пановъ-католиковъ. «Его королевская милость велитъ разслѣдовать, что̀ за безправіе терпите вы въ Кіевѣ, да не меньше строго разузнать и то, что козаки, вмѣсто отпора враждебной ордѣ, осмѣлились выдти осмью челнами въ море и все лѣто провели въ бунтахъ. Какъ пріѣдутъ къ вамъ коммиссары, да всѣхъ зачинщиковъ бунта отыщутъ между вами, тогда послушнымъ козакамъ и будетъ оказана милость. Да вотъ и недавно дошло до свѣдѣнія его королевской милости, что не мало козаковъ пошло на море, что много наготовлено челновъ на Запорожьѣ; и потому его королевская милость повелѣваетъ, чтобы войско запорожское усмирило своевольныхъ, а виновныхъ покарало, чтобы на Черное море не выходилъ ни одинъ челнъ и не давалъ повода къ войнѣ съ Турками.»

Писано было это въ началѣ 1637 года. Весною, когда ужъ партія завзятыхъ, подъ предводительствомъ Павлюка, участвовала въ походахъ крымскаго хана на Буджацкихъ Татаръ и изъ Украины доходили въ Варшаву извѣстія о стремленьи на Запорожье всѣхъ недовольныхъ мѣстными властями, правительство приняло другой тонъ. Ханъ прислалъ къ нему своихъ пословъ съ жалобою на вторженіе городовыхъ козаковъ въ очаковскія и перекопскія степи во время его войны съ Кантемиромъ, и требовалъ возвращенія захваченныхъ ими людей и стадъ. Отправляя съ татарами своего посла къ козакамъ, правительство не знало навѣрное, какъ именно стояли въ то время вещи въ Украинѣ, и въ инструкціи послу написано, чтобы онъ, «поспѣшивъ какъ можно скорѣе къ мѣсту своего назначенія, объявилъ милость его королевскаго величества тѣмъ, которые остаются вѣрными своему долгу, и обѣщалъ имъ на будущее время королевское благоволеніе и награды за ихъ заслугу, когда представятся къ тому случаи», а въ концѣ инструкціи прибавило, чтобы онъ «объявилъ за-

порожскому войску королевскую милостивую ласку, на Запорожьѣ, или гдѣ бы запорожское войско ни находилось съ своею старшиною».—Внутренность этого пастета, спеченнаго очень искусно въ королевской канцеляріи, содержала въ себѣ начинку, составленную не менѣе искусно. «Не можетъ однако это не оскорблять его королевской милости, сказано было въ инструкціи,—хотя король и не допускаетъ мысли, чтобы тутъ виновато было все войско,—что, во время ханскаго похода на Кантемира, общаго нашего врага, когда онъ, полагаясь на мирныя отношенія съ нами, выступилъ изъ Крыма съ своими братьями, для пораженія своевольныхъ буджацкихъ татаръ,—козаки, вторгнулись неожиданно въ очаковскія и перекопскія поля, захватили множество овецъ и рогатаго скота, а вмѣстѣ съ тѣмъ набрали къ себѣ въ неволю немалую купу татаръ, женщинъ и дѣтей». Король повелѣвалъ возвратить ханскимъ посламъ всѣхъ плѣнниковъ, вознаградить ихъ за стадо и товары, захваченные во время набѣга, и объявить ханскимъ посламъ, что набѣгъ сдѣланъ, мимо вѣдома козацкой старшины, людьми своевольными. Въ заключеніе инструкціи сказано, чтобы королевскій посолъ не только не запрещалъ запорожскому войску, напротивъ заохотилъ бы его дозволеніемъ и повелѣніемъ королевскимъ идти какъ можно скорѣе на помощь хану съ отборными людьми, послушными правительству и опытными въ рыцарскомъ дѣлѣ». Правительство смѣшивало тутъ безразлично двѣ козацкія партіи въ одну и заботилось только о томъ, чтобы отдѣлить своевольныхъ нетягъ отъ козаковъ отборныхъ и послушныхъ. Видя, что и безъ того уже украинцы толпами уходятъ на Запорожье, оно, своимъ дозволеніемъ помагать хану, сняло съ Павлюка вину мятежника и предоставляло самому запорожскому войску произвести ту «дистиллировку», которую обыкновенно возлагало на королевскихъ комиссаровъ.

Между тѣмъ участіе Павлюка въ побѣдахъ крымскаго хана надъ Кантемиромъ и походы завзятыхъ реестровиковъ и выписчиковъ на море [1]) отозвались въ Украинѣ весьма небла-

[1]) Неизвѣстно, до какой степени были удачны или неудачны эти походы. Въ выпискахъ изъ турецкихъ лѣтописей, въ Collectanea Сенковскаго, о нихъ не упоминается вовсе. Гаммеръ, въ своей исторіи Оттоманской имперіи, разсказываетъ о пораженіи турками 33-хъ козацкихъ чаекъ въ близкое къ этому время, но не опредѣляетъ, когда именно козаки были разбиты. См. *Hist. de l'Emp. Ott.* trad. Dochez. II, 491.

гопріятно для интересовъ шляхты. Умѣренная партія проникнулась тѣмъ козацкимъ завзятьемъ, которое еще со временъ гетмана Наливайки воспѣвалось въ народныхъ пѣсняхъ [1]) и противъ котораго оказывались безсильными панскія «раціи», угрозы и даже самыя побѣды надъ козаками. Слухъ о предстоящей войнѣ съ турками заставилъ старшину увеличить число реестровыхъ козаковъ, не спрашиваясь у коронваго гетмана. Молодцоватые, смѣлые панскіе хлопы, которыхъ отцы козаковали подъ знаменами прежнихъ гетмановъ, покидали свои плуги, заступы, лопаты и становились въ ряды старыхъ реестровиковъ. Почуяли козаки свою силу, вспомнили славные годы Конашевича, Михайла Дорошенка, Тараса Трясила, и мелкими показались имъ недавніе ихъ интересы и жалобы. Королевскіе коммиссары, явясь въ Украину въ концѣ апрѣля, увидѣли, что козаки толкуютъ и шумятъ уже больше о турецкой войнѣ, чѣмъ о своемъ задержанномъ жалованьи, и вообще расположеніе умовъ козацкихъ озадачило коммиссаровъ больше, чѣмъ прошлою осенью, когда Кисѣль такъ ловко приложилъ къ дѣлу теоріи наставниковъ польской аристократіи, отцовъ-іезуитовъ. Они нашли болѣе нежели труднымъ (plus quam difficile)—однихъ реестровыхъ козаковъ вызвать изъ Запорожья, другихъ отвлечь отъ приготовленій къ морскому походу, а третьихъ—именно новыхъ охотниковъ, до войны съ Турками—обратить въ первобытное состояніе. Эти послѣдніе вошли въ составъ реестровыхъ козаковъ послѣ корсунской рады, которую козаки недавно имѣли въ Корсунѣ, въ небольшомъ еще числѣ. Корсунская рада происходила передъ глазами польскихъ урядниковъ, и потому сдѣлала *выпись* и *припись* въ козацкомъ реестрѣ согласно съ видами правительства, то есть исключила изъ реестра людей преступныхъ, безпокойныхъ или подозрительныхъ, и на мѣсто ихъ включила людей благонадежныхъ. Теперь эта работа «обратилась въ ничто». Коммиссары намѣрены были начать свое дѣло съ Бѣлой-Церкви и, переходя оттуда изъ полка въ полкъ, привести козацкое войско въ надлежащій порядокъ, но получили

---

[1]) Послѣ казни Наливайка, козаки вдохновлялись памятью о его гибели и пѣли:

Вдовинъ сину, вдовинъ сину,
Е ще въ тебе братья,
А въ братівъ твоихъ козаківъ
Багацько завзятья.

отъ гетмана Томиленка извѣстіе, что козаки, собравшись между Россавою и Кагарлыкомъ, «мѣшаются» (то есть принимають въ свою среду выписчыковъ), бунтують и не хотять ни розойтись, ни приступить къ установленію предположенныхъ порядковъ. Это заставило коммиссаровъ принять другой способъ дѣйствія и относиться къ козакамъ больше почтительно, чѣмъ повелительно (non tam libenter, quam reverenter), особенно же—имѣя въ виду то обстоятельство, что чернь со всѣхъ сторонъ собиралась въ козацкій таборъ. Одинъ изъ коммиссаровъ Адамъ Кисѣль днемъ и ночью поспѣшалъ въ козацкій таборъ, чтобъ какъ-нибудь уладить съ ними дѣло, а другой воротился въ Богуславъ, гдѣ стояли польскія хоругви подъ начальствомъ родственника польнаго гетмана, полковника Станислава Потоцкаго, и предупредилъ его, чтобы онъ взялъ свои мѣры предосторожности противъ «замѣшательства вооруженной черни».

Прибывъ въ козацкій таборъ, Адамъ Кисѣль засталъ козаковъ уже въ числѣ 10,000. По его словамъ, и сама старшина не знала, какъ съ ними дѣйствовать. Онъ объявилъ козакамъ цѣль своего посольства и прочелъ инструкціи короннаго гетмана. Но слабо дѣйствовали на козаковъ официіальныя рѣчи и бумаги. Надобно было прибѣгнуть къ подкупамъ, ласкамъ и угрозамъ. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ, издавна выпробованныхъ польскими панами, было то, что старшина разослала по городамъ и селамъ свои листы, въ которыхъ объявила, что войны съ Турками не будетъ и что никто не можетъ быть принятъ въ козаки свыше семи тысячъ, а потому чтобы никто изъ людей, невписанныхъ въ реестръ, не осмѣливался оставлять своего дома. Такимъ образомъ остановленъ былъ приливъ козацкаго войска. Послѣ этого надобно было приступить къ реестровкѣ и отдѣлить такъ называемый *пописъ* отъ *припису*, то есть отъ внесенія въ реестръ новыхъ козаковъ. Коммиссары желали произвести пописъ тутъ же въ таборѣ, а приписъ пяти правобережныхъ полковъ—въ Каневѣ, а двухъ лѣвобережныхъ—въ Переяславѣ. Этимъ они достигали двухъ цѣлей: во-первыхъ, удерживали на мѣстѣ тѣхъ, которые, подъ предлогомъ приписа, въ козаки, собирались въ росавскій таборъ; во-вторыхъ, вводили реестровое войско въ обыкновенные его предѣлы.

Но не легко было исполнить эту операцію. Нереестровыхъ козаковъ набралось въ таборѣ больше, чѣмъ реестровыхъ, и власть отъ старшинъ перешла уже къ войсковой черни; а чернь

кричала, что, пока не увидятъ денегъ, которые обѣщали имъ коммиссаромъ, до тѣхъ поръ ни къ чему не приступятъ. Козаки прибавляли къ этому еще два требованія — разширить становища ихъ въ Корсунщинѣ для содержанія арматныхъ коней и вообще артиллеріи, и выдать имъ козацкія пушки, находившіяся въ Кіевѣ, такъ какъ они кіевлянамъ ни въ чемъ не довѣряютъ, а въ походахъ имъ безъ артиллеріи обойтись нельзя. Новые козаки, желавшіе вписаться въ реестръ, всѣми мѣрами старались разорвать коммисію и воспрепятствовать реестровикамъ получить жалованье, чтобы всѣмъ вмѣстѣ двинуться на Запорожье, а оттуда идти на море. Долго бушевали козаки вокругъ коммиссара, то требуя денегъ, то грозя идти въ Кіевъ и силою забрать козацкія пушки, то жалуясь на вытѣсненіе своей арматы изъ Корсунщины. Наконецъ прибылъ скарбовый писарь съ деньгами. Тутъ старые реестровики, и особенно старшины козацкіе, пріутихли и склонились на то̀, чтобы не идти ужъ на Запорожье и оставаться въ числѣ семи тысячъ. Жалобы ихъ на стѣсненіе арматныхъ становищъ въ Корсунщинѣ тоже были кой-какъ утихомирены коммиссаромъ. Оставалось только рѣшить вопросъ о кіевской арматѣ. Напрасно Кисѣль доказывалъ войсковой черни, что армата принадлежитъ королю, а не кіевлянамъ, что козаки столько разъ ходили на войну безъ пушекъ и, добывая ихъ у непріятеля, раздавали по городамъ, и что неблагоразумно съ ихъ стороны теперь, изъ-за какихъ-нибудь четырехъ орудій, оскорблять его королевскую милость. Войсковая чернь оставалась глухою ко всѣмъ доводамъ и убѣжденіямъ, и едва не разстроила всего дѣла, упорствуя въ своемъ намѣреніи овладѣть кіевскою арматою. Наконецъ онъ прибѣгнулъ еще къ одной уловкѣ и началъ представлять, что козаки не имѣютъ настоятельной надобности въ кіевской арматѣ, что лучше дождаться ближайшаго сейма и тогда изложить свои нужды королю и коронному гетману, вмѣсто того, чтобы поставить на своемъ такимъ варварскимъ способомъ. Рѣчь Кисѣля остановила бурю, и оба коммиссара, съѣхавшись въ козацкомъ таборѣ, приступили къ выполненію своей коммиссіи.

Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о *выписѣ*, то есть объ исключеніи преступныхъ и безпокойныхъ людей изъ реестра, коммиссары въ теченіе нѣсколькихъ дней занимались однимъ *пописомъ*, а между тѣмъ, объявили, что *приписъ* новыхъ козаковъ въ реестръ будетъ произведенъ ими въ городахъ. Это заставило разойтись по домамъ множество козаковъ, которые собрались было въ таборъ съ надеждою быть вписанными

въ реестръ. По окончаніи пописа, все войско было выведено въ поле, прошло въ порядкѣ передъ коммиссарами и дало salve за здоровье короля. «Все это козаки выполнили такъ хорошо, сказано въ коммиссарской реляціи, что каждый могъ видѣть, какъ они приготовились къ морскому гостеванью.» —Дошло наконецъ дѣло до присяги по круковскимъ пунктамъ. Собралась полная рада. Коммиссары, явясь посреди козаковъ съ отсчитанными уже деньгами и съ формою круковской присяги, предложили имъ подтвердить ее новою присягою. Не ожидали этого козаки, увѣренные, что число ихъ будетъ увеличено послѣ обѣщаннаго приписа по городамъ. Поднялся шумъ. Козаки осыпали упреками не только своихъ старшинъ, но и коммиссаровъ. «Довольно уже мы присягали! кричали они, довольно уже выполняли мы присягъ, да и теперь выполняемъ!» —Коммиссары, напомнивъ имъ о королевской милости, объявили рѣшительнымъ тономъ, что если, въ крайнемъ случаѣ, Рѣчь-посполитая вынуждена будетъ обнажить противъ нихъ саблю, то уничтожитъ и самое имя козаковъ.» Пусть лучше водятся здѣсь дикіе звѣри въ пустынѣ, говорили они, чѣмъ бунтовливая чернь! Затѣять возстаніе вы можете, продолжали коммиссары, но успѣть въ немъ — никогда. Можете вы уйти на Запорожье, но оставите здѣсь женъ и дѣтей, да и сами долго не проживете за Порогами: рано или поздо должны будете принести головы подъ саблю Рѣчи-посполитой. Напрасно также грозите вы измѣнить шляхетской республикѣ и выселиться въ чужую землю. Отечество ваше — Днѣпръ; другаго Днѣпра нѣтъ во всемъ мірѣ. Дона и сравнивать нельзя съ Днѣпромъ, ни въ какомъ отношеніи. Какъ рыбѣ безъ воды, такъ козакамъ безъ Днѣпра существовать невозможно, а чей Днѣпръ, тому и козаки должны принадлежать во-вѣки.» — Послѣ такой рѣчи, коммиссары раскланялись и объявили, что воротятся съ деньгами въ его королевской милости. «Но слова наши, пишетъ Адамъ Кисѣль, подѣйствовали на ихъ варварскія сердца такъ сильно, что у многихъ брызнули слезы изъ глазъ. Не плакали только пьяницы. Въ это время, продолжаетъ онъ, старшій ихъ (Томиленко), простой, но трезвый и скромный человѣкъ, положилъ булаву и бунчукъ, поклонился низко всему войску и, пожелавъ ему лучшаго ладу при болѣе счастливомъ гетманствѣ, вышелъ изъ собранія. О писарѣ ихъ (Ѳедорѣ Онушкевичѣ), замѣчаетъ онъ мимоходомъ, также надо сказать, что это человѣкъ благонадежный.»

Долго шумѣли и совѣщались козаки, избрать-ли имъ кого

другаго на гетманство, или послать за Томиленкомъ. Рѣшено было пригласить его опять въ раду, и, когда онъ явился, то всѣ закричали: «не хотимъ отступать отъ короля, нашего пана, и отъ Рѣчи-посполитой!» и требовали, чтобъ гетманъ присягнулъ первый. Но гетманъ объявилъ, что не присягнетъ, пока они этого не сдѣлаютъ. Споръ между козаками тянулся съ утра до вечерни; наконецъ все войско присягнуло, поднявши руки кверху, по круковскимъ пунктамъ, которые коммиссары сами имъ читали, а вслѣдъ за войскомъ и гетманъ, преклонивъ колѣни, присягнулъ на распятіи.

Дѣло это совершилось минутнымъ порывомъ, и хотя коммиссары въ своей реляціи написали, что присягнули *всѣ* козаки, однакожъ изъ ихъ дальнѣйшаго разсказа видно, что поднимало кверху руки только большинство. Тутъ же, въ собраніи, началось противодѣйствіе преобладающей массѣ; поднялись крики на старшину и коммиссаровъ. Но гетманъ, имѣя перевѣсъ на своей сторонѣ, тотчасъ велѣлъ схватить одного возмутителя толпы, какого-то Грибовскаго, и приковать къ пушкѣ; однакожъ сторожевые козаки выпустили узника и сами бѣжали вмѣстѣ съ нимъ. Коммиссары принуждены были удовлетвориться обѣщаніемъ козацкаго гетмана преслѣдовать Грибовскаго и на Запорожьѣ, и гдѣ-бы то ни было, — обѣщаніемъ ничтожнымъ при тогдашнихъ отношеніяхъ Запорожья къ городовому козачеству.

Окончивъ такимъ образомъ понисъ и приведя козаковъ къ присягѣ, коммиссары выдали имъ жалованье, а потомъ одинъ изъ нихъ отправился въ Переяславъ, а другой въ Каневъ, для включенія въ реестръ новыхъ козаковъ. Тутъ ужъ они вознаградили себя за свои хлопоты приношеніями со стороны тѣхъ, которые желали освободиться отъ шляхетской юрисдикціи поступленіемъ въ самоуправляющееся козацкое сословіе, игравшее роль независимой республики. Это видно именно изъ того, что коммиссары, въ своей реляціи, сочли нужнымъ написать, что не брали отъ козаковъ никакихъ подарковъ, а равно и изъ того, что козаки въ своихъ просьбахъ на сеймъ, уже во время коммиссарства Кисѣля, просили назначить имъ такихъ коммиссаровъ, которые бы не гонялись за своими выгодами и вписывали бы въ реестръ тѣхъ, которые въ самомъ дѣлѣ способны къ службѣ, а не тѣхъ, которые покупаютъ себѣ козацкія права за деньги. Поживились, безъ сомнѣнія, и подстаростіи и старшина козацкая, такъ какъ коммиссары записывали въ реестръ только тѣхъ, на кого ука-

зывала старшина и кого дозволяли записать подстаростіи. Наконецъ реестры были приведены въ порядокъ и присоединены къ кіевскимъ актамъ. Но волненіе украинской республики успокоилось не надолго.

Къ официальной реляціи, посланной къ коронному гетману изъ Переяслава отъ 30 апрѣля, Адамъ Кисѣль приложилъ отъ себя лично слѣдующій «discurs.»

«На козаковъ теперь ужъ надо смотрѣть, какъ на вередъ, который до тѣхъ поръ не прорветъ, пока не созрѣетъ. Могло бы случиться это и теперь, да кой-какъ задержалось. Но странно, что Рѣчь-посполитая не хочетъ принять мѣръ на дальнѣйшее время. Не допусти насъ Господи, до крайней опасности. Всего лучше помогло бы здѣсь постоянное пребываніе украинскихъ старостъ на мѣстѣ, но этому препятствуетъ самая невозможность, а ихъ намѣстники не могутъ имѣть столько власти. Если это безголовное звѣрье (bellua sine capite), или лучше сказать—это стадо безъ пастуха, будетъ и впередъ приводить въ затрудненіе республику, то надобно бы ей поставить въ Украинѣ лицо позначительнѣе насъ,—такое лицо, которое было бы уполномочено дѣйствовать противъ мятежа во всякій моментъ его; ибо хлопское своевольство, въ сравненіи съ могуществомъ Рѣчи-посполитой, можно считать маленькою искоркою; но если некому угасить тотчасъ этой искорки, то она производитъ большой и неугасимый пожаръ. Обратите вниманіе на быстроту, съ которою распространяется мятежъ въ столь многочисленной черни, и на эту медленность, съ которою обыкновенно мы приступаемъ къ дѣлу спасенія отечества и которая съ каждымъ разомъ у насъ увеличивается. Только тотъ, кто бы постоянно жилъ въ Украинѣ и слѣдилъ за столкновеніями, которыхъ въ самомъ дѣлѣ не мало происходитъ между козаками и украинскими властями,—только тотъ могъ бы улаживать дѣла и успокаивать на первыхъ порахъ всякое волненіе, пока оно не возъимѣло еще дурныхъ послѣдствій. Черезъ его руки шло бы жалованье, и онъ могъ бы заблаговременно выключать бунтовщиковъ изъ реестра. Онъ былъ бы подчиненъ ихъ милостямъ панамъ коронымъ гетманамъ, а ему подчинена была бы козацкая старшина. Будучи обезпеченъ соотвѣтствующими средствами въ Украинѣ, онъ могъ бы купить себѣ въ козацкомъ войскѣ значительную партію приверженцевъ, которые составляли бы оппозицію недовольнымъ и не допускали бы ихъ ни до какого бунта. Такимъ образомъ при козацкой старшинѣ оставалось бы только имя начальниковъ, а въ сущности власть находилась бы въ ру-

кахъ запорожскаго коммиссара, или какъ бы тамъ ни было названо это лицо. Чтобъ убѣдиться въ основательности моего предложенія, стоитъ только вспомнить время, когда Сулима разрушилъ фортъ на Кодакѣ. Это былъ случай, исключительно благопріятный для мятежа, и неизбѣжно загорѣлась бы тогда вся Украина. Рѣчь-посполитая была въ то время занята прусскою войною, и, прежде чѣмъ она обратила бы сюда свои силы, мы погибли бы тутъ всѣ до единаго. Но присутствіе королевскаго коммиссара въ Украинѣ и его деньги, разсыпанныя почти однѣми моими руками, не только усмирили мятежъ, но погубили и множество его зачинщиковъ. Ни фортъ на Кодакѣ, ни какая-бы то ни была другая мѣра не можетъ дѣйствовать могущественнѣе денегъ. Въ этомъ я твердо убѣжденъ. На нынѣшній годъ мы удержали козаковъ въ повиновеніи; но не ручаюсь, чтобы потомъ не обнаружился въ нихъ какой-нибудь внезапный и вредоносный пароксизмъ. Вижу я это по нынѣшнему съ ними дѣлу — и ужъ далъ себѣ слово больше никогда къ нимъ не ѣздить.»

Никто лучше Кисѣля не зналъ, что вынужденная у козаковъ присяга могла связывать только меньшинство всего козачества и что это меньшинство неизбѣжно должно подчиниться матеріальной и нравственной силѣ людей, искусно отъ него отрозненныхъ, а равно и тѣхъ, которые оставались еще за Порогами или не успѣли собраться въ росавскій таборъ. Не напрасно далъ онъ себѣ слово не ѣздить больше къ козакамъ: онъ видѣлъ ясно, что именно послѣдуетъ за его ловкою административною операціею; онъ зналъ кákъ встрепенутся козаки, когда уразумѣютъ, что паны «убрали ихъ въ шоры»; но не смѣлъ онъ высказываться слишкомъ опредѣлительно передъ вельможными олигархами. Какъ всякая деспотическая корпорація, состоящая изъ людей недовѣрчивыхъ и въ то же время самолюбивыхъ, панская республика внушала преданнымъ слугамъ своимъ рѣчь осторожную и исполненную учтивыхъ недомолвокъ. Не имѣй Кисѣль въ виду повышенія на тотъ важный постъ, который онъ указывалъ въ своемъ дискурсѣ, онъ бы не пугалъ короннаго гетмана темными намеками на измѣнчивость козацкаго характера, а прямо высказалъ бы, какъ стоятъ вещи въ украинской республикѣ. Не могъ онъ не знать обстоятельствъ, которыя не далѣе, какъ черезъ недѣлю по окончаніи коммиссіи, заставили козаковъ нарушить данную присягу. По этимъ обстоятельствамъ, онъ долженъ былъ бы настаивать на одномъ: что козаковъ слѣдуетъ усмирить немедленно и во что бы то ни

стало военною силою. Но тогда онъ потерялъ бы свое значеніе,—значеніе человѣка, необходимаго въ Украинѣ, и не за что было бы ему ожидать увеличенія ранговыхъ имѣній, которыми онъ уже владѣлъ въ Украинѣ, называя ихъ своимъ «гнѣздышкомъ», своею «убогою заслужкою», не смотря на 120,000 злотыхъ годоваго дохода; а главное—военная сила, разгромивъ козаковъ, лишила бы его случая распоряжаться значительными денежными средствами, которыя онъ считалъ болѣе дѣйствительными, нежели фортъ на Кодакѣ и все, что бы ни придумала Рѣчь посполитая противъ козаковъ. Природное добродушіе управлялось у него набожностью, а шляхетская набожность не противорѣчила искуству выжиданія лакомаго куска изъ общей панской добычи—милаго отечества. «Я здѣсь одинъ, какъ паукъ, въ Украинѣ,» писалъ онъ, высказывая невольно внутреннее свойство своей природы, и дѣйствительно, какъ паукъ, раскидывалъ онъ свою паутину отъ Запорожья до Варшавы. И республика украинская, и республика шляхетская, до конца его жизни не могли дѣйствовать мимо его совѣтовъ; а по его совѣтамъ и стараніямъ ни та, ни другая сторона не могли нанести одна другой рѣшительнаго удара. Жаль было ему шляхты, какъ хранительницы священныхъ для него правъ и привиллегій; жаль было и козаковъ, съ уничтоженіемъ которыхъ уничтожилось бы все его вліяніе въ сенатѣ и на сеймахъ. Не будучи самъ острою бритвою, онъ упрочилъ за собой роль ремня, безъ котораго не можетъ обойтись никая бритва, и дѣйствительно былъ прозванъ ремещкомъ въ завистливыхъ и проницательныхъ панскихъ кружкахъ [1]).

Черезъ шесть дней послѣ приведеннаго выше дискурса, Кисѣль увѣдомлялъ короннаго гетмана, что не ошибся въ своемъ понятіи объ измѣнчивости козаковъ, и ссылался на Бога и на пановъ подстаростіихъ и обывателей украинскихъ въ томъ, что употреблялъ къ удержанію ихъ въ повиновеніи всѣ средства, а въ томъ числѣ и подкупъ. «Мудрено было удержать ихъ, писалъ онъ, если они рѣшились нарушить присягу, которую произнесъ не только ихъ старшій, но и всѣ козаки, отдѣливъ отъ себя весь этотъ наплывъ бунтовщиковъ. Войско было нами перечищено, вписано въ реестры; кто былъ на Запорожьѣ, и тѣ явились за полученіемъ денегъ, а на Запорожьѣ козаки послали универсалъ, чтобы задержать челны, и назначили пословъ на сеймъ и къ вамъ, моему милостивому пану».

---

[1]) *Pam. do pan. Zygm. III, Wład. IV i Jana Kazim.* II, 13.

Все такъ; но какъ было Киселю упустить изъ виду, что Павлюкъ, сдѣлавшійся предводителемъ завзятыхъ прошлою осенью, не останется спокойнымъ зрителемъ его подкуповъ и другихъ уловокъ шляхетской администраціи? Какъ онъ могъ думать, что козаки, выписанные изъ реестра, по указанію задобренной имъ старшины, терпѣливо будутъ видѣть на своихъ мѣстахъ людей, рекомендованныхъ подстаростіями? Выполнивъ свое дѣло, какъ чиновникъ, Кисѣль, по вольности польскаго панства, устранился отъ дальнѣйшихъ съ ними переговоровъ, и это было сдѣлано имъ не спроста. «Я вижу ихъ насквозь, написалъ онъ въ концѣ своего дискурса. При моей опытности въ томъ дѣлѣ, отъ души готовъ бы былъ я услужить отчизнѣ, но не уполномоченъ на болѣе дѣйствительныя мѣры.»

Послѣ этого странно читать намъ его слова въ донесеніи коронному гетману: «Сегодня (6 мая) дали мнѣ знать изъ Черкассъ преданные мнѣ люди, что козаки рѣшились идти на Запорожье, нарушивъ присягу, и старшаго своего хотятъ низложить, если онъ съ ними не будетъ согласенъ». Такую быструю перемѣну въ расположеніи умовъ могло произвести развѣ то обстоятельство, что въ самое то время, когда королевскіе коммиссары уладили дѣло съ умѣренною партіею, часть козаковъ изъ партіи завзятыхъ, дѣйствуя независимо отъ Павлюка, вышла въ море, и украинскіе поселяне-выписчики, узнавъ объ этомъ, начали продавать воловъ, лошадей и покупать самопалы. Но нельзя допустить со стороны Киселя серьезной увѣренности въ томъ, чтобы завзятые, изготовясь на Запорожье къ морскому походу и имѣя въ своемъ распоряженіи часть арматы, увезенной изъ городовъ, пріостановились потому что умѣренная, ненавидимая ими партія послала къ нимъ свое приказаніе не ходить на море. Онъ видѣлъ, что дѣла сильно склонились къ войнѣ съ Турціею и, при всемъ желаніи сохранить въ Украинѣ шляхетское полноправіе, при всемъ желаніи удержать своихъ и чужихъ подданныхъ отъ выхода въ козаки, находилъ эту войну неизбѣжною. «Если еще и теперь, писалъ онъ къ Конецпольскому, братья наши на этомъ сеймѣ скажутъ, что не хотятъ войны съ турками, когда ужъ она сама насъ хочетъ; то ужъ и не знаю, что̀ будетъ дѣлаться далѣе».

Между тѣмъ какъ Адамъ Кисѣль разыгрывалъ роль паука въ Украинѣ и мутилъ голову короннаго гетмана Конецпольскаго, «своего милостиваго пана», козаки имѣли въ Черкассахъ раду. Томиленко, не желая соперничать съ Павлюкомъ, который готовился уже овладѣть гетманщиною и грозилъ издали охотни-

камъ до панскихъ подарковъ, положилъ въ радѣ булаву, благодарилъ козаковъ за честь, которой они до сихъ поръ его удостоивали, и вышелъ изъ собранія. Козаки сперва упрашивали его воротиться и принять на себя гетманскую власть, потомъ привели его въ раду насильно и заставили опять взять булаву. Рѣшено было идти на Запорожье и воевать съ Турціею, не обращая вниманія на то, желаетъ ли этого панская республика, или нѣтъ. Но не всѣ были одного мнѣнія; не всѣ склонялись на сторону завзятыхъ. По увѣренію тайныхъ предателей, которыхъ паны довольно натворили въ козачествѣ, большинство оставалось вѣрнымъ шляхетской олигархіи, но боялось тѣхъ, которые въ ихъ глазахъ были бунтовщиками. «Не только большинство, писалъ къ польному гетману изъ Богуслава полковникъ Станиславъ Потоцкій, но почти всѣ на нашей сторонѣ»,—и это очень похоже на правду, потому что во время государственныхъ смутъ, когда старый порядокъ вещей начинаетъ обнаруживать свою непрочность, огромная часть гражданскаго общества обыкновенно жаждаетъ его ниспроверженія, но такая же, или еще большая часть, сохраняетъ передъ правительствомъ внѣшніе признаки покорности. Тутъ большинство не бываетъ постоянно ни на той, ни на другой сторонѣ. Какъ ртуть въ фальшивыхъ жидовскихъ вѣсахъ, переходитъ оно то сюда, то туда, смотря по обстоятельствамъ, которыхъ сила, скрытая отъ наблюденія, въ одномъ случаѣ даетъ перевѣсъ сторонѣ недавно безнадежной, а въ другомъ—наоборотъ. Далѣе въ томъ; что масса людей, называющихся гражданами, въ опасные моменты своего бытія, вѣчно фальшивитъ, потому что почти вся состоитъ изъ храбрящихся трусовъ, изъ лицемѣрныхъ эгоистовъ и изъ людей, живущихъ чужимъ умомъ, чужими заимствованными мнѣніями. Такъ было и между козаками, которыхъ одни напрасно дѣлаютъ героями добра и правды, а другіе—лукавыми безнравственными варварами. Они были люди—какъ, люди, и оцѣнивать ихъ слѣдуетъ не по общимъ дѣйствіямъ, зависящимъ большею частью отъ вліяній внѣшнихъ и скрытыхъ отъ исторіи, а по натурамъ единичнымъ, знаменующимъ собою степень умственной и нравственной высоты всего народа. Не имѣя всего этого въ виду, мы никакъ не поймемъ, почему козаки сперва кричали, что не хотятъ присягать, что «довольно уже они присягали и выполняли присягу», потомъ пораженные доводами коммиссаровъ, плакали и торжественно присягнули, а черезъ нѣсколько дней нарушили присягу и рѣшили на радѣ идти на Запорожье, но тутъ же увѣряли поляковъ, черезъ ихъ шпіоновъ,

что они почти всѣ преданы панской волѣ, и просили двинуть въ Каневщину и Черкащину изъ Богуслава войско, «чтобы оно покарало ушедшихъ съ Павлюкомъ гультаевъ, по крайней мѣрѣ на ихъ женахъ и дѣтяхъ». Мало того: нашлись люди, которые, толкуя въ толпѣ о войнѣ съ турками, наперекоръ панамъ,— въ то же самое время отправили пословъ къ коронному гетману съ увѣреніями въ своей преданности правительству. Паны слѣдили въ это время за волненіями козаковъ изъ четырехъ пунктовъ: Адамъ Кисѣль—изъ Носовки; родственникъ польнаго гетмана, полковникъ кварцяныхъ хоругвей Станиславъ Потоцкій— изъ Богуслава; польный гетманъ Николай Потоцкій,—при посредствѣ своего бѣлоцерковскаго подстаростія, изъ военнаго стана надъ Днѣстромъ; коронный гетманъ Конецпольскій—изъ своей маетности, Бара; и каждый былъ въ недоумѣніи на счетъ ихъ дѣйствій и въ нерѣшимости, какъ съ ними поступить. Дать Кисѣлю средства для обширнаго подкупа мѣшали деспотическая подозрительность и панская завистъ вельможныхъ представителей шляхетской республики. Двинуть на козаковъ Станислава Потоцкаго было и не надежно, по малочисленности его хоругвей, и неразсчетливо, потому что коронные гетманы имѣли въ виду вызвать козаковъ на Днѣстръ, въ случаѣ, еслибы турки сдѣлали рѣшительный шагъ къ войнѣ. Оставалось самое дешевое и безопасное средство—убѣждать ихъ чрезъ пословъ, ласкать ихъ обѣщаніями, грозить имъ оружіемъ и поддерживать между ними многочисленную партію людей lepszego rozsadku.

Пока паны работали словесными наказами и перьями, согласно съ этой мудрой политикой, которая показывала, что ихъ республика уже и тогда была старая отупѣлая баба,—между козаками произошелъ переворотъ, заставившій эту бабу встрепенуться. Павлюкъ, живя на Запорожье послѣ удачной войны въ Буджакѣ, умѣлъ черезъ своихъ приверженцевъ, передѣлать убѣжденія умѣренной партіи до такой степени, что она допустила ему овладѣть арматою въ Черкасахъ безъ бою. Онъ явился туда всего только съ двумя стами человѣкъ и, не смотря на то, что при арматѣ постоянно находилось 2,000 козаковъ, благополучно увезъ въ свой кошъ. Козаки увѣдомили короннаго гетмана чрезъ пословъ своихъ, что Павлюкъ *укралъ* у нихъ армату и, съ притворною горечью, близкою къ явной насмѣшкѣ, упрекали канцлера, зачѣмъ онъ выпросилъ Павлюку у короля пощаду и «пустилъ ужа на свою шею!»—«Знаемъ, писали они, что ты, нашъ милостивый пане, скажешь: да развѣ васъ было мало, чтобы не дать измѣннику арматы? Но мы

получили извѣстіе что врагъ святаго креста, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, подошелъ къ Корсуню. Милостію Божіею и счастіемъ его королевскаго величества, мы его отразили. И потому не изволь гнѣваться на насъ, вѣрныхъ твоихъ слугъ и подножковъ за армату. Вѣроятно, заключили они лукаво, будетъ ласка его королевской милости и твое панское приказаніе идти намъ на мятежниковъ. Только и ожидаемъ твоего повелѣнія».

Рвеніе ихъ было, по видимому, самое вѣрноподданническое; но надобно знать, что козацкіе послы, по замѣчанію стоявшаго тогда въ Богуславѣ Станислава Потоцкаго, не охотники были до быстрой ѣзды, такъ что воротиться отъ короннаго гетмана съ повелѣніемъ идти на мятежниковъ могли они не раньше, какъ черезъ семь недѣль. Много могъ сдѣлать въ это время Павлюкъ,—и сдѣлалъ, какъ это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

(Продолженіе впредь).

П. Кулишъ.

13 іюня, 1862.
Хуторъ Мотроновка,
подъ Борзною.

ХАРАКТЕРЪ

ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РУСИ ПРЕДЪ БРЕСТСКОЮ УНІЕЮ.

(*Продолженіе*).

II.

Съ Сигизмундомъ-Августомъ прекращается въ Польшѣ династія Ягеллоновъ и на польскій престолъ вступаютъ короли, избираемые послѣ долгихъ сеймовыхъ споровъ и борьбы партій изъ-за какихъ-нибудь личныхъ интересовъ. Вмѣстѣ съ этимъ настаетъ другая пора и для православной юго-западной церкви,—пора болѣе бурная и безотрадная чѣмъ прежде, но за то вызывающая на новую жизнь и доселѣ невысказавшуюся дѣятельность всего юго-западнаго народа.

Еще, либеральный въ вѣрѣ, Сигизмундъ-Августъ, въ послѣдніе годы своего царствованія, уже совершенно иначе смотрѣлъ на всѣхъ диссидентовъ (разновѣрцевъ) и православныхъ, чѣмъ прежде. Онъ какъ будто-бы начинаетъ теперь раскаяваться въ прежнемъ образѣ своего дѣйствованія, ему становится страшно за самаго себя и онъ хочетъ сдѣлаться истиннымъ сыномъ католической церкви. На люблинскомъ унійномъ сеймѣ (1569 г.), съ которымъ прекратилось все лучшее для православной югозападной церкви [1]), Сигизмундъ-Августъ высказалъ отъ себя пламенное желаніе католичества, чтобы во всей Польшѣ была одна христіанская церковь, а не многія. Послушаемъ его: «немало меня то печалитъ, что въ мое управленіе явилось такое различіе вѣръ и разность пониманія самаго христіанства. Я знаю и чувствую, что на мнѣ лежитъ главная

---

[1]) Литовская церк. унія. Кояловича стр. 36.

обязанность заботится какъ о томъ, чтобы въ Рѣчи-посполитой было одно управленіе, такъ и о томъ, чтобы вѣра христіанская была у всѣхъ единымъ христіанскимъ исповѣданіемъ. А что это есть моя обязанность, о томъ мнѣ часто напоминали и Рада духовная и ваша милость—Рыцарство. Что-же касается меня, я скажу вашимъ милостямъ, чтобы ваша милость знала и своей братіи скажите, что я, ей Богу, за помощію всемогущаго Бога, хочу стараться о томъ, чтобы это исполнилось! Я имѣю несомнѣнную вѣру въ милость всемогущаго Бога, что онъ допоможетъ мнѣ исполнить эту обязанность, но чтобы при этомъ не нарушить своихъ обязанностей по отношенію къ людямъ» [1]).

Мы не станемъ здѣсь изслѣдовать, что и какъ произвело такую перемѣну въ этомъ человѣкѣ, — скажемъ только то, что онъ слушался теперь своего духовенства во всемъ и позволилъ ему даже, вопреки желаніямъ народа [2]), ввести въ Польшу іезуитовъ (1566 г.)—этотъ цвѣтъ вѣковой мудрости католицизма, чтобы они своею ревностію къ Риму, остановили быстрое развитіе реформаціонныхъ идей въ Польшѣ и Литвѣ, съ которыми не имѣло уже силы бороться самое римское духовенство [3]).

Но не въ характерѣ іезуитовъ было достигать своей цѣли только въ половину. Направивъ всѣ свои силы и все свое искуство прямо противъ реформаціи и различныхъ мелкихъ сектъ, — они, въ то-же время, неупускали изъ виду и православной церкви, которая какъ-бы стояла имъ на перепутьи къ полному и успѣшнѣйшему достиженію ихъ цѣли.

До сего времени мы не замѣчали какой-нибудь опредѣленной системы дѣйствованія со стороны католичества по отношенію къ православной церкви. Желаніе подчинить ее Риму, у него никогда не прекращалось, но въ то-же время у римскаго духовенства недоставало ни силы, ни умѣнія, какъ это сдѣлать и съ кого начать это дѣло. Теперь является предъ нами цѣлая община, которая дѣйствуетъ не иначе, какъ по системѣ и напередъ задуманному плану. Чтобы можно было дѣйствовать успѣшнѣе на избранномъ ими поприщѣ, іезуиты стараются прежде всего снискать расположенность къ себѣ народа, который на первыхъ порахъ встрѣтилъ ихъ съ явнымъ недоброжелательствомъ. Искуство имъ здѣсь не отказало. Своею

---

[1]) Obr. Litw. Jarosz. T. III. въ примѣчаніи 25.
[2]) Dz. nar. Litw. Narb. T. 9. str. 479—480.
[3]) Obr. Litw. Jarosz. T III. str. 58.

дѣятельностію они хотятъ оправдать свое названіе (Braciszki Jezusowe) и, прикрывшись личиною смиренія и иноческой святости, они являются благотворителями несчастныхъ, среди моровой язвы, ревностными проповѣдниками слова Божія и безкорыстными наставниками юношества [1]). Краснорѣчивыя проповѣди, диспуты, процессіи, театральныя представленія—мистеріи—вся эта торжественность, какъ-то невольно привлекала къ нимъ польскій и литовскій народъ и іезуиты незамѣтно овладѣвали умами и сердцами всѣхъ [2]). Литовскіе католики начали уже смотрѣть на католичество, какъ на такое исповѣданіе, которому должны покориться всѣ разновѣрцы и, подъ вліяніемъ іезуитизма, католическій фанатизмъ началъ развиваться въ нихъ все болѣе и болѣе.

По отношенію къ православной церкви іезуиты не предпринимаютъ пока еще ничего рѣшительнаго. Они стоятъ теперь какъ-бы вдали отъ нея, присматриваются къ ея внутреннему состоянію и ищутъ той слабой стороны, откуда вѣрнѣе всего можно было-бы направить свой ударъ. Вниманіе ихъ останавливается прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, на состояніи іерархіи, на церковномъ управленіи и отношеніи къ нему власти королевской. Они увидѣли, что внутреннее управленіе церкви сосредоточивается главнымъ образомъ въ рукахъ пастырей церкви, но не обратили вниманія на то, какъ народъ относится къ этой формѣ управленія. Само собою разумѣется, что, по ихъ взгляду, достиженіе цѣли съ этой стороны, какъ нельзя болѣе, было вѣрно и расчитано, надобно только было еще болѣе подготовить къ этому самую іерархію.

Въ состояніи бѣлаго духовенства почва для ихъ дѣятельности была уже почти готова. Его образованіе стояло на самой низшей степени, или, лучше сказать, образованія тамъ не было никакого. Самая высшая степень образованности заканчивалась чтеніемъ книгъ церковныхъ и пѣніемъ [3]), а были и такіе, которые не только не знали славяно-русскаго языка, лучшіе изъ нихъ не понимали богословскаго ученія,—но даже и грамоты не знали [4]). Сельскіе священники были изъ самаго простаго класса, да и кому захотѣлось-бы изъ лучшихъ людей этого

---

[1]) Wilno Kraszew. T. 1. str. 283—284, см. въ примѣч. 37 стр. Obr. Litw. Jarosz. T. III. str. 60.

[2]) Ibid. str. 59—62.

[3]) Moracz. Dz. Rz. pow. pols. str. 212.

[4]) Арх. Зап. Рос. Т. IV. N 32.

времени занять это мѣсто, когда оно не давало почти никакихъ средствъ для жизни, а еще меньше — значенія въ обществѣ. Лучшіе русины оставались часто ксендзами латинскими. Сельскіе священники не только на сеймахъ подвергались извѣстнымъ налогамъ, но и каждый шляхтичъ считалъ его своимъ слугою и относился къ нему съ какимъ-то презрѣніемъ [1]).

Немного выше стояла большая часть и представителей іерархіи церкви: все отличіе ихъ отъ низшаго духовенства состояло только развѣ въ ихъ богатствѣ и шляхетствѣ. Теперь не было почти никакой возможности поставлять на высшія іерархическія должности добрыхъ и достойныхъ пастырей церкви. Церковное управленіе, которое и до сего времени раздѣлялось между властію свѣтскою и духовною и носило на себѣ характеръ неопредѣленности и странности отношеній, теперь перемѣняется еще болѣе въ пользу свѣтской власти. Стефанъ Баторій, который ни съ кѣмъ не хотѣлъ раздѣлять своей власти и всегда готовый прибрать къ своимъ рукамъ все, гдѣ открывалась для этого хоть малѣйшая возможность, — вступаетъ также въ неограниченное управленіе и православною церковію. Онъ не довольствовался, какъ прежніе короли, однимъ только правомъ утвержденія избраннаго въ епископы духовенствомъ и народомъ, но присвоиваетъ себѣ власть и назначенія [2]). Политическое положеніе литовско-русскихъ земель и отношеніе ихъ къ польской коронѣ, какъ уже составлявшихъ съ нею одно неразрывное цѣлое, давало Стефану Баторію еще больше смѣлости въ его распоряженіяхъ; онъ незадумывался теперь долго тамъ, гдѣ Сигизмундъ I въ подобныхъ случаяхъ долженъ былъ прибѣгать къ хитрости, чтобы только удержать въ своей власти южно-русскій народъ [3]).

Іезуиты увидѣли насколько Стефанъ Баторій можетъ быть полезнымъ для ихъ цѣлей. Мы не хотимъ сказать того, чтобы Баторій былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ, для

---

[1]) Moraczewski, Dz. Rz. posp. pol. VII, 197. Еще въ началѣ даже настоящего столѣтія польскіе магнаты позволяли себѣ бить священниковъ, особенно такихъ, которые рукоположены были по ихъ просьбѣ, часто съ ихъ же подданныхъ мельниковъ или другихъ зажиточныхъ мужиковъ. И въ настоящее время намъ самымъ приходилось слышать отъ поляковъ такое сопоставленіе понятій, перешедшее къ нимъ, вѣроятно, еще отъ времени уніи: pop, chłop, kopica siana — wszystko jedno.

[2]) Арх. югозап. Росс. Т. 1, ч. 1, NN 24 и 25.

[3]) А. З. Р. Т. II, N 198.

осуществленія задуманнаго ими плана уніи. Онъ далекъ былъ отъ того, чтобы принять на себя пропаганду католичества какъ въ Литвѣ, такъ и въ Руси. Скорѣе онъ былъ равнодушенъ къ католичеству, равно какъ къ православію и протестантству и готовъ былъ пристать къ той партіи, которая имѣла больше силъ и средствъ, чтобы поддерживать его на польскомъ престолѣ [1]). Съ этой то стороны онъ могъ вредить церкви православной, болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ образомъ. Какъ человѣкъ, сердце котораго не согрѣто было теплымъ чувствомъ ни къ какой вѣрѣ,—для него ничего не значило нарушать древнія основныя права церкви и ея постановленія. Богатыя епископіи и монастыри сдѣлались при немъ предметомъ исканія многихъ,—на нихъ стали смотрѣть теперь исключительно, какъ на средство для роскошной и беззаботной жизни. Шляхтичь, оказавшій услуги на войнѣ Рѣчи-посполитой или служившій въ королевскомъ судѣ, всегда могъ считать себя кандидатомъ вакантнаго епископскаго мѣста и отправляться прямо въ сенатъ за полученіемъ его, какъ платы за свои гражданскія или военныя заслуги [2]). Въ назначеніи на высшія іерархическія должности замѣтна, со стороны Баторія, какая-то небрежность и даже невнимательность къ тому, какъ онъ этими мѣстами распоряжается. Въ одно и то-же время онъ назначаетъ на Владимірскую епископію двухъ кандидатовъ: людей свѣтскихъ, Станислава Жолкевскаго суррогатора [3]) и Мелетія Хребтовича [4]). Монастыри

---

[1]) Бандтке ист. польс. госуд. Т. II, стр. 169.

[2]) Арх. Зап Рос. Т. III, N 158. Арх. югозап. Р. Т. 1, ч. 1, N 24.

[3]) Суррогаторами назывались намѣстники градскихъ старостъ, а также писарей градскихъ и земскихъ. Они назначались сеймомъ въ томъ случаѣ, когда староста или писарь находился за границею, или въ плѣну, или не могъ исполнять своей обязанности по болѣзни. (Арх. югозап. Рос. Т. 1, ч. 1, стр. 136).

[4]) Ibid. N 24. Надобно думать, что епископіи могли также передаваться какъ и монастыри (Ар. югоз. Р. Т. III, N 89) другимъ лицамъ,—или посредствомъ частныхъ сдѣлокъ, какъ это было сейчасъ у Мелетія Хребтовича съ Бельскимъ суррогаторомъ, или же передавались какъ наслѣдство своимъ дѣтямъ и родственникамъ, на основаніи записей и королевской грамоты. Вотъ напр. что говоритъ Жолкевскій, продавъ свою епископію Хребтовичу: «А хотя бы тежъ я самъ, або дети мои, и итожъ колвекъ (кто нибудь) подносити привилеіи и записы короля на епископство Володимірское и Берестейское и за ними того владычества помененаго доходити мели (имѣли), тогда въ каждого права

безъ всякаго разбора отдаются свѣтскимъ лицамъ, часто женатымъ, а иногда даже католикамъ съ условіемъ, чтобы они вступили въ монахи [1]); но это условіе, разумѣется, неисполнялось и они жили въ монастыряхъ и на епископіяхъ съ женами [2]), или оставались свѣтскими лицами, съ полною властію церковнаго управленія [3]) къ общему соблазну всего народа.

Впрочемъ мы должны сказать, что Стефанъ Баторій вынужденъ былъ теперь смотрѣть на православныя епископіи и монастыри, исключительно какъ на средства, которыми можно расплачиваться съ людьми, послужившими Рѣчи-посполитой, вслѣдствіе критическаго положенія своей королевской казны. Избранный король Польши, внастоящее время еще менѣе могъ считаться самовластнымъ господиномъ и неограниченнымъ правителемъ, чѣмъ прежніе короли. Онъ былъ только главнымъ предводителемъ въ дѣлахъ Рѣчи-посполитой, или, какъ говорятъ теперь, пожизненнымъ президентомъ [4]). Власть короля настолько стѣснена и ограничена была своевольною конституціею магнатовъ, что предшественникъ Баторія—Генрихъ Валуа никакъ немогъ помириться съ такимъ положеніемъ короля и не даромъ жаловался, что ему остается быть въ Польшѣ не королемъ, а судьею. Но это бы еще ничего. Поляки требовали отъ своего короля, чтобы онъ содержалъ войско, содержалъ чины, а между прочимъ ему не давали никакихъ средствъ для этого содержанія [5]). Само собою очевидно, чтобы покрыть какъ нибудь расходы, далеко превышавшіе мнимые огромные доходы его казны, онъ долженъ былъ изыскивать всевозмож-

---

а на каждомъ местцу тое право, отъ мене умоцненое, никоторыи моцы (силы) мети не мѣетъ вѣчными часы.»

[1]) А. З. Р. Т. III, NN 29, 120, 158. Соб. др. минск. г. NN 21, 24.

[2]) Въ монастырехъ честныхъ, говорятъ галицко-русскіе многородные дворяне, вмѣсто игуменовъ и братіи, игумены съ женами и дѣтьми живутъ и церквами святыми владѣютъ и радятъ... Не способные люде въ высокій санъ епископскій поставляются и, въ поруганію св. закона, на столицахъ епископскихъ съ женами своими безъ всякаго сорома живутъ и дѣтокъ плодятъ (А. З. Р. Т. III, N 146).

[3]) Ibid. N 119.

[4]) Regnum Poloniae ut nemo nescit electivum est, non haereditarium: ut reges eligantur, non ut tanquam regnum et absolutam exerceant auctoritatem; sed tanquam civilis reipublicae capita, simul cum senatu de pace, de bello, de rebus arduis aedilitiis nobilium conjunctim decernant. (De novo in Polonia rege eligendo Honoria dissertatio an. 1587).

[5]) Solikowski стр. 215.

ныя средства для этого. Какъ такимъ средствомъ, Стефанъ Баторій воспользовался доходными монастырями и прибыльными епископіями, которыя дѣйствительно были достаточною платою за всевозможныя заслуги.

Іезуиты присмотрѣвшись къ современному положенію дѣлъ въ Польшѣ, увидѣли, что они здѣсь совершенно не лишніе люди, что и при Стефанѣ Баторіѣ ихъ дѣятельность, по отношенію къ православной церкви, можетъ быть довольно обширна и даже много-обѣщающа. На ихъ сторонѣ былъ уже народъ, въ ихъ пользу говорилъ и Сенатъ, въ которомъ предсѣдательствовали князья бискупы и католики; они имѣли огромное вліяніе и при Римскомъ дворѣ. Стефанъ Баторій видѣлъ, что ему невозможно стоять вдали отъ іезуитовъ и необходимо покровительствовать имъ, чтобы чрезъ нихъ заслужить благосклонность Рима, при помощи котораго онъ могъ только ослабить австрійскій домъ, оспаривавшій у него польскій престолъ и покровительствуемый папою [1], какъ людямъ ученымъ, онъ позволяетъ имъ вездѣ заводить свои коллегіи [2]). Въ 1582 г. онъ отдаетъ, іезуитской коллегіи, въ Полоцкѣ, всѣ православные монастыри и церкви съ отчинами и имуществомъ ихъ, оставивъ неприкосновенно одну только полоцкую епископскую каѳедру [3]). Іезуиты увидѣли, что имъ теперь смѣло можно продолжать устройство іерархіи въ православной церкви въ такомъ духѣ, что бы, въ послѣдствіи времени, не можно было встрѣтить никакого препятствія со стороны ея, когда придется окончательно рѣшать дѣло уніи. По ихъ милости, на епископскихъ каѳедрахъ явились люди, которые болѣе походили на предводителей огромной шайки разбойниковъ, чѣмъ на какихъ нибудь пастырей церкви [4]). Еще па каѳедрѣ сидѣлъ епископъ, а шляхтичь знатной фамиліи уже искалъ себѣ его преемничества въ ожиданіи скорой смерти. Ходатайство сенаторовъ предъ королемъ и огромныя деньги давали ему право пользоваться богатыми епископіями и управлять епархіею въ свѣтскомъ званіи съ титломъ нареченнаго епископа [5]). Если же двумъ нареченнымъ епископамъ давалось право владѣть имѣніями извѣстной епископіи въ одно и то же время,

---

[1]) Obr. Litw. Jarosz. T. III. str. 89, примѣч. 95.

[2]) Ibid. 89, 90 стр.

[3]) А. З. Р. Т. III, N 137, примѣч. 80 (однимъ почеркомъ пера Баторій уничтожаетъ въ Полоцкѣ до 13 православныхъ монастырей и церквей съ населенными имѣніями и передаетъ ихъ іезуитамъ).

[4]) Ар. Югоз. Р. Т. 1, ч. 1, NN 5, 6, 41.

[5]) Ibid. стр. XVI.

споръ между ними неограничивался какими нибудь просьбами или жалобами,—онъ переходилъ въ открытую войну. Съ толпою вооруженныхъ гайдуковъ, съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ шелъ одинъ противъ другаго завоевать епископскую резиденцію, какъ какую нибудь неприступную крѣпость [1]). Іезуиты какъ будтобы истощали всѣ свои силы и искуство, чтобы только отыскивать на православныя епископіи такихъ людей, каковы были: Ѳеодосій Лазовскій, Іона Красенскій, Леонтій Пельчинскій, Діонисій Збируйскій, Маркъ Жаровницкій и многіе другіе. Іерархическія дѣла ихъ вовсе не занимали. Владѣя огромными имѣніями, они жили настоящими вассалами въ своихъ замкахъ съ охраннымъ войскомъ и имъ нѣкогда было смотрѣть за дѣлами своей іерархіи [2]). Въ часы досуга, они съ толпою вооруженныхъ людей, нападаютъ на сосѣднія имѣнія, берутъ ихъ приступомъ и, завладѣвъ ими, производятъ разбои и грабежи [3]). Ѳеодосій Лазовскій, овладѣвъ Владимірскою епископіею, расправляется въ церкви собственноручно своимъ архіерейскимъ посохомъ съ слугами Іоны Красенскаго за то, что они представили грамоты короля, недававшие ему никакого права на эту епископію [4]). Православные терпятъ отъ своихъ пастырей не меньше бѣдъ и притѣсненій, чѣмъ отъ буйства и своеволія магнатовъ. Іона Красенскій запечатываетъ луцкія церкви и запрещаетъ служить въ нихъ и это дѣлается изъ за того, какъ выражаются луцкіе священники, что мы ни въ чемъ неповинны и онъ хотѣлъ только вытянуть у насъ *подачку* [5]). Подобные епископы были тѣ же буйные и безнравственные магнаты и отличались отъ нихъ развѣ однимъ только именемъ епископа. Само собою понятно, что имена этихъ епископовъ и ихъ дѣйствія, не кладутъ никакого чернаго пятна на православную церковь. Хотя они жили въ церкви православной, но они были не отъ насъ и, какъ увидимъ въ послѣдствіи, самъ народъ не признавалъ ихъ своими пастырями. Они были люди своего времени, воспитанные въ современныхъ понятіяхъ буйнаго магнатства и насильно, можно сказать, поставленные на епископскія каѳедры, какъ орудія извѣстныхъ цѣлей іезуитизма.

Чего можно было ожидать при такомъ управленіи церквою? Іерархи предоставленные самимъ себѣ въ внутреннемъ управленіи

[1]) Ibid. стр. 24, 28.
[2]) Ар. Югоз. Р. Т. 1, ч. 1, NN 51, 52.
[3]) Ibid 6. 51.
[4]) Ibid. N 5.
[5]) Ibid. N 33.

дѣлами церкви, ничего не могли сдѣлать для нея добраго, потому что не только не имѣли сами пастырскихъ достоинствъ, но у нихъ не было даже доброй нравственности. Соборы, которые въ началѣ XVI в. еще спасали церковное управленіе отъ централизаціи власти, отъ злоупотребленій частныхъ личностей и заставляли пастырей присматриваться какъ къ нравственности народа вообще, такъ и къ состоянію духовенства въ частности,— теперь соборы эти были совершенно забыты. Между высшими пастырями церкви и народомъ небыло ничего общаго, какъ между магнатомъ и холопомъ. Въ половинѣ XVI в. значеніе соборовъ въ церкви начало уже терять прежнюю свою силу. Митрополитъ Іона жалуется королю, что пастыри церкви не хотятъ повиноваться ему, какъ старшему и не ѣздятъ къ нему на соборы для науки духовной [1]). Послѣ этого мы не встрѣчаемъ даже и помина объ этихъ соборахъ, какъ будтобы никогда ихъ не существовало. Митрополитъ Онисифоръ, какъ будто бы ничего незная о подчиненныхъ ему епископахъ жилъ въ свою очередь невѣдомый ими. Каждый молчалъ, боясь, какъ бы указывая на недостатки другихъ, необнаружить и своихъ. Епископы вышедши изъ всякой подчиненности своему митрополиту и не думали даже никогда отдавать ему отчета въ своемъ управленіи. Сельскіе священники были безъ всякаго надзора и не знали другой власти, кромѣ магната, въ имѣніи котораго они находились и не имѣли другаго покровителя, кромѣ патрона, гдѣ онъ былъ [2]). Все здѣсь пахло гнилью и мертвечиною и какъ будто бы никому изъ пастырей не было никакого дѣла, что организація церковной іерархіи близка почти къ разложенію. Глядя на эту картину всегда можно было сказать: велика православная церковь, но порядка и чину въ ней нѣтъ!

Восточные іерархи въ настоящее время совершенно забыли православную юго-западную церковь и ея подчиненія имъ было не больше, какъ номинальное. Во весь этотъ періодъ времени, мы не встрѣчаемъ ни одной грамоты, ни одного посѣщенія патріаршего, съ цѣлію исправленія безпорядковъ церковныхъ. Они какъ будто бы нужны были только для того, чтобы благословлять извѣстнаго епископа на кіевскую митрополію, по представленію и просьбѣ короля, получивъ за свое благословеніе извѣстную сумму денегъ. Самая власть патріарха въ Константинополѣ и его значеніе въ церкви, довольно упало предъ уніею.

---

[1]) А. З. Р. Т. III, N 22.

[2]) Ibid. T. III N 46.

Это званіе часто, или даже большею частью, получалъ тотъ, кто побольше могъ заплатить султану и его евнухамъ. И въ это время мы не встрѣчаемъ на константинопольской каѳедрѣ ни одного изъ такихъ іерарховъ, какимъ былъ въ самомъ началѣ введенія уніи патріархъ Іеремія II-й.

Жатва для іезуитовъ, какъ видите, уже вполнѣ созрѣла тамъ, гдѣ они желали и сѣмена, кинутыя на эту почву временемъ и несчастными обстоятельствами, а теперь еще болѣе взлелѣянныя подъ ихъ тщательнымъ присмотромъ, принесли самый богатый плодъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Баторія римскимъ духовенствомъ и скрывавшимися за нимъ іезуитами, овладѣла какая то лихорадочная дѣятельность. Долгое ожиданіе выполненія своего плана, мучило ихъ и не давало имъ покоя. Но начать дѣло прямо и рѣшительно, они еще не могли. Хоть большая и главная половина іерархіи была уже подготовлена для ихъ цѣлей, но они видѣли, что Стефанъ Баторій никогда несогласится силою заставить народъ перемѣнить православіе на католичество. Онъ показывалъ расположеніе къ іезуитамъ, но интересы Рима находили въ немъ сочувствіе на столько, на сколько они не противорѣчили его политическимъ планамъ. Кромѣ того, имъ не извѣстно еще было, какъ отнесется народъ къ приготовленной для него новинѣ: приметъ ли онъ всѣ измѣненія съ покорностью и будетъ молчать какъ теперь, глядя на нравственную порчу въ своей іерархіи, или, быть можетъ, онъ заговоритъ тогда совершенно иначе и однимъ разомъ выскажетъ все, что накипѣло у него до сего времени на сердцѣ?... Къ рѣшенію этого послѣдняго вопроса, іезуиты приступаютъ теперь самымъ дѣломъ.

Въ 1582 году Польша приняла новый григоріанскій календарь. Этотъ случай открываетъ іезуитамъ возможность столкнуться уже съ самымъ народомъ, узнать поближе его характеръ, его образъ мыслей и его отношенія къ своей вѣрѣ и церкви.

Въ 1583 г. Стефанъ Баторій даетъ грамоту львовскому бургомистру и радцамъ, въ которой запрещалось православнымъ русинамъ заниматься ремеслами и продажею товаровъ въ праздники, означенные въ новоисправленномъ календарѣ [1]). Фанатизмъ католическаго духовенства открывается главнымъ образомъ въ двухъ противоположныхъ концахъ юго-западной церкви—

---

[1]) Supl. ad Hist. R. M. p. 4, 76.

на берегахъ западной Двины и на берегахъ Прута и Дуная, гдѣ преимущественно утвердилась власть іезуитизма.

Іезуиты какъ будто-бы оставляютъ теперь на время духовенство и обращаются къ народу. Но они, хотя подступаютъ къ народу и рѣшительно, но въ тоже время и осторожно: они не касаются сразу существенныхъ вопросовъ его религіи, а только извѣстнаго обычая церковнаго—измѣненія лѣтосчисленія, и притомъ такъ, что свои принудительныя дѣйствія въ отношеніи къ народу они стараются прикрыть видимою законностью. Вынужденная хитростью грамота у короля, служитъ для нихъ охранительнымъ щитомъ и хотя грамота, по видимому, необѣщаетъ имъ многаго, но они не стѣсняются тѣмъ, чтобы измѣнить смыслъ ея и сдѣлать для своей цѣли больше, чѣмъ она заключаетъ въ себѣ. Запрещеніе короля заниматься ремеслами и продажею товаровъ въ праздники, означенные въ новоисправленномъ календарѣ, они простираютъ и на запрещеніе богослуженія по старому календарю. Галицко-русская церковь первая теперь испытываетъ на себѣ всю жестокость католическаго фанатизма.

Въ праздникъ навечерія Рождества Христова, по приказанію князя-бискупа Суликовскаго, шайки поляковъ съ оружіемъ въ рукахъ врываются въ церкви и монастыри; выгоняютъ оттуда народъ, силою отрываютъ священниковъ отъ самаго алтаря, не давъ имъ даже докончить литургію [1]). Въ слѣдствіе этого во многихъ мѣстахъ произошли волненія въ народѣ. Братство сорвало съ церквей печати, наложенныя по приказанію бискупа и дѣло доходило до народнаго возстанія. Епископъ Гедеонъ Болобанъ и русскіе попы внесли свои протестаціи въ градскія книги и подали жалобу королю. Король, опасаясь неблагопріятныхъ послѣдствій, запретилъ принуждать православныхъ къ принятію новаго календаря, съ тѣмъ однакожъ, что бы они ненарушали публично-римскихъ праздненствъ [2]).

На первомъ шагу своего столкновенія съ народомъ—іезуиты уже явно обозначили свой характеръ и свою способность пользоваться обстоятельствами для своихъ цѣлей; но они мало обращали вниманія на предыдущія обстоятельства, на внутренній смыслъ и значеніе настоящихъ и на послѣдствія ихъ развитія. И здѣсь-то мы должны сказать, что какъ ни были хитры іезу-

---

[1]) А. З. Р. Т. III, N 140.

[2]) А. З. Р. Т. III, N 139. Лѣт. брат льв. Ж. М. Н. Пр. ч LXII. отд. II, стр. 13.

иты, но въ настоящее время, въ выполненіи своего плана касательно введенія уніи въ юго-западной церкви, у нихъ какъ будто бы недостало ее. Ихъ теоріи узкаго католицизма встрѣтили всецѣлое противодѣйствіе въ столкновеніи съ жизнью народа свободнаго и сознающаго право личности, развитой глубоко въ правильно понятомъ православіи. Идеи католическаго деспотизма стали въ совершенной противоположности съ духомъ и характеромъ юго-западнаго народа.

Этотъ народъ всегда глубоко дорожилъ и дорожитъ преданіями своей дѣдовской старины, для него дорого наслѣдіе его предковъ, но все это дѣлается для него еще драгоцѣннѣе, еще выше, когда силою хотятъ оторвать его отъ того, что составляетъ его гордость и всю его жизнь. Такимъ-то жизненымъ элементомъ для юго-западнаго народа было православіе, съ которымъ онъ тѣсно связывалъ свою народность и свои общественныя права, развивавшіяся въ немъ изъ коренныхъ началъ его славянскаго духа. Отталкивающее презрѣніе другихъ къ тому, что составляло его жизнь, заставляетъ его поглубже всмотрѣться въ самое себя, оглянуться кругомъ и уже сознательно признать то, что жило въ немъ, какъ одна только слѣпая привязанность, какъ преданіе. Насиліе Польши коснулось не одного какого нибудь частнаго лица, здѣсь затронулся весь народъ. У него отнималось не что нибудь маловажное, дѣло коснулось религіи и вѣковаго отеческаго преданія. Въ принудительныхъ и разбойничьихъ дѣйствіяхъ римскаго духовенства, народъ видитъ съ одной стороны—нарушеніе правъ Статута—своей личной свободы, уничтоженіе привилегій прежнихъ королей и сеймовыхъ опредѣленій, которыми обезпечивалось и обѣщалось имъ посполитое спокойствіе [1]); а съ другой—въ перемѣнѣ лѣтосчисленія онъ видитъ уже и измѣненіе своей вѣры.

Истина несомнѣнная, что народъ еще неразвитой, благоговѣетъ предъ всякимъ обрядомъ и обычаемъ церкви. Тѣмъ болѣе народъ юго-западный долженъ былъ отстаивать теперь, сжившійся съ нимъ древній обычай церкви, — потому что его измѣненіе переходило къ нему отъ чуждой ему церкви и непріязненнаго народа, который такъ недавно презрительно уподоблялъ его храмы жидовскимъ божницамъ [2]). Увѣренность, что спасеніе обрѣтается только въ нѣдрахъ церкви православной, глубоко вкоренились въ сердцѣ югозападнаго народа,

---

[1]) А. З. Р. Т. III, N 140.
[2]) Въ примѣч. 26 къ А. З. Р. Т. III.

и мы увидимъ впослѣдствіи, какъ онъ будетъ дорожить православіемъ и почему.

Въ важныхъ случаяхъ, касавшихся вѣры и церкви, югозападный народъ всегда обращался съ вопросомъ къ константинопольскому патріарху и его голосъ былъ каждый разъ для народа голосомъ священнымъ. Но теперь уже въ третій разъ раздавался оттуда голосъ Іереміи II,—твердо стоять за неизмѣнность древняго счисленія, установленнаго на первомъ Никейскомъ Соборѣ [1]). Несомнѣнность въ истинѣ стараго лѣтосчисленія была на сторонѣ православныхъ. За нее говорила священная древность, которая для народа была и убѣдительнѣе всевозможныхъ астрономическихъ вычисленій. Въ подобныхъ случаяхъ онъ не любилъ разсуждать и спрашивать: почему и какъ? У него законъ: «такъ было встарину, такъ признаетъ православная церковь». На преданіи старины онъ основывалъ и формы своего общественнаго быта и это преданіе было для него сильнѣе всякаго закона.

Іезуиты увидѣли, что народное возстаніе и поднятый имъ голосъ за свою вѣру, не есть какая-нибудь пустая вспышка. Они отступаютъ и выжидаютъ новой лучшей поры для своей дѣятельности, они работаютъ дѣятельно, но только въ тѣни въ глуши своихъ кабинетовъ. Перемѣнить систему своего плана они не думаютъ, мы это увидимъ далѣе. При своей іезуитской настойчивости, они надѣются достигнуть своей цѣли и этимъ путемъ, но только не при Стефанѣ Баторіѣ.

Но народъ не успокоивается кажущеюся тишиною. Онъ уже видитъ, что ему предстоитъ серьезная борьба съ польскою народностію и католичествомъ за свою вѣру и церковь.

Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ раскрытію дѣятельности народной и его участію въ дѣлахъ церкви, покажемъ характерь той и другой народности. Всю жизнь послѣдующей югозападной церкви и ея управленіе мы можемъ понять не иначе, какъ только въ связи съ внутреннею жизнію народа и характеромъ тогдашняго общественнаго устройства. Послѣдующій характерь церковнаго управленія будетъ развиваться прямо изъ внутренней жизни народнаго духа, а не изъ какихъ нибудь случайныхъ причинъ, или столкновенія частныхъ обстоятельствъ.

Двѣ славянскихъ народности—польская и юго-западно-русская, соединившіяся между собою союзомъ федеративнымъ и срод-

---

[1]) А. З. Р. Т. III, N 138.

ныя другъ другу по своимъ стремленіямъ къ свободѣ и самостоятельности и по преобладающему въ ихъ характерѣ элементу художественному,—въ историческомъ развитіи своей жизни пошли двумя совершенно противоположными путями и послѣ того, когда опять ближе столкнулись въ исторической жизни, радикально разошлись другъ съ другомъ. Отдавая полную справедливость польской народности, мы не можемъ не сказать, что она по своимъ внутреннимъ задаткамъ, стояла не ниже прочихъ славянскихъ семействъ: въ натурѣ поляка вы замѣтите много эстетическаго и прекраснаго, много найдете славянской доброты и все это выступаетъ у него въ изящныхъ формахъ, если только на его душу не легло цѣликомъ тяжелое, мертвящее католичество съ своимъ характеромъ исключительности. Полякъ присталъ къ католичеству: художественный элементъ въ католичествѣ какъ будто-бы пришелся сразу по натурѣ поляку и онъ нашелъ его роднымъ себѣ; но прививая его къ своей натурѣ, полякъ въ это время не могъ подняться на столько, чтобы осмыслить свой поступокъ и увидѣть, что художественность въ католичествѣ — не для его здоровой славянской натуры. Но время сроднило мягкую, нѣжную и впечатлительную натуру поляка съ католичествомъ такъ, что теперь вы съ трудомъ можете найти въ его натурѣ элементы славянскіе. И странно, — католицизмъ до того переродилъ славяно-польскую натуру, что даже въ настоящее время полякъ ставитъ свою народность въ неразрывной связи съ католицизмомъ, какъ будто бы она безъ него не можетъ быть даже и мыслима. Мы скажемъ прямо, что католичество совершенно не сродно ни одному славянскому племени, а равнымъ образомъ и поляку. Изъ всѣхъ славянскихъ семействъ, — одной только польской народности суждено было исторіей испытать на себѣ вліяніе римскаго католичества, чтобы, развиваясь подъ его началами, показать, какъ оно не сродно его духу и, парализируя самодѣятельность жизненныхъ началъ этого народа, окончиться для него самыми печальными послѣдствіями. Природа всегда дорого расплачивается съ тѣми, кто вздумаетъ насиловать ее естественное развитіе: истощеніе жизни, уродство, смерть въ развязкѣ— вотъ печальныя послѣдствія искуственной, привитой жизни. Полякъ думалъ оцивилизовать себя и дать строй своей общественной жизни на почвѣ романскаго католичества и его феодализма, но что развилось въ романскомъ племени естественнымъ ходомъ его исторической жизни,—то въ польской народности, какъ прививка этихъ началъ къ совершенно другой на-

турѣ,—вышло въ развитіи не своимъ, заимствованнымъ и жалкимъ явленіемъ.

Узкость и неправильность пониманія религіозныхъ началъ католичествомъ, отразилось какъ нельзя болѣе на государственномъ устройствѣ исторической жизни Польши. Религія тѣсно связывается съ народною жизнію и отъ вліянія ея началъ зависитъ направленіе такого или другаго характера народа,—его жизнь и даже самые оттѣнки этой жизни. Православіе Востока, въ своей идеѣ, ничего не имѣетъ въ себѣ такого, чтобы сдавливало развитіе племенныхъ началъ въ извѣстномъ народѣ. Какъ правильно понятое христіанство въ его обширной идеѣ, оно развиваетъ свободу личностей и даетъ въ жизни значеніе каждому члену общества, приводя ихъ въ конечномъ своемъ развитіи къ полному равенству и братству. Это мы увидимъ самымъ нагляднымъ образомъ въ дальнѣйшей исторіи югозападнаго народа—въ исторіи братствъ. Совершенно обратное явленіе мы видимъ въ вліяніи католичества па жизнь народную. Не мѣсто намъ здѣсь и не наше дѣло говорить о вліяніи христіанства, отъ различнаго пониманія его догматическихъ истинъ въ трехъ главныхъ и коренныхъ вѣроисповѣданіяхъ, на различныя народности. Нашъ вопросъ требуетъ только показать характеръ польской народности отъ вліянія на нее католическихъ началъ, чтобы послѣ этого яснѣе намъ можно было видѣть характеръ народа югозападнаго, развившагося подъ вліяніемъ началъ православія и показать какимъ выступалъ этотъ характеръ въ церковной жизни этого народа, когда польское католичество вздумало привить къ нему свои начала отъ внѣ взятыя.

Католичество не дало развиться польскому народу самостоятельнымъ путемъ. Правда, его племенная жизнь не могла стушеваться сразу, и мы видимъ въ ней борьбу свободнаго славянина съ божественнымъ авторитетомъ папы и его бискуповъ еще въ XV, а особенно въ XVI в., въ то время, когда въ Польшѣ поднято было гоненіе на диссидентовъ. То явится у него сознаніе, что жизнь, которою онъ теперь живетъ, жизнь не его и онъ хочетъ освободиться отъ нее, хоть на половину, то вдругъ, отъ наплыва новыхъ впечатлѣній, опять цѣликомъ погружается въ нее [1]). Слѣдя за историческимъ перерожденіемъ

---

[1]) Moracz. VII. str. 200. Kronika Piaseckiego. str. 48, 49. Lubieniecki hist. reform. rozd. V. Ostr. str. 576—582. Надобно замѣтить здѣсь между прочимъ, что собственно со смертью Казиміра IV начинаетъ уже

жизни Польши въ эту эпоху, подъ вліяніемъ іезуитизма, какъ-то невольно видимъ въ этомъ явленіи борьбу широкой, сильной и свѣжей жизни съ подступающею къ ней смертію. Ратуя противъ деспотизма католическаго въ XV и въ половинѣ XVI в. [1]), полякъ въ то-же время, незамѣтно для него самаго, роднился съ нимъ, примѣшивая къ своей общинной жизни романскій средневѣковый феодализмъ, который вмѣстѣ съ католичествомъ рѣзко положилъ свою печать на развитіе его общественной жизни и на его характеръ въ жизни частной. И то, что на западѣ выступило какъ временное явленіе, къ польской натурѣ оно приросло какъ-бы навсегда, принимая постепенно, въ различныя времена, различныя видоизмѣненія, сохраняя, впрочемъ, всегда тотъ-же характеръ средневѣковаго феодализма, если не въ жизни общественной, то по крайней мѣрѣ въ характерѣ его частной жизни. Ѳеократизмъ Рима, а съ нимъ неразрывный деспотизмъ личностей, не могъ не отразиться на внутренней жизни Польши, которая была подъ вліяніемъ его церковныхъ идей—всемірнаго владычества. Примкнувъ съ этой стороны самимъ тѣснымъ образомъ къ Западу, Польша пошла въ своемъ развитіи совершенно другимъ путемъ, чѣмъ другія славянскія народности, жившія съ нею рядомъ. Что-же мы видимъ въ государственной жизни Польши и ея управленія въ XVI вѣкѣ? Предъ нами какъ будто-бы выступаютъ первоначальныя племенныя формы общественной жизни этой народности: здѣсь хотятъ выдвинуть личность каждаго члена и дать ей самостоятельное значеніе въ государственной жизни, и предъ нами является Рѣчь-посполитая [2]). Но примѣсь другаго иноземнаго начала оставляетъ только одну эту форму съ характеромъ совершенно другихъ проявленій въ жизни. Аристократизмъ въ жизни, какъ необходимое явленіе средневѣковаго католичества, выступаетъ во всей своей силѣ въ Польшѣ. Феодализмъ раждаетъ рыцарство и необходимое для пана хлопство. Полякъ, который прежде стремился къ равноправію всѣхъ членовъ Рѣчи-посполитой и возставалъ противъ всѣхъ титуловъ—графскихъ и княжескихъ, признавая за всѣми одно право—

исчезать въ полякѣ прежнее стремленіе къ свободѣ религіозной и съ постояннымъ развитіемъ панства и средневѣковаго феодализма, начинается уже безусловная покорность папству и всему католическому духовенству.

[1]) Ostrow. cz. III, str. 127. Fleury. T. 42. lib. 52 § 8, p. 363. Moracz. VII. str. 201.

[2]) Moracz. VII. str. 145. Konstytucya r. 1591. Disciplina militaris.

право шляхтича,—въ 1531 году его взгляды на нравственныя отношенія къ православнымъ крестьянамъ совершенно перемѣняются. Витовтовъ Статутъ на сеймовыхъ совѣщаніяхъ и конфедераціяхъ принимаетъ новое направленіе подъ вліяніемъ идей католицизма. Всякій помѣщичій крестьянинъ признается несостоятельнымъ лицемъ предъ судомъ: крестьянамъ запрещается ходить въ судебныя мѣста по своимъ искамъ безъ своихъ помѣщиковъ, которые отвѣчаютъ за своихъ крестьянъ во всемъ и защищаютъ ихъ предъ судомъ [1]). Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого, варшавская генеральная конфедерація пошла еще дальше. Въ 1573 году, послѣ смерти Сигизмунда-Августа, было постановлено: «владѣльцы имѣютъ право требовать полнаго и безпрекословнаго повиновенія и послушанія своихъ подданныхъ, а если-бы кто-нибудь изъ нихъ осмѣлился сопротивляться имъ подъ предлогомъ вѣры (sub praetextu religionis), то владѣльцы могутъ такихъ своихъ подданныхъ, непослушныхъ имъ какъ въ духовномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи (tam in saecularibus, quam in spiritualibus), подвергать наказаніямъ по своему усмотрѣнію [2]).

Далѣе,—католичество поставляетъ поляка въ исключительное положеніе къ православной югозападной церкви. Полякъ этого времени выступаетъ предъ нами, по отношенію къ другимъ религіознымъ исповѣданіямъ, какимъ-то смѣшнымъ и жалкимъ существомъ. Испытавъ сладость католицизма, полякъ теряетъ всякую сдержанность, когда югозападный народъ отказался соединиться съ нимъ религіозною уніею и на всѣ его убѣжденія отвѣчалъ еще большею привязанностію къ своей церкви и къ лучшимъ своимъ пастырямъ. Какъ только коснулось дѣло религіи, Польша забываетъ интересы своего государства и принимаетъ на себя пропаганду католичества путемъ насилія и жестокостей, среди югозападнаго народа.

Польско-католическое духовенство, стоявшее во главѣ власти административной, какъ будто-бы постепенно пріучало поляковъ смотрѣть на дѣла политическія глазами Рима, пока наконецъ при Сигизмундѣ III, усиліями іезуитовъ, не достигло до того, что государственная политика связалась неразрывно съ религіозными интересами Рима и вся Польша какъ-будто-бы дѣлается церковною каѳедрою, для распространенія католиче-

---

[1]) Bandtke. His. pol. pag. 390.

[2]) Vol. Leg. Vol. II. t. p. 842.

скихъ тенденцій среди югозападнаго народа. Средніе вѣка не имѣли никакого понятія о народностяхъ. Еще больше должна быть чужда этого взгляда та народность, которая была подъ деспотизмомъ идей всемірнаго католическаго владычества. Польское правительство смотрѣло теперь на религію какъ на единственно-вѣрное средство соединить югозападную народность въ одно цѣлое съ польскою, а потомъ, при помощи этой послѣдней, покорить себѣ и Риму все русское царство. Планъ былъ широкій и богатый и, можно сказать, стоялъ того шуму, который Польша подняла предъ временемъ брестской уніи. Но католическая Польша, въ разгарѣ своего религіознаго фанатизма, развившагося еще сильнѣе подъ вліяніемъ науки іезуитской, при средневѣковомъ разгульномъ рыцарствѣ и возникшемъ отсюда, безъ всякихъ почти нравственныхъ началъ и убѣжденій, аристократизмѣ,—не могла посмотрѣть въ свое будущее: она не могла сообразить всѣхъ обстоятельствъ и вывести послѣднихъ итоговъ той борьбы, въ которую она должна была вступить теперь съ сильною и полною всей свѣжести жизни русско-литовскою народностію. Іезуиты, а за ними Польша, увлеклись тѣмъ, что высшіе іерархи литовско-русской церкви своею жизнію начали уже примыкать къ польскому магнатству и идеямъ католичества. Но они обманулись въ своемъ расчетѣ. Интересы народа были сосредоточены не въ лицѣ высшихъ іерарховъ церкви, а были совершенно отдѣльны отъ нихъ и сосредоточивались въ самой жизни народной; равнымъ образомъ истина православія и церковь, не жили исключительно въ представителяхъ іерархической власти церкви. Югозападный народъ своимъ живымъ и непосредственнымъ участіемъ въ дѣлахъ религіи показалъ католичеству, какъ онъ смотритъ, въ подобныхъ случаяхъ, на представительныхъ членовъ іерархіи и что онъ разумѣетъ подъ церковью по понятіямъ, внушеннымъ ему православіемъ.

Нелюбъ былъ полякъ свободному южно-русу. Тяжелымъ камнемъ лежало на его сердцѣ уже одно то, что онъ былъ теперь подъ властію ему чуждою и иноземною [1]). Демократъ

---

[1]) Не знаемъ на сколько справедлива мысль Г. Т., автора статьи: «о народности въ религіозной жизни». (Основа 1861 г. м. апрѣль стр. 132), когда онъ говоритъ, что южнорусскій народъ никогда не относился съ ненавистью къ польской народности, и что онъ ненавидѣлъ только ксендзовъ, а не самый польскій народъ. Намъ не мѣсто здѣсь заниматься изслѣдованіемъ этого вопроса,—мы скажемъ только, пусть прислушается кто къ голосу народному теперь, чрезъ нѣсколько вѣковъ

по своей натурѣ, онъ и въ общественной жизни признавалъ за всѣми своими членами одинаковое право голоса и личной свободы. Конституція, гдѣ брали перевѣсъ партіи сильныхъ магнатовъ, поддерживаемыхъ примасами, была ему не по духу. Истинный духъ его національной свободы жилъ въ скромныхъ углахъ сельскихъ купъ (общинъ), куда онъ равно имѣлъ право требовать для суда и расправы какъ своего брата, такъ и своего пана[1]). Болѣе развитая форма независимаго и свободнаго управленія, существовала въ магдебургскомъ правѣ, которое начало развиваться по городамъ еще въ XIII в., съ развитіемъ средняго сословія[2]). Это-то магдебургское право, какъ

и въ легендахъ, пѣсняхъ и поговоркахъ народныхъ онъ услышитъ какую-то закоренѣлую ненависть къ польскому народу. Или спросите заднѣпровскаго малоросса—кто таковъ полякъ? Онъ вамъ отвѣтитъ: «ляхъ, жидъ и чортъ усе iедно». Неугодно ли послушать еще вотъ эту несовсѣмъ пріятную поговорку, которая существуетъ въ Галиціи: ляхъ, чортъ и баба, жидъ, песъ и жаба п.... все равно. Быть можетъ скажутъ: отношеніе южноруса къ поляку выродилось въ несчастную пору козацкихъ войнъ? Положимъ, это такъ, но только отчасти. Въ половинѣ XVI вѣка югозападное дворянство, не говоря уже о народѣ, относилось съ нелюбовью и непріязнею къ польской народности. Документомъ этого служитъ рѣчь Мелешка, смоленскаго каштеляна, произнесенная имъ на сеймѣ 1589 г., предъ Сигизмундомъ III. (Zbiór pamiętników o dawnej Polsce. T. II, str. 177 и кн. II Вѣстн. Юго-зап. и З. Рос. Отд. I. стр. 91).

[1]) Рус. Бесѣда 1857 г. к. III. «о древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-западной Россіи.» Иванишева.

[2]) Собр. вил. грам. прилож. IV стр. XLII. Магдебурское право дано было первоначально королемъ польскимъ Болеславомъ для Кракова, 1257 г., съ дозволеніемъ переносить дѣла на разсмотрѣніе въ Магдебургъ. Впослѣдствіи времени право суда магдебургскаго давалось постепенно грамотами польскихъ королей какъ городамъ собственной Польши, такъ и городамъ юго-западной Руси. Отказывать требованіямъ юго-западнаго народа польскіе короли не могли во 1-хъ потому, что онъ соединенъ былъ съ Польшею союзомъ федеративнымъ, слѣдовательно на условіяхъ полной свободы своего управленія, во 2-хъ потому, что магдебургское право по своему внутреннему устройству нимало не противорѣчило общинному устройству народа юго-западнаго. То общинное управленіе, которое въ германскихъ городахъ уже сформировалось и выступило съ извѣстными узаконеніями, на югозападѣ Руси оно существовало только въ жизни какъ форма первоначальнаго общиннаго устройства славянскаго племени. Сущность магдебургскаго права состояла въ слѣдующемъ:—мѣщане извѣстнаго города, на основаніи этого права, составляли общину имѣвшую свое внутреннее устройство, свой судъ и управленіе. Главное управленіе возлагалось на бур-

бы осмысляло въ народномъ сознаніи тѣ формы общиннаго устройства, которыя жили въ немъ безсознательно, по преданію. Начавшійся теперь развиваться гнетъ католичества, еще болѣе побудилъ югозападный народъ присмотрѣться къ себѣ и сопоставить устройство своей общественной жизни съ устройствомъ жизни Польши, которая, мало обращая вниманія на статутъ, постоянно требовала новыхъ постановленій и опредѣленій, стѣснительныхъ для югозападнаго народа. Но югозападный народъ высоко цѣнилъ свою свободу и его духу противно было всякое принужденіе и насиліе чуждой власти. Онъ вѣками нажилъ себѣ эту свободу и инстинктивно стремился къ тому, чтобы его жизнь развивалась самостоятельно и независимо.

Какъ въ жизни общественной и церковной, такъ и вездѣ, къ чему только поприкасалась его внутренняя жизнь, онъ хотѣлъ видѣть свободу личностей, вольную общину, и теперь, какъ мы увидимъ далѣе, онъ всегда будетъ возставать противъ злоупотребленія чуждой власти, гдѣ бы и какъ оно не проявлялось— въ жизни-ли гражданской или церковной. При такой настроенности жизни и характера югозападнаго народа само собою очевидно, какого мы должны ожидать характера въ церковномъ управленіи, когда народъ станетъ ближе къ внутренней жизни церкви, чѣмъ онъ стоялъ до сего времени и когда онъ вмѣшается непосредственно въ дѣла церковныя. На преданіяхъ старины, которая для южноруссa сильнѣе всякаго закона, онъ

гомистровъ и ратмановъ, а власть судебная предоставлена была войту и лавникамъ, или присяжнымъ засѣдателямъ. Обязанность бургомистра и ратмановъ состояла въ завѣдываніи городскими доходами и расходами. Бургомистръ какъ выборный членъ свободной общины, исправлялъ свою должность только одинъ мѣсяцъ со дня выбора, потомъ передавалъ свой судъ старшему изъ ратмановъ, а тотъ такимъ же порядкомъ передавалъ третьему и т. д., пока наконецъ четвертый ратманъ неоканчивалъ своей мѣсячной службы и передавалъ ее опять старшему ратману. Такой чередъ продолжался до новыхъ выборовъ, т. е. до перваго понедѣльника послѣ новаго года. Войтъ и лавники избирались на всю жизнь и составляли мѣстный судъ. (Подробное устройство магдебургскаго права см. жизнь князя Курбскаго т. II. стр. 118—321. Krasz. Wilno t. 1 str. 80.) Въ городахъ имѣвшихъ магдебургское право, одни только мѣщане пользовались имъ (Литов. статутъ розд. III. стр. 35 и 37). Въ самомъ Вильнѣ магдебургское право простиралось только на обывателей, бывшихъ въ вѣдѣніи ратуши и имѣвшихъ жительство на городскихъ земляхъ,—жившіе же на земляхъ принадлежащихъ замку, епископу и церквамъ, не пользовались этимъ правомъ (Krasz. Wilno. t. 1. str. 80.

основывалъ формы своего общественнаго быта,—въ силу этого же преданія священной старины отеческой и апостольской, онъ будетъ основывать свое право и въ дѣлахъ церковнаго управленія. Положиться на что-нибудь другое, искать опоры для своихъ правъ и требованій своей общественной жизни внѣ роднаго круга,—онъ не могъ. Находясь въ союзѣ съ Польшею, югозападный народъ долженъ былъ на каждомъ сеймѣ ратовать за свои древнія права и законы, которые каждый разъ нарушались не только магнатствомъ, но и высшими іерархами церкви[1]), несмотря на постоянныя сеймовыя обѣщанія сохранять во всей силѣ ихъ древнія права. Изъ двухвѣковаго союза съ Польшею, югозападный народъ вынесъ въ памяти одно только горе и нужду; чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе и чувствительнѣе становились для него эти страданія. Магнатство, начавшее развиваться уже при Казимірѣ IV, съ теченіемъ времени выступало все сильнѣе и сильнѣе и чѣмъ далѣе, тѣмъ деспотичнѣе оно становилось въ своихъ отношеніяхъ къ беззащитному посполитству. И такъ, съ одной стороны, надъ югозападнымъ народомъ уже тяготѣло одно несчастіе—политическая унія съ Польшею; но съ другой стороны къ нему приступала Польша, но еще только издали, съ предложеніемъ новаго несчастія—принять религіозную унію. Народъ какъ бы еще не зналъ и не могъ понять сразу послѣдней цѣли всѣхъ польскихъ преслѣдованій и недавнихъ дѣйствій въ Львовѣ бискупа Суликовскаго, за которымъ скрывалась цѣлая толпа смиренной братіи, во вновь заведенныхъ школахъ *braciszków Jezusowych*. Правда, народъ не могъ не замѣтить, какъ православіе непріятно католичеству, но онъ еще ничего не зналъ, *что и почему* готовятъ для него, окатоличившіеся православные епископы, въ глуши своихъ кабинетовъ.

Первое покушеніе католичества сблизить югозападную церковь съ своею, хоть единствомъ календаря, начинаетъ раскрывать глаза народу и пробуждаетъ къ дѣятельности прежде всего народъ галицкій. Лучшіе представители его—патроны и братства, обративъ вниманіе на своихъ пастырей, на нравственную жизнь ихъ и всего народа, увидѣли, что все это требуетъ исправленія, что имъ самымъ необходимо принять живое участіе въ современномъ имъ порядкѣ дѣлъ церковныхъ. Оставить церковъ въ настоящемъ ея положеніи, они не могли, у ней все говорило о нравственной жизни и

---

[1]) А З. Р. т. IV. N 16. т. III. N 14. А. Югоз. Р. ч. 1 NN 8, 22, 23 и проч.

какъ-бы само собою напрашивалось на новый порядокъ вещей. Іезуиты, въ борьбѣ съ диссидентами, открываютъ глаза народу на характеръ ихъ дѣйствій, и въ началѣ второй половины XVI в. онъ уже ясно отличаетъ ихъ отъ католиковъ и жидовъ, по ихъ отношеніямъ къ православной церкви. Лучшіе представители народные видѣли, какъ одни изъ іезуитовъ—этихъ великихъ учителей народныхъ—ухаживали около высшихъ пастырей церкви, а другіе, своими сочиненіями, старались унизить православную церковь и разоблачить предъ всѣми ея внутреннія слабыя стороны[1]). Все это заставляло лучшихъ

---

[1]) Іезуиты въ началѣ второй половины XVI в. уже начинали ясно давать народу понятіе о себѣ и о своихъ замыслахъ по отношенію къ православной церкви. Въ 1577 г. краснорѣчивый іезуитъ Петръ Скарга, этотъ перлъ польской литературы и неподражаемый образчикъ схоластическихъ богословскихъ изслѣдованій, во вкусѣ католичества, издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «o jedności kościoła Bożego, i o Greckim od tej jedności odstąpieniu, z przestrogą i upominaniem do narodów Ruskich, przez Piotra Skargę 1577 г.» Въ третьей части своихъ изслѣдованій—«о единствѣ церкви Божіей», авторъ указываетъ причины, вслѣдствіе которыхъ никогда не можетъ быть порядокъ въ церкви русской. Причины эти указываются, разумѣется, съ точки зрѣнія своей—католической. 1-я *семейная жизнь священниковъ*, которые вслѣдствіе этого заботятся только о мірскомъ, оставляя безъ всякаго пастырскаго попеченія свою паству. Семейная жизнь священниковъ служитъ причиною того, что на Руси вся наука упала и попы омужичились (zchłopieli) (sic!). 2-я, *языкъ славянскій*. Греки, говоритъ онъ, обманули руссвихъ и съ цѣлью не дали имъ своего языка, оставивъ у нихъ языкъ славянскій: грекамъ хотѣлось, чтобы русскій народъ никогда не достигъ до настоящаго разумѣнія истины и науки; потому что только при помощи латинскаго и греческаго языковъ можно быть доскональнымъ въ наукѣ и въ вѣрѣ. На цѣломъ свѣтѣ еще никогда не было и никогда не будетъ ни академіи, ни коллегіи, гдѣ бы богословіе, философія и другія науки могли преподаваться и быть понимаемы на иномъ языкѣ. При славянскомъ языкѣ никогда никто ученымъ не можетъ быть: онъ никогда не имѣлъ правилъ и грамматики. У васъ, русскихъ, и не слышно о такихъ людяхъ, которые бы знали греческій языкъ, старый и новый; а у насъ по цѣлому свѣту господствуетъ одна вѣра и одинъ языкъ (разумѣется латинскій); христіанинъ въ Индіи, можетъ говорить съ полякомъ о Богѣ. 3-я причина, которая никогда не позволяетъ быть порядку въ русской церкви, это—униженіе духовнаго сословія и вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ дѣла церковныя.

Но говоря объ этомъ вмѣшательствѣ, знаменитый католическій богословъ, не показываетъ—кто служилъ первоначально причиною всѣхъ замѣчаемыхъ имъ безпорядковъ въ церкви югозападной. Онъ не хочетъ

представителей народнихъ серьезно призадуматься надъ положеніемъ своей церкви и поискать болѣе дѣйствительныхъ средствъ, чѣмъ какія предлагали іезуиты, чтобы вывести ее изъ этого положенія. Чтобы приступить къ этому великому дѣлу съ надлежащимъ успѣхомъ, имъ нужна была сторонняя крѣпкая помощь, нужна была твердая опора. Но гдѣ ее искать и на кого имъ положиться? На королей?—Но польскіе короли, по смерти Ягеллоновъ, были почти безъ власти и силы. Насилія и притѣсненія, дѣлаемыя православнымъ, вызывали только грамоты и универсалы королей, которыя столько-же имѣли силы и значенія, сколько и самый статутъ, для тогдашнихъ магнатовъ и неразлучной съ ними буйной безпардонной толпы, составлявшей ихъ свиту. Ожидать помощи отъ единовѣрной сѣверной Россіи, невозможно было: она изъ за своихъ

и видѣть того, что первою и главною причиною церковныхъ безпорядковъ, на югозападѣ Руси, было польское правительство, подъ руководствомъ, такъ щедро прославленнаго имъ въ первыхъ двухъ частяхъ своего сочиненія, святаго костела католическаго. Показавъ несостоятельность церкви православной какъ со стороны догматической, такъ и нравственной,—Скарга указываетъ средства, какъ можно выйти православной югозападной церкви изъ этого, воображаемаго имъ, безвыходнаго положенія. 1-е, чтобы кіевскій митрополитъ принималъ благословеніе не отъ константинопольскаго патріарха, но отъ папы; 2-е, каждый русскій долженъ быть согласенъ съ римскою церковью во всѣхъ артикулахъ вѣры; 3-е, признавать верховную власть столицы римской; что-же касается церковныхъ обрядовъ, то они могутъ оставаться по прежнему неприкосновенными (sic!). Эта-же самая книга, съ нѣкоторыми прибавленіями, подъ заглавіемъ: «o rządzie i jedności kościoła Bożego,» напечатана была въ 1590 г. вторымъ изданіемъ, съ посвященіемъ Сигизмунду III. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что эта книга многимъ принесла пользу и многимъ раскрыла уже глаза.—Изъ этого видно, какъ іезуиты, еще до открытаго введенія уніи, усердно работали надъ приготовленіемъ къ своему великому дѣлу. А неугодно-ли послушать, какія предлагаетъ средства, этотъ-же хитрый и наблюдательный іезуитъ, для соединенія всѣхъ еретиковъ и православныхъ схизматиковъ: «еретиковъ немного остается и они убывали бы каждый день, *если-бы свѣтская власть свободно пользовалась своимъ могуществомъ и правами*. Русскихъ обращать труднѣе, чѣмъ еретиковъ, потому-что они опираются на своихъ *предковъ и старину*.» Вотъ древнее братолюбіе поляковъ, ихъ вѣротерпимость и уваженіе ими правъ народныхъ, на которыя такъ указываютъ поляки въ настоящее время, призывая югозападный народъ къ политическому единству съ собою!... Нѣтъ, здѣсь нужно сказать по старой русской пословицѣ: «двумъ медвѣдямъ неужиться въ одной берлогѣ!»

внутреннихъ неурядицъ и смутъ, почти забывала ихъ. Положиться на своихъ пастырей? — Но увы! они не могли не видѣть, кто таковы были ихъ пастыри, и какъ они относились къ православной вѣрѣ?... Монастыри также подчинялись вліянію на нихъ современныхъ обстоятельствъ вѣка и потеряли свое высокое значеніе для жизни народной. Они охраняли только свою собственность и заботились объ увеличеніи своихъ земель; имъ дорого было не православіе, а богатыя помѣстія, принадлежавшія имъ [1]).

Видимые безпорядки въ церкви, пробудили въ югозападномъ народѣ таившіяся силы и онъ приступаетъ теперь къ участію въ дѣлахъ церковнаго управленія со всею энергіею человѣка глубоко оскорбленнаго. Незавидное его политическое положеніе все болѣе и болѣе постепенно развивало его внутреннія силы, непріятности его раздражали, и теперь нуженъ былъ только болѣе сильный толчекъ, чтобы вызвать этотъ народъ на открытую борьбу съ польскою народностію и начавшими за одно съ ними дѣйствовать—высшими іерархами церкви.

Инціативу этого великаго дѣла, какъ мы уже сказали, принимаетъ на себя галицкая церковь. Испытавъ на себѣ болѣе другихъ всю тягость польскаго владычества и иго католическаго фанатизма, она первая должна была подмѣтить и указать всему остальному югозападному краю коварные планы польскаго правительства и католической церкви. Народъ галицкой православной церкви, какъ-бы самимъ Провидѣніемъ призванъ былъ для того, чтобы открыть глаза другимъ и при

[1]) Можно-ли было югозападнымъ епископамъ и монастырямъ заботиться и думать когда-либо о возвышеніи и исправленіи нравственной жизни церкви, когда ихъ богатства земельными владѣніями превышали, можно сказать, всякія границы, а слѣдовательно и забота о нихъ должна была отнимать у нихъ все время. «Епископіи владимірской (на Волыни) принадлежали: укрѣпленный замокъ въ городѣ Владимірѣ и нѣсколько дворовъ, мѣстечко Квасовъ, шестнадцать селеній въ повѣтахъ луцкомъ и владимірскомъ, волость купетовская, заключавшая въ себѣ мѣстечко Озераны, одинадцать селеній и рыбныхъ ловель, островъ Волославъ на рѣкѣ Лучѣ, на которомъ находился монастырь св. Онуфрія. Епископіи луцкой и острожской принадлежали четыре мѣстечка и тридцать четыре селенія, въ повѣтахъ луцкомъ и владимірскомъ; изъ нихъ—мѣстечки Хорлупъ и Жабчо были защищены укрѣпленными замками съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ (Исторія Россіи Соловьева т. X. стр. 10, см. также Арх. Югозападной Россіи).

свѣтѣ истиннаго православія разогнать тотъ мракъ, который началъ охватывать всю югозападную православную церковь и показать будущимъ вѣкамъ, какъ слабо католичество и узко въ своемъ жизненномъ кругозорѣ, въ сравненіи съ тою широкою и неистощимою силою жизни, которая дается православіемъ, въ свободномъ и братскомъ отношеніи всѣхъ членовъ церкви другъ къ другу, начиная отъ перваго іерархическаго члена церкви и оканчивая послѣднимъ посполитомъ. Въ послѣдующей борьбѣ съ католичествомъ и постепенной формировкѣ характера церковнаго управленія, югозападный народъ чрезвычайно много рѣшилъ вопросовъ своею широкою жизнію, вопросовъ соціальныхъ, церковныхъ и вообще государственныхъ. Православная церковь въ развитіи жизни на ея началахъ, имѣетъ, можно сказать, на страницахъ своей исторіи одну только эту борьбу съ католичествомъ, борьбу, въ которой отразилась ея внутренняя глубокая жизнь. Но не станемъ слишкомъ увлекаться, мы и безъ того уже слишкомъ далеко отошли отъ своего предмета. Пусть лучше говоритъ о себѣ истина, насколько ее намъ можно высказать, сама за себя.

Д. Синицкій.

(Продолженіе впредь)

XXX.

RĘCZĘ, ŻE SIĘ POJEDNAMY.

Slowo do braci polaków w sprawie polsko-ruskiéj. Lwow. 1861 r. (Ручаюсь, что примиримся. Слово къ братьямъ полякамъ. по поводу польско-русскаго вопроса).

(Еще новый образчикъ маневра, придуманнаго поляками къ привлеченію на свою сторону русскихъ). *)

I.

«Inter duos litigantes tertius gaudet»
«(Гдѣ двоо дерутся, тамъ третій смѣется).»
А по-польски это значитъ:
«Же тамъ обцы коржистаіон
Гдзѣ родацы сѣн спржечаіон.»

Каждый народъ имѣетъ свои пословицы, какъ знамя вѣковой истины, какъ логическій выводъ добытый опытомъ и принятый голосомъ цѣлаго народа. Кто идетъ противъ этого голоса, тотъ, по народной пословицѣ, «почухаеця въ голові.»

Смотря съ этой точки зрѣнія на развитіе двухъ братскихъ народностей, съ 1848 года, можно было надѣяться, (говоритъ авторъ), что представители той и другой партіи, послѣ велико-

---

*) **Примѣчаніе.** Польскіе патріоты употребляютъ всевозможные пріемы къ умноженію числа своихъ сторонниковъ. Различіе этихъ пріемовъ про-

душно-высказанной правительствомъ равноправности, «почухаюця въ голові;» но не тутъ-то было. Двухвѣковой опытъ остается безплоднымъ, и даже еще разъ повторенный, онъ не привелъ-бы къ лучшему результату.

Поляки и русины галицкіе напоминаютъ тѣхъ дѣтей, которымъ родители завѣщали свою взаимную ненависть, и которые ссорятся потому, что ссорились ихъ отцы, ссорятся до тѣхъ поръ, пока взаимное истощеніе не принудитъ ихъ къ миру. Представители той и другой народности, бьются, какъ нѣкогда Гораціи съ Кураціями, но не оружіемъ, а журнальнымъ перомъ, что̀ еще хуже. Время дѣла, время, которымъ слѣдовало-бы воспользоваться, для осуществленія надеждъ, вызванныхъ дипломомъ Монарха и проэктомъ Шмерлинга, — это время проходитъ въ безплодной полемикѣ, нисколько не выясняющей народу, въ чемъ дѣло и откуда эта вѣковая вражда между Русью и Польшею.

Вмѣсто безплодной діалектики, лучше сказать святую правду, — нужно разсматривать «acta и facta» спорнаго дѣла; и тогда представители той и другой народности, — надѣется авторъ, — со слезами на глазахъ, бросятся въ объятія другъ друга, — они увидятъ, что *«кто-то другой былъ и есть причиною ихъ несогласія и обидъ, ихъ общаго несчастія и упадка.»*

исходитъ частью отъ различія въ темпераментахъ, частью отъ различныхъ степеней образованія этихъ патріотовъ. Болѣе запальчивые публицисты и бельлетристы, говоря о Россіи, унижаются до площадной брани, болѣе сдержанные и лукавые, а потому болѣе опасные, прикидываются друзьями русиновъ, темныя стороны въ столкновеніяхъ ихъ съ поляками приписываютъ *третьему*, усиливаются, на перекоръ исторіи и народному ощущенію, доказать, что между русинами и поляками никогда не было разлада и не будетъ, что причиною случайныхъ между ними столкновеній былъ этотъ третій. Къ числу подобныхъ уловокъ принадлежитъ и брошюра «Ręczę, że się pojednamy». Объятія, которыя простираетъ она къ русинамъ такъ похожи на іудины, ядъ ея такъ сладокъ и опасенъ, что мы сочли необходимымъ подѣлиться съ нашими читателями переводомъ этой коварной брошюры. Она замѣчательна и тѣмъ, что авторъ ея полякъ первый изъ польскихъ писателей послѣдняго 25-лѣтія, печатно высказалъ всю правду о прежнихъ отношеніяхъ поляковъ къ русскимъ обитателямъ западной и юго-западной Руси, бывшей нѣкогда подъ владычествомъ Польши. I и II главы передаемъ, по недостатку здѣсь мѣста, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, а послѣднія почти въ буквальномъ переводѣ.

II.

«Concordia res parvae crescunt.»
(Согласіе и малыя дѣла дѣлаетъ великими).
А поляки такъ понимаютъ это:
«Въ ктóрымъ дому ѣдносьць, згода,
Тамъ достатекъ и выгóда.»

Послѣ общихъ понятій о происхожденіи народовъ и народностей, (которыя, по замѣчанію автора, не зависятъ ни отъ одежды, ни отъ вѣры) объ образованіи *народныхъ языковъ, нарѣчій и провинціализмовъ,* авторъ переходитъ къ славянамъ, прошедшимъ всѣ эти видоизмѣненія и выработавшимъ такимъ образомъ отдѣльныя народности: чеховъ, моравовъ, поляковъ, русиновъ, сербовъ, кроатовъ и т. д. Каждая изъ нихъ развиваетъ свое нарѣчіе и, принявши разъ центробѣжное направленіе, никогда уже не будетъ стремиться къ общему центру. Мы, славяне, говоритъ авторъ, можемъ жить въ братскомъ согласіи, но слиться въ одно тѣло для насъ абсолютно невозможно. Воскрешеніе панславизма—это утопія, игра воображенія, это pium desiderium. Это наконецъ, тоска по-давно уплывшемъ времени,—и ничто болѣе. Нѣмцы знаютъ это: они видѣли, что славяне, собравшіеся въ Вѣнѣ и Прагѣ, для взаимнаго пониманія, должны были употреблять языкъ нѣмецкій: «Было нѣкогда время, говоритъ авторъ, въ которое мы могли бы взаимно согласиться, но мы не успѣли воспользоваться имъ,—доказательствомъ этого служатъ общія наши дѣла.»

«Польша и Русь были нѣкогда двумя славными народами, существовавшими самобытно одинъ подлѣ другаго. Русь древняя была государствомъ сильнымъ, уважаемымъ, съ главною столицею Кіевомъ, гдѣ группировались всѣ знанія, занесенныя сюда изъ Греціи. Но раздѣленная между сыновьями Владиміра В., она, по смерти этого владѣтеля, раздробилась на мелкія удѣльныя княжества. Изъ нихъ великое княжество галицкое и владимірское, по пресѣченіи мужескихъ наслѣдственныхъ преемниковъ престола, именно, по смерти Юрія II Андреевича, перешло подъ власть Любарта Димитрія Гедеминовича, князя литовскаго, которому принесла это княжество въ видѣ *вѣна* его жена, княжна галицкая, дочь Юрія II.

Какъ вездѣ, гдѣ наслѣдство идетъ по женской линіи, такъ и здѣсь были побочные претенденты престола, и семейныя партіи, поддерживавшія претензіи того или другаго кандидата. Былъ также потомокъ другой княжны русской, Болеславъ Тройде-

сьичъ, князь мазовецкій, котораго благопріятствующая ему партія провозгласила галицко-владимірскимъ княземъ; а по смерти его, Казиміръ Великій, король польскій, какъ ближайшій сосѣдъ, вторгся съ военною силою въ землю перемышльскую и львовскую, въ 1340 году; но въ слѣдующемъ году бояре — Дашко Перемышльскій и Данило Острогскій, вытѣснили польскій гарнизонъ и возстановили законную власть литовскаго князя Любарта, державшагося на престолѣ до 1349 года, когда Казиміръ Великій возобновилъ свой набѣгъ.

Усилія Любарта снять съ себя внѣшнюю, преобладающую силу были напрасны: втянутый въ крестовый походъ противъ пруссовъ, онъ принужденъ былъ раздѣлить свои силы. Не смотря на это, стычки любартовско-русскихъ войскъ съ польскими продолжались и опустошали земли русскія въ продолженіи всего царствованія Казиміра Великаго, то есть до 1370 года. Русь галицко-владимірская, присоединенная однажды къ Польшѣ, навсегда уже утратила свой политическій бытъ, и Казиміръ Великій титуловалъ себя: «Dominus et haeres Russiae» (Господинъ и наслѣдникъ Руси).

Отсюда видно, что первый шагъ къ соединенію этихъ двухъ славянскихъ народовъ былъ основанъ на силѣ преобладанія, на правѣ сильнѣйшаго надъ слабѣйшимъ, а не на добровольномъ согласіи, единствѣ и братствѣ. И хотя вообще твердятъ, будто Русь, не въ состояніи будучи противодѣйствовать татарскимъ набѣгамъ, добровольно соединилась съ Польшею; но этому мнѣнію противорѣчатъ историческіе факты, такъ записанные въ лѣтописи Стрыйковскаго, въ книгѣ 12 на страницѣ 388: «1340 года, мѣсяца Апрѣля, Казиміръ, король польскій, не медля долго, потянулся съ войскомъ въ русскія земли, обложилъ прежде всего Львовъ, главу всей Руси, и сильно добывалъ его; потомъ, пообѣщавъ русскимъ оставить имъ старую греческую вѣру, взялъ отданный ему городъ съ обоими крѣпостями, гдѣ было множество серебра, золота, перловъ, дорогихъ *шатъ* и всякой другой домашней утвари и снарядовъ. Въ этихъ крѣпостяхъ онъ нашелъ казну древнихъ князей русскихъ, въ которой дороже всего были — два золотые креста, украшенные множествомъ дорогихъ перловъ и въ одномъ изъ нихъ кусокъ дерева, на которомъ былъ распятъ Господь нашъ І. Христосъ, который даже теперь есть въ костелѣ краковскомъ, — кромѣ того двѣ золотыя короны, также украшенныя множествомъ дорогихъ перловъ, — золотое сѣдло, золотая шата, усаженная перлами и драгоцѣнными камнями. Эти драгоцѣн-

ности Казиміръ увезъ съ собою въ Польшу, а деревянныя крѣпости сжегъ, чтобы, надѣясь на нихъ, руссины не выступали изъ повиновенія.» Далѣе, на стран. 389, Стрыйковскій пишетъ: «Король....... покоронныя русскія княжества обратилъ въ уѣзды, поставилъ тамъ воеводъ, каштеляновъ, старостъ, судей и другія правительственныя учрежденія, по обычаю польскому.» Ясно, что это соединеніе съ Польшею нисколько не было согласно съ волею Руси, когда Казиміръ Великій принужденъ былъ «осаждать и добывать» Львовъ; видно онъ не пришелъ какъ другъ и опекунъ Руси, когда ограбилъ княжескую казну и сжегъ крѣпости.......

И отсюда-то выходитъ источникъ тѣхъ жалобъ, какія Русь заноситъ на Польшу,—теперь, по истеченіи столькихъ вѣковъ. Этотъ поводъ, по видимому очень страненъ, но необходимо разсмотрѣть его на началахъ справедливости, если желаемъ, чтобы міръ не пренебрегалъ нашими жалобами, на тѣхъ, которые раздѣлили Польщу.

Время однакожъ все сглаживаетъ. Русь въ союзѣ съ Польшею, по словамъ автора, благоденствовала до кончины Сигизмунда Августа,—въ ней размножались училищныя учрежденія заботами русскихъ князей, — блажен. пам. Острогскихъ, Чорторыйскихъ, Четвертынскихъ и подобныхъ имъ русскихъ патріотовъ, а въ Польшѣ краковскій университетъ проливалъ свой свѣтъ не только на родную почву, но и на земли нѣмецкія. Никому не приходило въ голову спорить о преимуществѣ обрядовъ латинскихъ или русскихъ: современное просвѣщеніе приводило къ сознанію того логическаго вывода, согласнаго съ св. писаніемъ, что Богъ не смотритъ на уста, а на сердце человѣка, что для него все равно какъ бы ни выражалось чувство человѣческаго смиренія предъ величіемъ Божіемъ, словами: «Domine miserere mei», или: «Κύριε ἐλέησον,» или «Panie zmiłuj się nad nami», или, наконецъ, «Господи помилуй»....... Никто тогда не поносилъ русскаго исповѣданія, не называлъ его религіею хлопскою, схизматическою, потому что Русь имѣла еще своихъ бояръ и магнатовъ, возвышавшихся надъ народомъ просвѣщеніемъ и имѣніемъ, уважаемыхъ въ странѣ и за-границею. — Одинъ князь Острогскій владѣлъ 700 деревнями и 30 городами семейнаго имѣнія,—на такомъ пространствѣ, на которомъ легко было бы помѣстить болѣе десяти удѣльныхъ княжествъ нынѣшней нѣмецкой имперіи. Людъ русскій и польскій обожалъ своихъ пановъ; въ ихъ гордости онъ сознавалъ свою гордость, потому что видѣлъ себя хорошо обезпеченнымъ; а магнаты—

польскіе и русскіе, пользуясь равною свободою, старались только роскошью и пышностію превзойти другъ друга, и этотъ антагонизмъ, помимо своей благотворительной стороны,—помимо того, что онъ давалъ средства къ жизни многимъ изъ бѣднѣйшей шляхты, принадлежавшимъ къ свитѣ, цивилизовалъ ее въ дворахъ панскихъ,—имѣлъ еще не малое вліяніе на развитіе мѣстной промышленности и спекуляцій, давая возможность купеческому и ремесленному классу пользоваться панскими достатками. Это былъ золотой вѣкъ государства польскаго, основаннаго, какъ я говорилъ, на равноправности дворянства; это счастливое положеніе обоихъ народовъ—братьевъ, представляло осуществленіе той вѣковой истины, что: concordia res parvae crescunt (согласіе и малыя дѣла дѣлаетъ великими), но вмѣстѣ съ тѣмъ и предостереженіе, завитое во второй половинѣ пословицы,—что: discordia et maximae dilabuntur (несогласіе же разрушаетъ и великія). Мы не послушались этого разумнаго голоса, мы послѣдовали чужому, и теперь, «почухавшись въ голові», проклинаемъ этотъ злой духъ, который разлучилъ насъ, привелъ Польшу къ упадку и дотолѣ не оставлялъ, пока не разсѣкъ ее ереміадою русской думы:

«Два голуби воду пили, а два колотили
Бодай тіі не сконали, що насъ розлучили.»

III.

«Domus contra se divisa non stabit».
(Домъ раздѣлившійся самъ въ себѣ не устоитъ).
А народъ такъ понимаетъ это:
«Же въ такимъ дому чарны бѣсъ гаса,
Гдзѣ монжъ до лясу, жона до Саса...»
(Въ томъ домѣ черный бѣсъ пляшетъ,
Гдѣ мужъ въ лѣсъ, а жена къ Сасу).

Въ нашемъ общемъ отечествѣ, было, какъ я описалъ согласно съ историческими данными, «просвѣщеніе» (oświata) и неразлучный ея близнецъ—вѣротерпимость» (tolerancya); тогда какъ напротивъ всю западную и южную Европу покрывала въ это время духовная тьма съ неразлучной ея сестрицей—«фанатизмомъ.»

Такой порядокъ дѣлъ не могъ не отразиться въ сѣверныхъ странахъ Европы, особенно когда, послѣ колоссальной

западной схизмы, вызванной матеріализмомъ, созванъ былъ «Соборъ Тридентинскій,» для поддержанія католицизма. Тамъ были прелаты изъ всѣхъ католическихъ странъ, между прочимъ и изъ Польши. Духъ абсолютнаго католицизма, не дающій подлѣ себя мѣста никакимъ религіознымъ мнѣніямъ, на основаніи извѣстнаго начала: «tolerantia theologica non datur» (въ богословіи нѣтъ терпимости),—этотъ духъ овладѣлъ умами всѣхъ собравшихся сановниковъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ нашъ кардиналъ Гозіусъ. Орденъ іезуитовъ, конфирмованный два года назадъ Павломъ III, т. е. въ 1540 году, имѣлъ очень значительное вліяніе на этомъ соборѣ. Статистическія вычисленія показали, что въ польскомъ королевствѣ было только 8 милліоновъ поляковъ-католиковъ, а остальное населеніе составляла Русь въ числѣ 13 милліоновъ, а въ великой Россіи даже нѣсколько десятковъ милліоновъ, затѣмъ громадное число диссидентовъ, которыхъ непремѣнно нужно было окатолизировать,» чтобы образовалось одно стадо и одинъ пастырь.» Опредѣленія Тридентинскаго Собора клиръ польскій принялъ собственно лишь въ царствованіе Стефана Баторія, слѣдовательно, спустя 30 лѣтъ послѣ собора; но духъ іезуитизма, духъ пропаганды овладѣлъ еще прежде отдѣльными прелатами, которыхъ помнитъ исторія въ лицѣ примаса Уханскаго и епископа познанскаго. Свободу религіознаго сознанія, обезпеченную статутами за всѣми христіанскими сектами, начали стѣснять тотчасъ по смерти короля Сигизмунда-Августа, какъ видно изъ акта конфедераціи, образовавшейся подъ руководствомъ Фирлея и подписанной многими сановниками и сенаторами, для обезпеченія вольностей, признанныхъ юридически за диссидентами. Относительно отечественныхъ дѣлъ такъ говорили:

По смерти Сигизмунда-Августа, страна раздѣлилась на партіи: одни хотѣли вызвать на польскій престолъ герцога Эрнста изъ дома австрійскаго, а другіе—Генриха Валуа, герцога анжуйскаго. Диссиденты, боясь потерять свою «равноправность» подъ властію этихъ строго-католическихъ государей, образовали, во время междуцарствія, для обезпеченія своихъ вольностей, конфедерацію, подписанную многими сановниками и сенаторами; но упорный духъ примаса Уханскаго заинтриговалъ такъ сильно, что многіе изъ шляхты протестовали противъ этого. Однакожъ Генрихъ Валуа, избранный въ польскіе короли, 1574 г., принужденъ былъ при своей коронаціи, торжественно, въ присутствіи сейма, подтвердить легально существующія права диссидентовъ слѣд. клятвою: «Мы будемъ под-

держивать согласіе между всѣми исповѣданіями вѣры, будемъ стараться, чтобы никто не былъ притѣсняемъ изъ-за своей вѣры, и никогда не позволимъ, чтобы это дѣлалось въ наше царствованіе какою-бы то ни было властію, а тѣмъ болѣе— нашею.» Раздраженный фанатизмъ, въ лицѣ епископа познанскаго, требовалъ, чтобы король не утверждалъ вышеуказаннаго артикула; но большинство воспротивилось этому, даже сенаторъ Зборовскій прямо и смѣло сказалъ королю: «Sire, если ты не согласишься на этотъ артикулъ и на другія «pacta conventa,» то никогда не будешь у насъ королемъ» *).

Послѣ бѣгства Генриха Валуа, паны избрали королемъ польскимъ Стефана Баторія, въ 1575 году. Папа Сикстъ V послалъ къ нему іезуита Поссевина, который возбуждалъ его къ фанатизму; но король отвѣчалъ этими достопамятными словами, записанными въ лѣтописяхъ: «Одинъ Богъ судія совѣсти, а я никого не буду преслѣдовать за религіозныя мнѣнія.» Однакожъ, не желая противиться намъ, король пригласилъ Поссевина, отдалъ ему устроявшійся въ Вильнѣ университетъ и управленіе всѣми школами; а этого было достаточно, чтобы несчастіе укоренилось въ странѣ; ибо отъ воспитанія молодежи, отъ направленія, какое давалось ей, зависѣло благосостояніе ея самой и цѣлой страны. Изъ этой невинной молодежи, къ которой прививали теперь фанатизмъ, должны были выйти нѣкогда сенаторы и сановники, отъ нея будутъ зависѣть нѣкогда сеймовыя постановленія, опредѣляющія участь, бытъ и благосостояніе страны. Къ несчастію, Стефанъ Баторій, послѣ краткаго царствованія, умеръ въ Гроднѣ, въ 1586 г. Въ томъ же самомъ году, какъ свидѣтельствуетъ Лелевель, Австрія, при Максимиліанѣ II, пользуясь раздорами магнатовъ, и поддерживаемая вліяніемъ іезуитовъ, распространившихся въ нашей странѣ, искала польской короны; однакожъ выборъ палъ на Сигизмунда III, шведа,—и не могъ быть хуже, потому что съ этой эпохи идетъ упадокъ Польши. Іезуиты и шведы окружили его дворъ; духовникъ Голейевскій и казначей Скарга были неотступными его товарищами; управленіе всѣми школами отдано было исключительно обществу іезуитовъ, только одинъ ягеллонскій университетъ въ Краковѣ удержалъ еще на нѣкоторое время свою автономію. Примѣру короля послѣдовала и шляхта — ибо всегда «piscis a capite sordet» (рыба

*) См. Dzieje Polskie przez Solignac ks. 25; Lelewel, Lipsk. 1848.

насмешки вонять съ головы) считалось признакомъ хорошаго тона имѣть въ домѣ *каплана* или духовника іезуита, потому что не прилично и нельзя было брататься на столько, чтобы магнатъ шелъ помолиться Богу въ деревенскомъ костелѣ, гдѣ молился крѣпостной его холопъ. Да и какъ одинъ и тотъ же правосудный Богъ могъ примирить желанія молившихся, когда одни искренно просили уничтоженія «Вислицкаго Статута», а другіе—сохраненія сословныхъ привилегій!...... Заботливые и ловкіе повѣренные вкрались въ семейныя отношенія, даже въ правительственныя тайны и, по служебной обязанности, доносили о нихъ ближайшему своему начальнику, который считалъ долгомъ рапортовать объ этомъ еще выше, пока, наконецъ, это извѣстіе, движеніе и намѣреніе правительства не доходили до центра общества, т. е. до генерала іезуитовъ въ Римѣ *). Добродушіе нашихъ пановъ, увлеченное піэтизмомъ, давало богатыя дарственныя записи въ пользу іезуитскихъ коллегій, которыхъ имѣніе разрослось въ Польшѣ, наконецъ, до такой степени, что, какъ утверждаютъ лѣтописи, далеко превосходили даже доходы коронные (государственные). Подъ ихъ-то исключительнымъ вліяніемъ начались эти позорныя фанатическія обращенія, а отсюда жалобы диссидентовъ на то, что ихъ удаляютъ отъ общественныхъ должностей, грабятъ церкви и т. п.

Въ 1595 году, въ Брестѣ литовскомъ открылась «унія». Вслѣдствіе разныхъ интригъ, какія были пущены въ ходъ при этомъ дѣлѣ, значительная часть диссидентовъ отдѣлилась, — и эта сецессія, эта схизма, это расторженіе вызвало на Руси безпокойства, насилія, даже кровавыя столкновенія, «запятнавшія», по свидѣтельству историковъ, «царствованіе Сигизмунда III».

Какъ сильно такія дѣйствія раздражали законныхъ польскихъ гражданъ, это видно изъ «aktu oskarżenia rządów Zygmuntowskich» (изъ обвинительнаго акта на правительство Сигизмунда) и изъ конфедераціи, собранной въ Сандомирѣ палатиномъ и воеводою краковскимъ Зебржидовскимъ и княземъ Яномъ Радзивиломъ, — конфедераціи, которой военная сила простиралась до 60,000. Въ этомъ важномъ документѣ тре-

*) См. Summarium constitutionum S. J. C. J. § 1, который іезуитъ долженъ соблюдать: «Similiter ac si cadaver essetis, vel senis baculus» (будто какъ трупъ или какъ палка старца, т. е. мертвымъ орудіемъ своихъ суперіоровъ)....

бують отъ короля, чтобы онъ 1) «разъ навсегда положилъ конецъ безпокойствамъ чужеземцевъ въ Польшѣ; 2) сохранилъ неприкосновенность греческаго исповѣданія; 3) удалилъ чужеземцевъ, наполняющихъ дворъ, особенно іезуитовъ, какъ корпорацію вредную, вмѣшивающуюся въ свѣтскія дѣла, портящую молодежь, а народъ возбуждающую къ возстанію, и т. п.» Фанатизмъ вызвалъ внутреннюю войну: войска королевскія сражались съ братьями-конфедератами; истребляли другъ друга, и все это «ad majorem Dei gloriam»......, пока наконецъ войска королевскія не разбили конфедератовъ при Гузовѣ, около Радома, въ 1607 г.; тогда звонятъ въ колокола и поютъ «Te Deum,» изъ-за того, что Богъ помогъ побить братьямъ братьевъ...... Когда пала конфедерація, оезуиченный Сигизмундъ началъ преслѣдовать диссидентовъ въ большемъ размѣрѣ. Въ 1612 году факція конвертистовъ произвела во всей Европѣ ненависть между католиками и диссидентами; открылась эта несчастная тридцатилѣтняя религіозная война съ нѣмецкими протестантами, въ которую Австрія втянула и Польшу. Сигизмундъ обязался доставлять военныя пособія, и дѣйствительно посылалъ козацкіе полки, такъ называемыхъ Лисовчиковъ,— разумѣется русскихъ диссидентовъ, чтобы имъ бить диссидентовъ нѣмецкихъ, и такимъ образомъ мало по малу истреблять тѣхъ и другихъ вмѣстѣ—«ad majorem Dei gloriam» (для большей славы Божіей).

Протестанты вступили въ союзъ съ Турціею; турки, помогая протестантамъ, опустошали огнемъ и мечемъ Молдавію, также не принявшую уніи и принадлежавшую въ это время къ коронѣ польской; а между тѣмъ фанатизмъ іезуитскій, вызвавшій эту грозу, восхищался своею хитростію и утопалъ въ роскоши, на счетъ піэтизма нашихъ одноземцевъ, говоря какъ бы такъ: пусть дураки бьются, пусть міръ полируется,—ультрамонтанизмъ всегда выиграетъ на этомъ, потому что все это «не безъ воли Божіей;» все это — «ad majorem Dei gloriam.» Печаленъ былъ результатъ этой войны: Польша потеряла Молдавію, въ 1619 году, и никогда уже не возстановила своей власти надъ нею.

По смерти Сигизмунда III, на престолъ вступилъ сынъ его, Владиславъ IV, въ 1632 году. Въ его царствованіе продолжались фанатическія мѣры къ обращенію украинскихъ диссидентовъ, и раздражили вольное доселѣ козачество. Напрасно жаловались они правительству, «что старосты и магнаты, при содѣйствіи жидовъ, притѣсняютъ ихъ и принуждаютъ въ под-

[illegible].» Потому, для защиты своей свободы и правъ, козаки взялись за оружіе, но ихъ разбили въ 1638 году и отняли право избранія гетмана; плѣннаго Павлюка, не смотря на торжественныя милостивыя обѣщанія, казнили, и ввели «подданство» (крѣпостное право) въ вольной Украинѣ. Съ этой эпохи начинается недовѣріе русскаго люда къ польско-католической шляхтѣ, и отсюда тѣ страшныя кровавыя войны, которыя равно разорали Русь и Польшу.

По кончинѣ Владислава IV, въ 1648 году, королемъ польскимъ избранъ былъ братъ его, Янъ-Казиміръ,—человѣкъ, который еще въ двухлѣтнемъ возрастѣ облеченъ былъ въ Римѣ въ іезуитскій кафтанъ (sutanoę) съ званіемъ кардинала. Если прежде, подъ вліяніемъ іезуитизма, Польша быстро шла къ упадку и униженію; что-же теперь должно было дѣлаться въ нашемъ бѣдномъ отечествѣ, теперь, когда на престолъ Пястовъ и Ягеллоновъ сѣлъ «іезуитъ de nomine et de facto»? Вѣрный своему воспитанію, онъ съ величайшею хитростію и послѣдовательностію продолжалъ quasi-спасительное дѣло своихъ предшественниковъ. Земскихъ дипломатовъ старались убѣдить, что окатоличеніемъ и ополяченіемъ Руси ослабится вліяніе Россіи; что Польша, слившись въ одинъ народъ, сдѣлается сильнѣе; а въ самомъ-то дѣлѣ для того хотѣли католизовать все въ цѣлой Европѣ, чтобы папское вліяніе, неограниченное въ странахъ католическихъ, поднять до зенита. Эта невыносимая гордость латинскаго клира, это присвоеніе себѣ какой-то супрематіи даже надъ Русью, соединенною съ Римомъ, это увлеченіе въ латинство знатнѣйшей и разумнѣйшей шляхты, (отсюда жалобы русиновъ, представленныя въ Римъ и отвѣтственныя папскія буллы Климента VIII, Бенедикта XIV, обезпечивающія привилегіи окатоличенной Руси, которыя однакожъ постоянно нарушались, потому что, по плану іезуитизма, брестъ-литовская унія была только переходомъ, только метаморфозою къ полному латинизованію)—эти, наконецъ, унизительныя и несносныя преслѣдованія, о которыхъ не говорю только для того, чтобы не растравлять заживающей раны, но которыя слишкомъ извѣстны читающему исторію отечественную,—все это вызвало отчаянное возстаніе при Богданѣ Хмельницкомъ, дошедшемъ даже до Львова и Замосця. Король Янъ-Казиміръ, заключивъ (съ нимъ) перемиріе, послалъ ему гетманскую булаву; но Хмельницкій потребовалъ: «1) удаленія іезуитовъ и жидовъ; 2) возвращенія козакамъ привилегій и вольности; 3) свободы религіознаго исповѣданія,» т. е. оставленія при [illegible]. Король и шляхта

[illegible], а особенно iезуиты (тогда при король-iезуитъ они управляли Польшею) не согласились на справедливыя требованія козаковъ, и снова открылась война, война страшная, упорная — по тому самому, что фанатическая, — въ которой не щадили ни старцевъ, ни женщинъ, ни дѣтей; душили, топили, погребали заживо; а все это — A. M. D. G...... (ad majorem Dei gloriam). Нѣкогда, въ древнія времена святаго единства, шляхта и козаки служили въ однихъ рядахъ, для защиты общаго отечества; теперь, разъяренные хитрымъ фанатизмомъ, они истребляли другъ друга, оставляя за собою безлюдныя пустыни...... Это плачевное состояніе продолжалось до 1649 года, когда Хмельницкій заключилъ подъ Зборовымъ съ побѣжденнымъ королемъ Яномъ-Казиміромъ договоръ слѣдующаго содержанія: «а) чтобы козацкая автономія простиралась до рѣки Горынь, b) чтобы этотъ край очистить отъ iезуитовъ и жидовъ, с) чтобы греко-восточнымъ исповѣдникамъ дозволено было засѣдать въ сенатѣ; наконецъ, d) чтобы военная сила козаковъ состояла изъ 40,000.» Но спустя два года, Хмельницкій былъ побѣжденъ и принужденъ подписать въ Бѣлой-Церкви другіе пункты, которые, очевидно, не могли успокоить украинцевъ; тогда онъ эмигрировалъ съ козаками на лѣвый берегъ Днѣпра, и тамъ заложилъ козацкія колоніи съ городами Ахтыркомъ и Харьковомъ. Въ слѣдующемъ году, въ союзѣ съ татарами, Хмельницкій разбилъ подъ Батогомъ польскія войска, а подъ Жванцемъ — короля Яна-Казиміра, и заставилъ его подтвердить зборовскій трактатъ. Все это однакожъ ни къ чему не привело: латинскіе епископы угрожали распустить сеймъ, если рядомъ съ ними будутъ засѣдать въ сенатѣ сенаторы-диссиденты, — такъ сильно фанатизмъ и нетерпимость овладѣли тѣми людьми, которые, по своему призванію, должны были учить согласію и любви христіанской. Еще разъ пытались примириться въ Гадячахъ, примириться на такихъ условіяхъ, чтобы диссиденты русскіе пользовались въ Польшѣ и Литвѣ равными съ католиками правами; но этотъ трактатъ былъ нарушенъ, и козаки, въ отчаяніи, рѣшились лучше отдаться туркамъ, нежели оставаться подъ властью оiезуиченной Польши, что дѣйствительно совершилось при гетманѣ Дорошенко, конечно, не безъ вреда для Польши. Наше отечество, въ царствованіе Яна-Казиміра, продолжавшееся болѣе 20 лѣтъ, весьма упало, обѣднѣло; населеніе, по свидѣтельству историковъ, уменьшилось нѣсколькими миллionами; милліонъ [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] эмигрировало [illegible] [illegible] безчисленныя деревни, мѣстечки и села [illegible];

поля, иногда пахатныя, заросли лѣсомъ, и все это дѣлалось для славы Божіей, потому что іезуитизмъ, по своимъ началамъ, освящаетъ всѣ средства для достиженія цѣли, хотя бы самыя низкія, а этою цѣлію была идея католицизма. Начало, привитое къ невиннымъ шляхетскимъ дѣтямъ, воспитаннымъ въ іезуитскихъ конвиктахъ,—начало, что только шляхтичъ—человѣкъ, а селянинъ, простонародье—это человѣческій скотъ, созданный для цѣпа и плуга, — это начало вызвало притѣсненіе народа и пауперизмъ, какъ матеріальный, такъ и духовный. Не есть-ли это грѣхъ, вопіющій къ Богу объ отмщеніи,—грѣхъ противъ Духа Святаго?—Ибо кто эту искру, этотъ атомъ божества, въ своемъ ближнемъ, намѣренно опутываетъ мглою тьмы, вмѣсто того, чтобы путемъ развитія вести его къ высшему совершенству, того, по всей справедливости, слѣдуетъ предать проклятію...... Во всей странѣ школы диссидентовъ уничтожены; а въ католическихъ, кромѣ Альвара, не учили ничему полезному. Мѣсто древняго просвѣщенія, которымъ, по свидѣтельству Солиньяка *) наша рыцарская молодежь пристыдила французскихъ пословъ, при коронаціи Генриха-Валуа, мѣсто этого просвѣщенія заступила духовная тьма, до того огустѣвшая, что множество знатнѣйшей шляхты не умѣло даже ни читать, ни писать. И все это дѣлалось намѣренно; ибо знали, что человѣкъ образованный, какъ совершеннолѣтній по уму, высвободился бы изъ-подъ руководящей опеки, подъ которой хотѣли непремѣнно удержать его.

И не только русскихъ диссидентовъ, даже всѣхъ иновѣрцевъ преслѣдовали съ неслыханною строгостію. Ни одинъ изъ нихъ, хотя бы самый способный, не могъ получить государственной должности, не могъ служить отечеству. Подъ преобладающимъ вліяніемъ іезуитовъ, Янъ Казиміръ, на сеймѣ 1650 г., выхлопоталъ опредѣленіе, чтобы всѣхъ Аріанъ или Соціанъ выгнать изъ страны, что и было исполнено, во вредъ этой послѣдней. Не лучше было и въ царствованіе Сигизмунда-Августа II. Смерть почтеннаго бурмистра Торнскаго, случившаяся не безъ участія іезуитовъ, раздражила Европу; несмотря на то, тотчасъ же, по смерти Августа II, во время междуцарствія, снова запрещены диссидентамъ, на сеймѣ 1733 года, всѣ права на фактическое полученіе какого-бы то ни было чина или должности, какъ говоритъ Лелевель: «уже

---

*) Dzieje Polski k. 73.

давно отняты у нихъ всѣ гражданскія права, а вышеприведеннымъ сеймовымъ опредѣленіемъ даже de jure (юридически) лишали ихъ всего, «даже надежды найти справедливость у одноземцевъ и сограждань».

Среди этого нравственнаго упадка, Провидѣніе для блага отечества послало людей съ высокимъ чувствомъ. Ксендзъ-епископъ кіевскій, блажен. пам. Іосифъ-Андрей Замойскій, издерживалъ всѣ свои деньги на собраніе книгъ (не разъ обѣдъ этого магната состоялъ только изъ куска хлѣба и сыра), устроилъ такимъ образомъ книгохранилище, самое многочисленное въ то время въ Европѣ, и подарилъ его своему народу. Ксендзъ Станиславъ Конарскій, какъ піаристъ, исправилъ систему школъ, извращенную подъ исключительнымъ управленіемъ іезуитовъ. Однакожъ и эти метеоры не могли сдержать фанатическаго духа времени, и дѣло диссидентовъ, въ царствованіе Станислава-Августа, не улучшилось. Екатерина, видя Польшу такъ ослабленною, воспользовалась вѣковымъ религіознымъ споромъ для политико-завоевательныхъ цѣлей.

Въ 1766 году правительственною нотою она, въ согласіи съ Пруссіею, потребовала отъ Рѣчи-посполитой польской возвращенія диссидентамъ прежнихъ вольностей, т. е. чтобы они допущены были ко всѣмъ чинамъ и должностямъ, также, чтобы епископы и архимандриты русскіе, не-униты, засѣдали на сеймахъ. Эти требованія поддержала Англія, Данія и Швеція. Но мѣстная оппозиціонная партія, боясь, чтобы вольности диссидентовъ, вынужденныя натискомъ чужихъ государствъ на Рѣчь-посполитую, не перенесли этого преобладающаго вліянія, изъ политическихъ видовъ, и на остальныя учрежденія страны,—не улучшила участи честныхъ одноземцевъ; напротивъ епископъ краковскій Солтыкъ и папскій нунцій Висконти выступили противъ несчастныхъ диссидентовъ. Репнинъ, посланникъ россійскій, также не думалъ искренно объ исполненіи этихъ требованій,—потому что для Россіи религіозная распря служила уже теперь только средствомъ для политическихъ цѣлей,—онъ боялся, чтобы русскіе епископы не-униты, засѣдая дѣйствительно въ сенатѣ, не начали серьезно брататься съ Польшею.

До того времени іезуиты и многочисленные ихъ коадъюторы ссорили католиковъ съ диссидентами,—а съ этого момента Екатерина II начала ссорить диссидентовъ съ Рѣчью-посполитою. Россія, протежируя диссидентамъ, усиливала свое вліяніе въ Польшѣ съ 1766 года и апплодировала обрядовы-

жавшихся многочисленнымъ конфедераціямъ, которыхъ въ одной Литвѣ было 24, и которыя, очевидно, раздробляли силы Рѣчи-посполитой. Противъ конспираціи диссидентовъ съ врагомъ страны, т. е. съ Россіею, по внушенію папскаго нунція образовалась инсуррекція, подъ предлогомъ «bronienia poniżonego kościoła» (защищенія униженной церкви) и снова аппелировали къ религіозному фанатизму. Екатерина, знавшая обо всемъ этомъ отъ Репнина, вызвала въ 1765 году запорожскихъ козаковъ подъ предводительствомъ Желѣзняка, и 24 Іюня открылась эта несчастная рѣзня въ Уманѣ, которая взываетъ къ Отцу людей объ отмщеніи виновникамъ ея, стоящимъ выше обыкновеннаго уровня и вызвавшимъ ее намѣренно.

Не удивительно, что, при такомъ расторженіи общественныхъ отношеній, при этомъ раздѣленіи двухъ народовъ—братьевъ, Польша была скоро раздѣлена, и что несмотря на неоднократныя усилія возстановить самобытность нѣкогда столь великаго государства, самый знаменитый и самый искренній мужъ, какого имѣла Польша въ послѣднее время, блажен. пам. Костюшко вынужденъ былъ сказать эти отчаянныя слова: «Finis Poloniae» (конецъ Польшѣ).

IV.

Discite justitium moniti, et non temnere gentes.
(Научитеть, совѣтники, справедливости и не осуждайте народовъ).

Обслѣдовавши такимъ образомъ историческую правду, т. е. пересмотрѣвши «acta и facta» нашего спора, мы, надѣюсь, узнали въ самозамкнутомъ, но очень развѣтвленномъ іезуитизмѣ, нашего врага, ползающаго подъ скромною маскою патріотизма. Тотъ самый іезуитизмъ, который произвелъ рѣзню Гугенотовъ во Франціи, который, при содѣйствіи инквизиціи, названной «святою обязанностію, сожигалъ заживо иновѣрцевъ, который вызвалъ религіозную войну въ Германіи, этотъ же самый духъ средневѣковаго фанатизма преслѣдовалъ въ древней Польшѣ русскихъ диссидентовъ, и привелъ Русь къ нравственному упадку, а Польшу къ потерѣ политической самостоятельности. Мы можемъ съобща проклинать его, но продолжать народный споръ во второй половинѣ 19 вѣка, когда просвѣщеніе привело насъ къ самосознанію и зрѣлости,—

значило бы доказывать нашу умственную незрѣлость и доставлять торжество ползающему и вѣчно ссорящему насъ іезуитизму. Что только духъ фанатизма и средневѣковой тьмы — виновникъ нашего общаго несчастія, и никто другой,—это дѣло несомнѣнное; ибо (спрашиваю): если въ древнія времена, когда справедливость и равноправность одушевляли управленіе Рѣчипосполитой,—если тогда Русь и Польша могли жить въ святомъ согласіи,—отчегожъ, съ несчастнымъ появленіемъ Поссевина, это согласіе и единство перешло въ ссору, доходившую до ненависти, а теперь представляющую несносную противоположность и дѣйствительный разрывъ?..... Изъ этихъ видовъ сожалѣнія къ справедливымъ русскимъ, надлежитъ признать и загладить старыя обиды, на сколько это возможно въ настоящее время. Русь жалуется и справедливо, что подъ власть Польши она пришла какъ народъ комплектный, отправляющій само собою всѣ отрасли гражданственности, богатый и свѣтлый, а по раздѣлѣ Польши, вышла темною, бѣдною, безъ своихъ магнатовъ, и заступниковъ, безъ этой красы народной, заскорлупѣвшіе остатки своей народности въ равно нечистыхъ, равно бѣдныхъ, равно униженныхъ хлопѣ и попѣ,—какое названіе даже теперь можно слышать въ какомъ угодно дворѣ польскаго шляхтича. За это несчастіе, за это униженіе мы благодаримъ одно несчастное, но преобладающее вліяніе іезуитизма; тѣмъ не менѣе, однакожъ, русскіе князья, магнаты и шляхта, воспитанные вмѣстѣ съ польскою шляхтою—братьями, въ школахъ, управлямыхъ іезуитами, старавшимися ополячить Русь путемъ латинизаціи,—отреклись отъ своей народности, и, какъ аристократія, соединенная родственными узами съ польскими домами, перешли въ католицизмъ. А это вліяніе іезуитизма продолжалось два тяжелыхъ, несчастныхъ столѣтія, и въ это-то время Русь потеряла своихъ, славныхъ нѣкогда, магнатовъ, тѣхъ привилегированныхъ сыновъ народа, которые должны были защищать свой людъ, какъ существенно связанные съ нимъ своимъ значеніемъ, имѣніемъ и смысломъ,—людъ, трудами рукъ своихъ обогащавшій ихъ столько вѣковъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ и до настоящаго времени уцѣлѣвшая народная поговорка: «bez chłopa nie będzie snopa», и русская, еще болѣе выразительная: «колибъ не хлопъ, та не вілъ, не булобъ панівъ....» Обида Руси, приготовленная ей на этомъ пути, невыразимо велика: лишить 15 милліоновъ народа предводителей и заступниковъ, отнять у него этимъ самымъ «дѣйство и просвѣщеніе», а потомъ насмѣхаться надъ

нимъ, надъ его темнотою и бѣдностію,—это каждый, конечно, назоветъ несправедливостію, даже болѣе, чѣмъ феодальнымъ грабежемъ,—дѣйствительнымъ моральнымъ—убійствомъ.

И польская аристократія, какъ свидѣтельствуетъ исторія, начала было съ 1250 года германизоваться, ввела наряды, разговоръ и обычаи нѣмецкіе. Папы думали,— какъ утверждаютъ лѣтописцы, «что такимъ образомъ они, какъ высшія существа будутъ отличаться отъ простонародья.» Во всей Силезіи, во всѣхъ большихъ городахъ въ Познани, даже въ Краковѣ, говорили и писали по-нѣмецки. Города, организованные на правахъ нѣмецкихъ, обнаруживали готовность подчиниться власти нѣмецкаго Императора, — словомъ, Польша стала на краю той пропасти, гдѣ угрожала ей потеря независимости и народности, и только народный, чисто польскій клиръ спасъ эти сокровища переводомъ отечественной исторіи, писанной по-латыни, на языкъ польскій, введеніемъ этого послѣдняго въ школы и совершеннымъ удаленіемъ, даже запрещеніемъ нѣмецкаго. Если-же мы благодаримъ польскій клиръ за спасеніе нашей народности, и смотримъ на это дѣло, какъ на величайшую заслугу, то будемъ справедливы, и тою - же самою мѣрою, какою мѣримъ себѣ, возмѣримъ и нашимъ братьямъ; зачѣмъ считать преступленіемъ сохраненіе и развитіе руссицизма, когда у насъ подобное дѣло считалось и считается добродѣтелью?

Если мы съ гордостію воспоминаемъ о своихъ архипастыряхъ, создававшихъ или поддерживавшихъ нашу литературу; если мы учимъ дѣтей своихъ произносить съ уваженіемъ и благоговѣніемъ дорогія для насъ имена Нарушевичей, Красицкихъ, Коперниковъ, Залускихъ и т. п.,—позволимъ-же и русинамъ уважать сановниковъ своей іерархіи, имѣвшихъ вліяніе на умственное развитіе руссицизма, тѣмъ болѣе, что теперешняя Русь, не имѣя богатой шляхты, въ нихъ однихъ находитъ свою опеку. Желаніе полонизовать Русь, эта идея іезуитизма, ведущая свое начало отъ Сигизмунда-Шведа, проводимая съ полнымъ безпристрастіемъ въ теченіе двухъ тяжелыхъ столѣтій и продолжающаяся даже теперь, эта идея, это желаніе были и всегда будутъ безплодны, потому что Русь имѣетъ свою «русскую литургію,» все христіанское богослуженіе отправляетъ на языкѣ русскомъ; и потому до тѣхъ поръ будетъ русскою, пока будетъ христіанскою. А такъ-какъ христіанство — дѣло Божіе, будетъ существовать до скончанія вѣка, то и Русь, держась этой святой вѣры, будетъ всегда исповѣдывать ее русскими словами, и слѣдовательно никогда не можетъ выступить изъ

своей народности. Впрочемъ будемъ справедливы: если намъ непріятно, что нашихъ братьевъ—въ Познани усиливаются онѣмечить, а въ Россіи—омосквитить; то не будемъ стараться полонизовать русиновъ, пока душею и сердцемъ прильнутъ къ намъ, какъ къ роднымъ братьямъ общей славянщины; въ противномъ случаѣ, — они справедливо будутъ видѣть въ исключительномъ введеніи полонизма въ школы дальнѣйшее продолженіе своихъ несчастій, такъ болѣзненно испытанныхъ подъ натискомъ іезуитизма, который радуется теперь тому, что борцы, въ своемъ порывѣ, перешли съ почвы религіозной на почву гражданскую, и ссорятся—несмотря на «народную равноправность,» обезпеченную словомъ свѣтлѣйшаго Государя о народномъ преферансѣ, который, очевидно, не можетъ имѣть мѣста при началѣ равноправности.

Если-же Русь, подъ управленіемъ оезуиченной Польши, понесла столько обидъ; то, для возстановленія согласія и единства, иниціатива должна быть сдѣлана съ нашей стороны, и, по закону справедливости, мы должны искренно подать братскую руку русинамъ съ обѣтомъ отказаться отъ всякаго надъ ними господства. Ясно, поэтому, что въ восточной Галиціи правительственныя лица обязаны непремѣнно знать польскій и русскій языки, чтобы они могли удовлетворять—устно и письменно — государственнымъ, правительственнымъ потребностямъ той и другой народности; требовать отъ правительственнаго лица этой лингвистики — совершенно справедливо; потому что чиновникъ, получающій плату отъ страны, обязанъ принаровляться къ ней, а не она къ нему.

Что-же касается школъ, здѣсь является то-же самое отношеніе, какое существуетъ между говорящимъ и слушающимъ, т. е. говорящій или учитель долженъ бесѣдовать съ слушателями, особенно съ учащеюся молодежью, не на чужомъ, а на ихъ собственномъ, народномъ языкѣ. Школы дѣлятся на народныя т. е. сельскія и уѣздныя, и на школы высшія—земскія. Въ школы народныя и уѣздныя, съ очень малымъ исключеніемъ, всегда поступаютъ дѣти или русскія или польскія; слѣдовательно удобнѣе обучать ихъ на языкѣ природномъ; въ школахъ-же высшихъ, т. е. въ техническихъ и гимназическихъ, — какъ въ заведеніяхъ образовывающихъ будущій средній классъ той и другой народности, слѣдуетъ равно употреблять языкъ польскій и русскій, неизбѣжно нужный для мѣстныхъ жителей; наконецъ во всѣхъ отдѣлахъ университета, гдѣ дѣло идетъ не о сообщеніи текущихъ «свѣдѣній» (wiadomości), необходимыхъ наж-

дому въ настоящемъ вѣкѣ, а о пріобрѣтеніи «знаній» (umiejętności) въ полномъ значеніи этого слова,—тамъ, очевидно, будетъ совершенно справедливо принаровляться къ численному большинству слушателей, принадлежащихъ той или другой народности: такое принаровленіе никому не повредитъ, потому что изъ приготовительныхъ школъ всѣ вынесли достаточное знаніе польской и русской рѣчи. Такимъ образомъ, какъ нельзя изъ-за пяти поляковъ навязывать 50-ти русинамъ изложеніе ученыхъ предметовъ на исключительно польскомъ языкѣ,—такъ точно изъ-за пяти русиновъ, при большей въ 10 разъ численности поляковъ, нельзя требовать изложенія исключительно русскаго: такое положеніе было-бы не «равноправностію,» а господствомъ, и я увѣряю, что, если мы будемъ спорить о преобладаніяхъ языка, то правительственная власть,—для примиренія насъ, принуждена будетъ удержать языкъ нѣмецкій, ибо «inter duos litigantes tertius gaudet» (гдѣ два дерутся, тамъ третій смѣется).

V.

O! quam bonum et jucundum, habitare fratres in unum.
(Какъ хорошо и пріятно жить братьямъ въ единствѣ!)

Я хочу поговорить еще объ одномъ, очень важномъ вопросѣ, и земскому сейму надлежало бы заняться этимъ вопросомъ самимъ добросовѣстнымъ образомъ; потому что отъ удачнаго рѣшенія его зависѣло бы единство русиновъ и поляковъ de facto, которое, безъ этого, было бы только de nomine; вопросъ этотъ — положеніе католическаго клира обѣихъ исповѣданій. Извѣстно вообще, что послѣ брестской уніи, клиру русскому предоставлены были тѣ-же права и привиллегіи, какими пользовался и пользуется клиръ латинскій; это подтверждаютъ рескрипты королей польскихъ *), наконецъ во всемъ этомъ увѣряетъ конкордатъ, заключенный ме-

---

*) Какъ-то: короля Сигизмунда III, 5-го Сентября 1621 г.,—короля Яна III, отъ 18 Марта 1681 г.,—короля Августа II, отъ 15 Іюня 1700 г.,—императора Іосифа II, отъ 1782, § 18,—императора Леопольда II, отъ 8 Іюля 1790,—папскія буллы: Венедикта XIV «Allatae sunt,» Климента VIII «Decet Romanum Pontificem» отъ 1595 г. и «Magnus Dominus noster» отъ 1596 г.

жду свѣтлѣйшимъ нашимъ Монархомъ Франциском-Іосифомъ II и св. отцемъ Піемъ IX, 1855 г., въ артикулѣ XXVI.—На бумагѣ даже слишкомъ много доказательствъ «этой вожделѣнной равноправности;» но существуетъ-ли она на дѣлѣ? Могу сказать рѣшительно: нѣтъ!

Латинскій клиръ всегда присвоиваетъ себѣ какой-то родъ господства; какое-то воображаемое превосходство. Священникъ велитъ называть себя *пробощемъ*, названіемъ страннымъ, потому что совершенно не польскимъ,—а тогда какъ самъ, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, называетъ своего русскаго товарища, *попомъ*, можетъ быть потому, что этотъ послѣдній молится «русскою литургіей» тому самому Богу, съ которымъ ксендзъ пробощъ бесѣдуетъ дурною латынью, иной разницы не вижу. Во времена средневѣковыя ксендза уважали за его черную сутанну, но теперь мы уважаемъ въ немъ способности ума и качества сердца, и только онѣ одни должны быть барометромъ, опредѣляющимъ степень превосходства того или другаго народнаго учителя. «Безспорно, что въ древней Польшѣ, даже во время бресть-литовской уніи клиръ русскій стоялъ на низкой степени просвѣщенія, да иначе и немогло быть; вѣдь извѣстно изъ дѣлъ нашихъ, что всѣ школы диссиндентовъ de facto были закрыты, а этими диссиндентами были и руссины, гдѣ же могли они образоваться, а необразованные; какъ могли они домогаться «равноправности», когда собственный, внутренній голосъ увѣралъ ихъ въ дѣйствительной къ тому неспособности. Но теперь, когда заботами правительства русская и польская молодежъ, готовящаяся къ духовному сословію, получаетъ одно и тоже воспитаніе, продолжающееся тяжелыхъ 16-тъ лѣтъ, и по окончаніи богословскаго отдѣла, съ равнымъ образованіемъ начинаетъ также равное свое дѣло, слишкомъ важное,— ибо это дѣло есть «воспитаніе и наученіе народа», т. е. приведеніе его къ сознанію въ себѣ человѣческаго достоинства и къ любви своей народности,—теперь, говорю, это воображаемое различіе не имѣетъ ни малѣйшей логической основы и существуетъ совершенно не кстати. Спрашивается: неужели клиръ русскій, этотъ истинный кормилецъ и учитель своего народа, окруживши себя «русскою литургіей», какъ китайскою стѣною, чрезъ которую ни одинъ антинародный самозванецъ (intruz) не можетъ пробраться къ іерархіи русской,—неужели этотъ клиръ не соотвѣтствовалъ и не соотвѣтствуетъ своей задачѣ? неужели клиръ русскій, который женится по примѣру св. апостоловъ, всѣхъ вообще (кромѣ юнаго св. Іоанна) женатыхъ,

включая сюда даже св. ап. Петра (наслѣдника котораго мы уважаемъ въ лицѣ св. отца римскаго), и который не хотѣлъ отказаться отъ этого права ни на Соборѣ Флорентійскомъ, ни въ Брестѣ-литовскомъ, и непринялъ, какъ conditio sine qua non, ига целибата, неужели клиръ русскій, будучи мужемъ и отцемъ семейства и тѣмъ самымъ нераздѣльно связанный съ родною стороною, имѣющій практическія понятія о любви къ отечеству, долженъ быть хуже своихъ товарищей латинскаго исповѣданія, которые чаще выходятъ не изъ поляковъ, а изъ выходцевъ нѣмецкихъ, чешскихъ, моравскихъ, изъ Силезіи, изъ Венгріи и Богъ вѣсть изъ какой части свѣта, часто избираютъ духовное званіе «propter esum, non propter Jesum», (для прокормленія, а не для Іисуса) и обогащаются на польскихъ пробоствахъ, — щедро дарованныхъ нашими магнатами ксендзамъ-одноземцамъ, — чтобы потомъ, собраннымъ здѣсь имѣніемъ снабжать отдѣльныхъ членовъ своей фамиліи, за границей.

Поэтому, продолжать теперь разность между латинскимъ и русскимъ капланомъ, разность, сохранившуюся по преданію, прямая несправедливость, уступка іезуитизму, который ссорилъ Русь и Польшу, привелъ ту и другую къ упадку, и даже теперь, своею гордостію и надутостію, противодѣйствуетъ разумному и справедливому ихъ соединенію. Одноземцы! Долго-ли мы, во вредъ самимъ себѣ и въ обиду для Руси—какъ нѣкогда отцы наши—будемъ служить орудіемъ ультрамонтанизма, продолжая этотъ споръ, начавшійся по фанатизму религіозному, кончившійся фанатизмомъ политическимъ, а теперь воскрешенный подъ маскою фанатизма народнаго? Вѣдь это одна и та-же гидра іезуитизма, перемяняющая только свой видъ. Въ древности, до смерти почтеннаго короля Сигизмунда Августа, во время единства и братскаго согласія, основаннаго на безкорыстной «вѣротерпимости», когда Русь была болѣе русскою, чѣмъ теперь, ибо іезуитизмъ не выловилъ еще ея магнатовъ и шляхты,—когда она была еще дисунитскою, зависящею въ дѣлахъ религіозныхъ не отъ Рима, а отъ цареградскаго патріарха,—въ эти времена, говорю, когда насъ не соединяло еще единство вѣры, оба народа образуя одну цѣльную Рѣчь-посполито-польскую, жили по началу «равноправности», обезпечивающей ту и другую народность, какъ прилично братьямъ. Какъ же скоро, послѣ собора Тридентскаго, начались обращенія (конверсіи) на Руси, вмѣстѣ съ ними начались и несчастія, и даже теперь, по заключеніи уніи, по

соединеніи съ Римомъ, сохраняется еще этотъ антагонизмъ, потому что іезуитизмъ поставилъ своимъ началомъ «олатинизованіе Руси.» Какъ человѣкъ свѣтскій, я не вхожу въ тонкости догматической схоластики, а разумѣю подъ уніей, сообразно латинской этимологіи, «единство, единеніе». Если-жъ между Польшею и Русью существуетъ «религіозное единство», для чего же этотъ «сепаратизмъ», для чего эти кое-гдѣ построенныя рядомъ съ русскою церковію, миніатюрныя латинскія каплички, въ волостяхъ чисто русскихъ? Не суть ли это дѣйствительныя «самоловки» для ловленія русскихъ снигирей, т. е. людей, не имѣющихъ никакого личнаго взгляда, а воспринимающихъ только памятію чужія мысли, людей низкихъ, которые, неимѣя способности заслужить честь и славу между одноземцами, льнутъ, какъ паутина къ чужой народности, чтобы ея блескомъ прыкрыть свою ничтожность? Нелучше ли было бы доказать народу *самымъ дѣломъ это религіозное единство,*—ибо гдѣ *преферансъ,* тамъ нѣтъ единства...........

Пока римско-католическій клиръ, будутъ считать чѣмъ-то лучшимъ потому только, что онъ, на землѣ славянской, хвалитъ Бога не языкомъ народа, а латынью, пока земскій гражданинъ, часто весьма ополяченный русинъ, послѣ шумнаго привѣтствія латинскаго *пробоща,* будетъ обращаться къ своему мѣстному «плебану» съ этими, какъ бы нехотя произносимыми, словами: «niech Jegomość siada»; дотолѣ не будетъ единства, потому что въ самомомъ корнѣ лежитъ уже «раздвоеніе», раздвоеніе, тѣмъ болѣе ощутительное для русскаго священника, если, въ добавокъ, къ несчастію, природа надѣлила его излишнею чувствительностію.

Богатыя латинскія бенефиціи въ восточной Галиціи, надѣленныя преимущественно русскою олатинизованною шляхтою, заключаютъ въ себѣ иногда и по двѣ деревни, тогда какъ, напротивъ, бенефиціи русскія—бѣдны, а что владѣтелю деревни принадлежитъ также право патроната, что русскій священникъ, хлопочущій о «презентахъ»,—когда имѣніе, принадлежащее къ латинскому пробоству, русское,—долженъ смиряться предъ своимъ товарищемъ, который гордостію своею и надутостію даетъ чувствовать ему свое превосходство, если не умственное, то матеріальное, и ставитъ «своему брату о Христѣ» условія, унижающія его санъ и противныя его обязанностямъ...... Этой несообразности вы ненайдете ни въ одной декастеріи мѣстныхъ чиновниковъ, къ которымъ, очевидно, нужно причислить и священниковъ.—Одна и таже страна плю-

титъ какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ чиновникамъ,—однимъ, при посредствѣ мѣстныхъ податныхъ доходовъ, готовою монетою, другихъ—снабжаетъ фундаціями, какія давали наши предки-одноземцы для содержанія духовенства; то и другое—имущество страны. Если же священники обоихъ исповѣданій имѣютъ равныя способности, равное призваніе, равную дѣятельность въ странѣ и наконецъ равную отвѣтственность, для чего же они отъ этой же страны не получаютъ одинаковой платы;—для чего одни утопаютъ въ довольствѣ, а другіе,—въ нищетѣ, ежедневно орошаютъ своими слезами чорный хлѣбъ? Или работникъ русскій дешевле, чѣмъ латинскій, трудящійся въ одномъ и томъ же господнемъ виноградникѣ?.......... Мы, люди свѣтскіе, болѣе справедливы; мы даемъ своимъ чиновникамъ равную плату, несмотря на ихъ народность, исповѣданіе; а примѣняясь только къ ихъ дѣятельности и ступени. Братья! discite justitiam moniti........ будемъ справедливы! Отъ самаго завоеванія Руси мы постоянно желали *концессіи* отъ нея; проникнуты фанатизмомъ, мы позволили іезуитизму преслѣдовать ее; подъ его всемогущимъ вліяніемъ и при нашей твердой государственной опекѣ, Русь потеряла своихъ магнатовъ и шляхту; ее принудили къ принятію уніи, предоставивши себѣ, при единствѣ вѣры, не единство т. е. не равенство въ содержаніи клира. Братья! этимъ путемъ мы не прійдемъ къ цѣли; наша поговорка учитъ насъ: «że dobre pamięta się długo, a złe jeszcze dłużej» (доброе помнится долго, а злое еще долѣе). Австрія подняла русиновъ и пріобрѣла въ нихъ лучшихъ патріотовъ, какими не можетъ похвалиться ни въ высшихъ ни въ низшихъ Ракузахъ, ни въ Тиролѣ, ни даже въ самой Вѣнѣ.

По моему мнѣнію, чтобы пріобрѣсть Русь, намъ нужно сблизиться съ нею, потому что все, что ни дѣлалось и ни дѣлается доселѣ, стремится къ раздвоенію, а не къ соединенію. Во времена барщины намъ дана была власть патримоніальная, такъ называемая «Dominium.» На основаніи этого политическаго учрежденія, *доминиканый* представитель, какъ органъ правительства, собиралъ подати, вынуждалъ этотъ наборъ экзекуціей, ставилъ рекрутовъ, гналъ на барщину (szarwark) и проч.; а селяне, «in simplicitate cordis» не зная того, что «доминіумъ» дѣлаетъ это по порученію правительства и для правительства, видѣли въ своемъ бывшемъ владѣтелѣ и его намѣстникѣ, т. е. повелителѣ единственнаго притѣснителя. По прекращеніи барщинныхъ и доминиканныхъ отношеній, дво-

рянство, вмѣсто того, чтобы соединиться съ народомъ (gmin-nami),. чтобы вести сельскихъ одноземцевъ по пути прогресса и тѣмъ самымъ пріобрѣсть ихъ довѣріе, отдѣлилось, какъ каста браминовъ, отъ своихъ бѣднѣйшихъ братьевъ, оставивши ихъ открытыми для наговоровъ нашихъ враговъ, въ рукахъ которыхъ этотъ несчастный сепаратизмъ является обоюднымъ оружіемъ, такъ что малѣйшее сближеніе между собою шляхты для цѣлей ученыхъ или мѣстно-хозяйственныхъ, представляется уже народу возстаніемъ, желаніемъ возстановить «шляхетскую Польшу съ ея вислицкимъ статутомъ,» Польшу, которой не можетъ пожелать ни польскій, ни русскій мужичокъ,—qui potest capere, capiat (кто можетъ понять, пусть пойметъ)....... Отсюда является неизбѣжная потребность уничтожить этотъ сепаратизмъ и ввести святую патріархальность, какая существовала прежде въ славянщинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ позаботиться объ образованіи отдѣльныхъ массъ въ духѣ чисто народномъ; а такъ-какъ священники—исключительные учители народа, поэтому, только одноземцы должны быть у насъ пастырями душъ, чему благой примѣръ мы видимъ въ духовенствѣ русскомъ. Для этой цѣли я совѣтовалъ бы полякамъ просить св. отца о соизволеніи на «литургію польскую,» потому что литургія, замкнутая въ латинизмѣ, не мирится съ понятіемъ «вселенской церкви,» является абсолютизмомъ,—злоупотребленіемъ власти, монархическою тираніею, навязывающею католическимъ народамъ мертвый, непонятный языкъ. Литургія латинская, говорю, является для польскихъ массъ тѣмъ-же самымъ, чѣмъ — театральное представленіе италіанской оперы, въ которой полякъ не можетъ понять ни одного слова; а между тѣмъ Богъ хочетъ соединить не всѣ вѣры въ единствѣ языка, а всѣ языки въ «единствѣ вѣры.» Если греки, русины, румины, марониты, копты, имѣющіе св. литургію на своихъ народныхъ языкахъ, не перестаютъ однакоже быть искренними католиками, отъ чего-жъ мы поляки, не можемъ имѣть литургіи, понятной для нашего народа? Если Вуекъ перевелъ намъ св. писаніе на языкъ отечественный, то несомнѣваюсь, чтобы нашъ образованный языкъ не могъ быть достаточнымъ для церковнаго отправленія всѣхъ обрядовъ святой вѣры. Это былъ-бы истинный успѣхъ католицизма, согласный съ желаніемъ каждой народности и приносящій вмѣстѣ съ тѣмъ благіе плоды истинной набожности. Католицизмъ на этомъ пути не понесетъ никакого ущерба, напротивъ, онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть, т. е. будетъ «вселенскимъ,» централизующимся въ «римскомъ еди-

ствѣ и связывающимъ насъ общимъ нераздѣльнымъ узломъ истинной и христіанской любви, сообразно съ духомъ св. писанія и ученіемъ св. Августина, который убѣждаетъ всѣхъ насъ къ согласію и любви братской этими словами: «In principiis unitas, in dubio libertas, in omnibus autem charitas.» (Въ началахъ— единство, въ сомнѣніи—свобода, во всемъ же—любовь). Дурно поняли это славное превосходство католицизма, когда хотѣли услужить ему истребленіемъ иновѣрцевъ. Католицизмъ, какъ дѣло Божіе, — не коранъ, который нуждался, для своего расширенія, въ огнѣ и мечѣ; онъ не имѣлъ нужды ни въ инквизиціи съ пылающими кострами, ни въ войнахъ религіозныхъ, ни въ тѣхъ разнообразныхъ унизительныхъ преслѣдованіяхъ, какія іезуитизмъ привилъ къ нашей славянщинѣ, для обращенія русскихъ диссидентовъ; ему, наконецъ, и теперь, — смѣло могу сказать это, — не нужно замыкаться въ конкордатъ, имѣющій своею цѣлію—отчужденіе въ жизни и по смерти отъ такъ называемыхъ иновѣрцевъ, коихъ нельзя было истребить ни огнемъ, ни мечемъ, самое очевидное доказательство, что такое оружіе католицизма несогласно съ ученіемъ св. писанія, и этими кроткими словами Спасителя міра: «Discite a me quoniam sum mitis et humilis corde.» (Научитесь у меня, потому что я кротокъ и смиренъ сердцемъ). Если католицизмъ и лютеранизмъ, въ духѣ конкордатоваго сепаратизма, будутъ вѣчно уклоняться другъ отъ друга, они никогда не встрѣтятся....... Мы знаемъ, что целибатъ и злоупотребленіе индульгенціями вызвали лютеранизмъ; будемъ-же просить св. отца, чтобы онъ возстановилъ древнюю церковную практику, существовавшую до Григорія VII, и не пройдетъ столѣтія, какъ лютеранизмъ ослабѣетъ самъ собою, а мы не будемъ принуждены повторять поэмы: «Limina tua ne intret monachus, miles, aut quacunque lege ligatus sacerdos.......» (Въ предѣлы твои не войдетъ монахъ, воинъ и никакимъ закономъ не связанный священникъ). Имѣя такимъ образомъ то и другое, т. е. польскую литургію и ту вольность для нашихъ священниковъ, которую св. отецъ благоволилъ удержать для клира русскаго и до настоящаго времени, мы можемъ надѣяться, что по удаленіи этого яблока раздора, при равномъ уваженіи и содержаніи нашего общаго чисто-народнаго клира, Русь и Польша соединятся нѣкогда въ одно цѣлое...

IV.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ,

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ,

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

И СЫНА ЕГО

ВОЛОДИМІРА.

(Продолженіе).

IV.

ВСТРѢЧА ПОДРУГЪ НА АСКОЛЬДОВОЙ МОГИЛѢ И МЕСТЬ КОЗАРКИ.

Небо было покрыто тучами, мракъ былъ гробовой. Порывистый вѣтеръ разносилъ въ воздухѣ смрадный запахъ гніющихъ труповъ. Дышать было такъ тяжело, какъ заживо погребенному въ могилѣ. Раскаты грома неумолкали ни на одну минуту; зигзаги молніи бороздили небо по всѣмъ направленіямъ и мертвеннымъ свѣтомъ озаряли сплошный черный боръ и такой же градъ, среди коего вызвышался деревянный богъ молніи и грома. Въ полночь вѣтеръ перемѣнилъ направленіе и сдѣлался слабѣе. Тучи быстро разсѣялись. Громъ утихъ, и на востокѣ, на темно голубомъ небѣ, ярко заблистала утренняя звѣздочка и потомъ востокъ покрылся золотисто-пурпурною пеленою. Въ воздухѣ разлилось упоительное благоуханіе; близокъ былъ уже восходъ солнца. Таковъ былъ и разсвѣтъ христіанства на Руси, послѣ смрадной ночи славянскаго, идольскаго многобожія.

Быстро шла Алла по берегу Почайны, къ Аскольдовой могилѣ, и нагія ноги ея утопали въ высокой зелени, облитой каплями ночнаго дождя. Помѣстамъ приходилось Аллѣ переходить кристальныя струи ручьевъ, вытекавшихъ изъ-подъ пещаныхъ холмовъ, въ струяхъ кото-

рыхъ отражалась она, какъ въ зеркалѣ. Помѣстамъ входила она въ чащу бора и длинная тѣнь отъ нея бѣжала вслѣдъ за нею, пробѣгая по стволамъ сосенъ и зеленой муравѣ.

Алла была задумчива; судьба ребенка занимала ее болѣе всего въ мірѣ. Пройдя отъ своей клѣти довольно значительное пространство и миновавъ Почайну, Алла поднялась на возвышенность и вошла въ чащу лѣса, въ которомъ росли березы, и изрѣдка клёны и липы. Березы составляли почти весь лѣсъ, начинавшійся у возвышенности Угорской и продолжавшійся вдоль Днѣпра, по прибрежнымъ его возвышенностямъ. Въ лѣсу птички привѣтствовали восходъ солнца тысячами голосовъ.

Когда Алла вошла въ густоту лѣса, ей стало страшно: дикія и совершенно неизвѣстныя мѣста; никакой тропинки, и густота вѣтвей такая, что шагу нельзя было сдѣлать не раздвигая ихъ. Слетитъ ли съ куста испуганная появленіемъ Аллы проснувшаяся птичка, и Алла задрожитъ. Упадетъ ли сухая вѣточка съ вершины дерева и Алла онѣмѣетъ отъ испуга. Но кое-какъ преодолѣвъ всѣ препятствія, Алла поднялась уже на возвышенное Угорье и ступила на широкую площадь вершины холма. Лучи солнца, подымавшіеся въ голубую чашу неба, проникали сквозь чащу лѣса и освѣщали путь Аллы. Среди кустовъ извивалась узенькая тропинка. Пройдя по ней, Алла вдругъ остановилась. Вблизи ея послышалось тихое пѣніе. Алла вслушивается. Пѣніе то стихало, то раздавалось довольно громко.

Это пѣніе влило неземную отраду въ растерзанное сердце Аллы. Оно впервые коснулось ея языческаго слуха и Алла незнала, гдѣ она— на небѣ или на землѣ. Она незнала, что ей предпринять: идти ли туда, откуда неслись къ ней звуки пѣнія, или скрыться въ густотѣ кустовъ и ожидать минуты, въ которую утихнетъ послѣдній звукъ пѣнія. Долго— долго Алла не рѣшалась, что ей предпринять, наконецъ быстро пошла впередъ и подъ ея ногами затрещали сухія вѣтви, упавшія съ деревьевъ. Этотъ трескъ пугалъ ее, она осматривалась вокругъ себя и порывисто бѣжала.

Нежданно, шагахъ въ пяти, впереди себя она увидѣла что то бѣлое, быстро двигавшееся впередъ. Алла вообразила, что на нее устремилась стая волковъ. Пугливо всматривается, однакоже, въ предметъ и явственно замѣчаетъ женщину, покрытую длиннымъ бѣлымъ платомъ и окутанную темною мятлею; далѣе она замѣчаетъ, что женщина собираетъ ягоды. Сильно трепетавшее сердце Аллы успокоивается. Тропа, по которой шла Алла тянулась къ тому мѣсту, гдѣ она увидѣла женщину. Алла сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, потомъ вдругъ остановилась и, всплеснувши къ верху руками, радостнымъ голосомъ вскричала:

Олель, Олель! это ты? Олель, Олель это ты, это ты, я тебя узнала!.... И Алла обратилась къ женщинѣ, которая въ то время, наклонясь, срывала въ кустѣ ягоды.

Женщина приподнялась, быстро взглянула на Аллу и радостно вскрикнула:

— Алла, Алла, это ты!... Подруги сблизились. Робкая Олель хотѣла было убѣжать; Алла успѣла схватить ее за конецъ мятли.

— Не уходи Олель, не уходи, я всего здѣсь страшусь.

Олель молчала, на лицѣ ея рисовалось какое-то непонятное чувство: и боязнь и дикость и вмѣстѣ съ тѣмъ радостная улыбка пробѣгала на ея устахъ; замѣтно было, что неожиданная встрѣча съ Аллою сильно ее встревожила. Дикій взоръ, грубыя тѣлодвиженія, безмолвіе, и желаніе скрыться отъ подруги, доказывало, что Олель истая дочь лѣса, что она находится въ своемъ природномъ жилищѣ, за которымъ такъ долго изнывала, живя въ клѣти Костаря.

— Ты такая суровая, такая молчаливая Олель. Скажи хотя, что ты дѣлаешь здѣсь?

— Ничего, холодно произнесла подруга.

— Вижу, я тебѣ не мила, я тебѣ не люба. А помнишь ли, какъ весело жили мы, когда тебя привезли въ градъ.

Олель склонила голову на грудь, надвинула брови на глаза и молчала. Казалось, слова Аллы были для нея крайне непріятны.

— Олель, я несчастная мать, помоги мнѣ. Я вижу, ты здѣсь живешь. Ты хорошо знаешь въ этомъ лѣсу всѣ мѣста; ты, вѣроятно, знаешь, гдѣ живетъ старый волхвъ крещеныхъ.

— Волхвъ крещеныхъ? Для чего тебѣ нужно знать, гдѣ онъ живетъ?

— Олель, Олель, воскликнула Алла, покачивая головою. Ты все узнаешь, скажи мнѣ, гдѣ онъ живетъ?

— У крещеныхъ нѣтъ волхва, а есть *попъ*. Онъ живетъ тамъ, подъ холмомъ.

Олель указала подругѣ рукою ближайшій откосъ песчанаго холма, на вершинѣ коего густой, зеленый лѣсъ тянулся вверхъ высокою стѣною.

— Олель, что ты здѣсь дѣлаешь?

— Ничего,—повторился прежній холодный отвѣтъ подруги.

— Чѣмъ ты кормишься?

— Ягодами, грибами, достаю изъ дуплъ медъ, а зимою страву мнѣ даютъ крещеные.

— Ты забыла сына....

— Соски ему ненужно, онъ и безъ меня выроститъ.

— Видишь ли ты его когда либо?

— Не вижу и видѣть не хочу.

— А крещеныхъ видишь?

—Вижу, они добрый люд.

—Добрый? ты бываешь въ ихъ клѣтахъ?

—Бываю и многихъ очень хорошо знаю. Вчера великая княгиня здѣсь была и сегодня пріѣдетъ. Сегодня у крещеныхъ *треба, великая треба;* будутъ крестить дитя, которое нашли на порогѣ клѣти попа.

—Какъ это крестить? съ видимымъ испугомъ спросила Алла.

—Ты испугалась, ты какъ мертвая, что съ тобою? Не твое ли дитя? Великая княгиня повелѣла непремѣнно узнать, кто мать дитяти. Она говоритъ попу, что Богъ послалъ это дитя крещенымъ, и если мать изъищется, да еще перунщица, то ее непремѣнно надобно награ-дить, ибо мать положила дитя съ намѣреніемъ, чтобы оно было кре-щеное. Не твое ли то дитя?, довольно радушно уже говорила Олель.

—Разъясни мнѣ, что значитъ: будутъ крестить—въ жертву ли его принесутъ; зарѣжутъ ли его, или что другое съ нимъ сдѣлаютъ?

Олель и желала бы растолковать подругѣ значеніе сказаннаго ею слова, но видно было, что она не понимала, въ чемъ состоитъ креще-ніе, и поэтому, вмѣсто отвѣта, она молчала и безсмысленно смотрѣла въ лице Аллы.

—Скажи мнѣ, Олель, скажи, что значитъ будутъ крестить; быть можетъ его сожгутъ?

—Нѣтъ, оно будетъ живо. Крещеные окупаютъ, омоютъ его во-дою отъ нечистоты идольской, какъ крещеные говорятъ.

—Дитя будетъ живо?

—Живо будетъ.

—Гдѣ же Богъ крещеныхъ?

—Тамъ.—Олель указала на небо.

Алла задумалась.

—Да, тамъ, и крещеные истину говорятъ, что тамъ Богъ.

—А Перунъ, а Волосъ, а Ладо...?

—Это не ихъ боги, это бревна вырѣзные и окрашенные, говорятъ они и смѣются надъ перунщиками. Прощай Алла, мнѣ холодно.

Олель опять намѣревалась было убѣжать, но Алла схватила ее за руку и удержала.

—Олель, можно ли мнѣ будетъ подсмотрѣть, какъ будутъ крестить дитя?

—Крещеные не втайнѣ творятъ здѣсь требы свои.

—И ты видишь, какъ они молятся и жертвы приносятъ?

—Жертвъ у нихъ нѣтъ такихъ, какъ у перунщиковъ. Только не крещенымъ не позволяютъ оставаться въ церкви до конца,—грѣхъ го-ворятъ.

—Олель, поведи меня туда, гдѣ будутъ крестить дитя.

—Пойдемъ, ты будешь все видѣть.

— Пойдемъ, Олель.

Извилистая тропинка, ведшая на возвышенность и пересѣкаемая многими глубокими оврагами и горными ручейками, чрезъ которые надобно было то перепрыгивать, то переходить по водѣ, довела Аллу и Олель къ небольшой шестисторонней, срубленной изъ сосновыхъ бревенъ церковки, на крышѣ которой стоялъ не большой шестиконечный деревянный крестъ. Въ трехъ восточныхъ стѣнкахъ церкви было прорублено по небольшому продолговатому окошку. Съ противуположной стороны въ церковь вела малая дубовая дверь. Церковка стояла на могилѣ князя Аскольда. Дружина князя, принявшая вмѣстѣ съ нимъ въ Цареградѣ христіанство, построила надъ прахомъ любимаго князя эту церковку. — Внутри церковки было устроено возвышеніе изъ дикихъ камней смазанныхъ глиною. Возвышеніе было убрано разноцвѣтными платами; на немъ лежалъ цареградской рѣзбы, кипарисный ручной крестъ и книга; на лѣво, въ углу, за возвышеніемъ, на дубовой полочкѣ, стояли два стеклянныхъ сосуда, покрытые кусками паволоки. Тамъ же висѣло мѣдное кадило.

Съ одной стороны церковку закрывалъ откосъ горы, съ двухъ — чаща лѣса и овраги, а съ восхода только синѣлъ у подошвы Угорища широкій Днѣпръ, берега котораго за семдесятъ пять лѣтъ предъ тѣмъ *Вѣщій* обагрилъ праведною кровью князей христіанъ: Аскольда и Дира. За Днѣпромъ виднѣлась *Черторыя*, а далѣе зеленѣлись роскошные луга, а за ними желтѣлись пески *Лысой горы*.

Въ то время когда Алла и Олель приблизились къ церковкѣ, изъ нее вышла женщина и какъ замѣтили онѣ на рукахъ у нее было закутанное въ широкую толстину дитя. Она понесла его въ доминку, стоявшую шагахъ въ 10 отъ церковки. Въ доминкѣ жилъ *попъ Григорій*. За женщиною, по-отдаль, шло до десяти другихъ женщинъ и дѣвицъ, человѣкъ до пятидесяти мужей и воиновъ. Казалось, они возвращались отъ берега Днѣпра. Всѣ подошли къ церковкѣ, и скоро вошелъ въ нее попъ, одѣтый въ паволочную ризу. Черные его волосы падали прядями по плечамъ; не большая черная же борода и усы оттѣняли его продолговатое, нѣсколько блѣдное, лице, выражавшее смиреніе и кротость. Алла и Олель видѣли какъ крещеные клали на груди крестное знаменіе и земные поклоны, слышали раздававшіеся изъ внутренности церковки пѣніе и чтеніе. Онѣ замѣчали, что въ числѣ стоявшихъ у церковки не всѣ были крещеные и многіе, также какъ и онѣ, пришли сюда изъ любопытства. Долго стояли подруги подъ тѣнью широко разросшагося куста, прикрывавшаго ихъ своими зелеными вѣтвями; долго ждали онѣ окончанія христіанскаго моленія и дождались. Оно окончилось. Изъ церковки вышло человѣкъ до двадцати мужей, потомъ столькоже женщинъ, почти совершенно закутанныхъ длинными платами.

Попъ что-то началъ говорить народу, но за отдаленностію подруги не могли разслышать его рѣчи, до слуха ихъ долетѣли только слова, что Богъ послалъ къ числу христіанъ младенца Юнію. Онѣ видѣли также, какъ воины подняли къ верху сдѣланнаго изъ дерева идола и бросили его о землю, какъ потомъ этого идола воины разрубили на мелкіе части при громкихъ и восторженныхъ рѣчахъ крещеныхъ мужей. Кажется, что это былъ примѣръ, на практикѣ доказывающій, что дереваный идолъ не что иное, какъ кусокъ дерева, который всегда и вездѣ можно, безъ всякаго вреда для себя, разрубить на мелкія части. Легко быть можетъ, что такое доказательство нарочно представлялось находившимся тамъ не крещенымъ, для убѣжденія ихъ къ принятію христіанства.

Въ толпѣ женщинъ, нѣсколько въ сторонѣ, стояла одна высокаго роста.—Бѣлое овальное лице ея было покрыто червленнымъ платомъ, протканнымъ золотою канителью; свѣтлорусые волосы ея падали длинными и густыми прядями изъ подъ плата на плеча; въ ушахъ блестѣли большія золотыя серги. То была Великая Княгиня. Она смотрѣла также на все происходившее, а когда говорилъ попъ, то слушала его съ замѣтнымъ умиленіемъ.

Окончивъ рѣчь, попъ пошелъ въ свою клѣть. Народъ, разсуждая—лучше ли Богъ христіанскій или боги Руси, расходился въ разныя стороны....

Подруги Алла и Олель оставались на своемъ мѣстѣ долѣе прочихъ и когда предъ церковкою не осталось ни одного человѣка, Алла взяла за руку Олель и съ грустью сказала.

—Олель, пора мнѣ въ градъ, сердце обливается черною печалью, такъ и хочется бѣжать къ моей доминѣ, укажи мнѣ ближайшую тропу къ граду.

—Пойдемъ, я укажу тебѣ тропу.

Олель взяла за руку Аллу и онѣ пошли въ чащу лѣса.

—Олель, я тебѣ повѣдаю тайну.

—Говори.

—Ротись, что никому никогда ее не откроешь.

—Ротитись не стану, а никому не открою.

—Попъ крестилъ дитя?

—Должно быть крестилъ. Ты же слышала его слова, что Богъ послалъ мнѣ младенца, коему дано имя Юнія, значитъ, что крестилъ.

—Это, кажется, крестили мою дочь.

—Твою?—Съ удивленіемъ спросила Олель.

—Мою. Сюда принесъ ее твой сынъ и положилъ на порогѣ доминки попа, или какъ мы называли волхва крещеныхъ. Если бы этого не сдѣлали, то Асмудъ убилъ бы мою дочь, или отдалъ бы ее Костарю принести въ жертву Перуну.

— И сынъ мой былъ здѣсь?

— Да.

— Алла, ты мнѣ открыла тайну, я ее сохраню. Но клянись и ты мнѣ Перуномъ и Волосомъ, что не скажешь никому, а паче сыну моему, что видѣла меня и что я живу въ этомъ лѣсу. Свѣнельдъ отыщетъ и убьетъ меня, если ты скажешь, гдѣ я живу.

Перуне боже, пронзятъ сердце мое козарскія стрѣлы, вопьются въ бока мои тмы варяжскихъ копій, если я скажу кому, что тебя видѣла, что ты живешь въ этихъ лѣсахъ.

Будемъ хранить вѣчно наши тайны и я буду смотрѣть за твоимъ дитятею, а ты приходи сюда расказывать, что дѣлаетъ сынъ мой и что творится въ городѣ.

— Добро, Олель, истинно добро ты говоришь; сохранитъ тебя Перунъ и великая богиня Лада....

Разговоръ длился и подруги незамѣтно спустились съ Угорскаго и уже выходили изъ лѣса къ берегу Днѣпра. Олель, замѣтивъ, что далеко зашла, оставила Аллу и быстро скрылась отъ взоровъ ея въ чащѣ лѣса.

Алла осталась одна. Нѣсколько минутъ она не двигалась съ того мѣста, на которомъ была внезапно оставлена своею прежнею подругою, подругою дѣвства—Олелью. Вскорѣ она пришла въ себя; лице ея сіяло въ то время свѣтлою радостью. Посмотрѣвъ вдаль на тропу свою, она тихо пошла впередъ, но много разъ обращалась къ Угорищу, къ тому мѣсту, гдѣ покинула свое неоцѣненное сокровище—свое дитя.

Скрылись изъ взоровъ Аллы лѣсистые холмы *Угорища*, и какая-то мрачная, какая-то смертная печаль, какъ стрѣла молніи, впилась въ ея материнское сердце. Вѣдь и змѣя любитъ и нѣжитъ своихъ дѣтей, какъ же женщинѣ, хоть и язычницѣ, не любить было свою дочь!... Отъ невыносимой сердечной туги несчастная Алла не могла даже свободно вздохнуть, такъ сильно стѣснила печаль предчувствія ея сердце. Она готова была рыдать, но слезы не лились изъ очей; она шла быстро, а ей казалось, что идетъ медленно, она удвояла шаги; она не слыхала подъ ногами земли, не замѣчала потоковъ, ритвинъ и корчей; жесткая трава рѣзала кожу на ея обнаженныхъ голеняхъ и кровавила ихъ....

И вотъ предъ Аллою пристань на Ручаю. Шумная толпа народа собравшагося на пристани, у пороковъ и лодокъ не развлекла ее. Уже взоръ ее обнимаетъ разбросанные у Почайны и выше по взгорью, клѣти казарскія и среди Бесѣды, въ томъ мѣстѣ, гдѣ быть ея клѣти столбъ чернаго дыма вился къ небу, склоняясь къ Ручаю. Сердце ея сильно встрепенулось. Быстрѣе прежняго побѣжала она, перепрыгивая съ пригорка на пригорокъ и достигла того мѣста, откуда подымался

столбъ дыма и яркое пламя; но увы, клѣти ея уже не было. Два обгорѣлые трупа ея дѣтей валялись среди кучи пепла и головней. На пожарищѣ сидѣла съ растрепанными волосами, съ звѣрски смѣющимся лицемъ, юная козарка, мать младенца, убитаго Волчьимъ Хвостомъ.

— За смерть моего дитяти смерть твоимъ дѣтямъ, проговорила козарка и залилась страшнымъ смѣхомъ.

Ужасная месть совершилась.

Алла кинулась на грудь козарки, зубы обѣихъ впились въ шею другъ друга и кровь хлынула ручьями съ обѣихъ несчастныхъ матерей.

V.

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЕ ЛОВЫ.

То то раздолья было великому князю Святославу Игоревичу да и молодымъ княжичамъ, внукамъ великой княгини, Ярополку, Олегу и Владиміру Святославичамъ, когда великая княгиня уѣхала къ Новогороду уставляти по Мстѣ *погосты и дани* и по Лузѣ *оброки и дани!* То то была радость и всей поганой Руси кіевской, не крещеной! То то тяжко было въ тѣ дни крещенымъ; не одно крещеное дитятко оторвали идольщики-Перунщики отъ персей материнскихъ; не одну и мать и не одного отца и дѣда замучили изувѣры! Какъ мучили? Неправда!, возопіютъ нынѣшніе *книжники*, день и ночь копающіеся въ разныхъ лѣтописяхъ, неправда, возопіютъ они. Нигдѣ христіанство небыло такъ мало гонимо при самомъ началѣ своемъ, какъ въ нашемъ отечествѣ: ни Несторъ, ни Константинъ Багрянородный ни слова не пишутъ о мученіяхъ христіянъ. Да моглиль они, да хотѣлиль они записывать событія обыкновенныя, явленія повседневныя? Лѣтописецъ нашъ что зналъ, что вспомнилъ, то и записалъ, а многое, быть можетъ, и зналъ, да не считалъ нужнымъ записывать, обагрять, такъ сказать, каждую страницу лѣтописи своей кровавыми упоминаніями объ обыкновенномъ въ тѣ времена дѣлѣ: приношеній въ жертву Перуну крещеннаго люда. Ужъ не вести же ему подробный перечетъ всѣмъ замученнымъ крещеннымъ и преданнымъ въ жертву идолу; на это есть помянникъ, а не лѣтопись. Да кто знаетъ, можетъ быть и у нашего лѣтописца, а навѣрное у многихъ крещеныхъ, жившихъ въ дни великой княгини, и ея внука *красного солнушка* Владиміра, и были помянники, въ коихъ записывались имена пострадавшихъ въ Кіевѣ, ради Господа нашего отъ рукъ перунщиковъ? Правда, упомянулъ прадѣдушка нашъ

про муки Өедора и отрока, его сына Іоанна, такъ ужь только бы то они одни и были мучимы изъ некрещеной кіевской Руси? Скорѣе можно допустить, что они были послѣдніе, замученные по повелѣнію князя и запечатлѣвшіе собою длинный рядъ предшествовавшихъ имъ мучениковъ....

Да не читать же тебѣ, любезный читатель, вмѣсто красной повѣсти, а мнѣ въ ней не писать особо, исторіи мученичества крещеныхъ въ Кіевѣ. Посмотримъ-ка лучше, что дѣлается въ *õтнемъ* теремномъ дворѣ великаго князя Святослава.

Входъ въ *гридницу* терема, по дубовой двери, завѣшенъ багряницею, протканною золотистою ниткою, въ узорочье; мѣдный, вызолоченый, широкій обручъ притягивалъ багряницу къ лѣвой сторонѣ двернаго отверстія. Вдоль стѣнъ гридницы уставлены низкія дубовыя скамьи, покрытыя греческими коврами. Въ переднемъ углу гридницы стоялъ длинный, но узкій столъ, также покрытый паволочною скатертью.

Было утро, къ терему княжескому съ разныхъ сторонъ града «схождахуся мужіе и гости и отроки и дружины на плясаніе и на вся бѣсовски игрища». Они шли тихо, каждый чувствуя свое достоинство. Младшіе кланялись чиню старшимъ, которые отвѣчали на ихъ подобострастные поклоны легкимъ наклоненіемъ головы. Народъ смотрѣлъ на сборище съ разныхъ угловъ и мѣстъ и, замѣчая въ числѣ проходившихъ знатныхъ воеводъ и любимыхъ правителей, оказывалъ имъ свое привѣтствіе радостными восклицаніями и громогласнымъ пожеланіемъ *добраго здоровья* и не *шумнаго хмелю* на предстоящемъ пиру. Тѣмъ же, которыхъ ненавидѣлъ, кричалъ въ слѣдъ треклятія и пожеланія на пиру хмѣля шумнаго и буйнаго, отъ котораго своротилась бы голова.... Не мудрено, что Русь такъ утончилась въ брани, издревле она была къ тому способна....

Въ гридницѣ, по правой ея сторонѣ помѣщались въ рядъ, одинъ за другимъ пять музыкантовъ; два изъ нихъ играли въ прямыя, деревянныя трубы, каждая была длиною аршина полтора; нижній конецъ трубъ былъ шире того, который игравшіе держали во рту. Стоявшій у самой стѣны трубачъ былъ помоложе своего товарища; на немъ была зеленоватая *срачица* и такого же цвѣта *порты;* товарищъ его имѣлъ не большія рижеватыя усы и такую же бородку; на немъ была срачица багряного цвѣта. Головы обоихъ трубачей покрыты бѣлыми войлочными остроконечными колпаками. Рядомъ съ ними стоялъ игравшій на пятиструнной *русалии,* т. е. на балалайкѣ. На головѣ его былъ бѣлый платъ; не большіе свѣтло-русые усы, придавали лицу его пріятное выраженіе. Эпончица сѣроватаго цвѣта, была прошита на оплечьяхъ золотистою ниткою. У ногъ *русальщика* сидѣлъ игравшій на *гусляхъ*. Самыя гусли были—деревянная длинная рама, на коей было натянуто

семъ струнъ. *Гуслярникъ* былъ въ *фофудьѣ*, т. е. длинномъ подпоясанномъ кафтанѣ синеватаго цвѣта: голову гуслярника покрывалъ бѣлый платъ, коего конецъ спускался на лѣвое плечо; онъ имѣлъ усы и не большую рыжеватую бородку. Подлѣ гуслярника сидѣлъ музыкантъ, игравшій смычкомъ на иструментѣ, похожемъ на нашу скрыпку.

Игравшіе смотрѣли на отрока плясавшаго въ присядку и бившаго въ мѣдныя тарѣлки. На головѣ плясуна торчалъ бѣлый, коническої формы, войлочный колпакъ; фофудья его багряного цвѣта, съ узорочнымъ оплечьемъ; исподнее платье синеватаго цвѣта. По правую сторону этого плясуна былъ другой плясавшій и игравшій на *сопѣлѣ*. На немъ фофудья синеватаго цвѣта, съ узорочнымъ оплечьемъ и такими же нарукавниками. Порты краснаго цвѣта. Впереди музыкантовъ, посрединѣ гридницы, выплясовали три княжескихъ отрока, два обратясь лицами одинъ къ другому, плясали въ присядку, а третій держа въ рукѣ бѣлый платъ, повертывался на одной ногѣ во всѣ стороны и склонялъ голову или ударялъ въ ладоши, подъ тактъ музыки. По другую сторону дверей стояли два отрока, въ фофудьяхъ съ богато вышитыми оплечьями и нарукавниками; на головѣ одного былъ войлочный коническій колпакъ, а на другомъ тонкій бѣлый платъ. Музыканты и отроки были въ сапогахъ черной кожи съ длинными голенищами; носки сапоговъ прошиты узористыми разводами.

За группою музыкантовъ сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ. Одежда его не отличалась особенною изысканностью: на головѣ его, вмѣсто остроконечнаго колпака была надѣта бѣлая войлочная шапка, съ усѣченнымъ до половины конусомъ. Къ спинѣ этого человѣка былъ привязанъ довольно тонкій и длинный шестъ, оканчивавшійся горизонтально придѣланнымъ къ нему не большимъ кружкомъ, къ которому по шесту взлѣзаетъ карликъ, коверкаясь и отвратительно кривляясь.

А великій князь сидѣлъ на широкомъ, съ высокою спинкою креслѣ, обитомъ дорогою паволокою и украшенномъ разнымъ рѣзнымъ узорочьемъ. Подушка кресла круглая, паволочиая, багряного цвѣта, тонкая, но длинная, по концамъ съ золотыми кистями. Предъ княземъ стоялъ столъ, и у стола сидѣли княженята, нарочитые мужи, гридни, отроки, мечники, дѣтски.... Были въ числѣ этихъ лицъ Свѣнельдъ и Асмудъ, былъ здѣсь и старшій сынъ Свѣнельда *Лартъ*, стоялъ не вдалекѣ и Волчій Хвостъ, носившій имя *Храблъ*, при велико-княжескомъ дворѣ.

Было здѣсь много и очень много всякаго люду, не было только ни одного крещенаго. Крещеные въ тѣ времена не могли терпѣть музыки, они говорили: «нъ сими дьяволъ льститъ и другими нравы, всякими лъсти прибавляя ны отъ Бога: трубами, гусльми, русаліями!!..»

Да женъ и красныхъ дѣвъ не видно было, а много ихъ и очень много считалось при дворѣ княжескомъ! Смотрѣли и онѣ на пляски и кудесничества, слушали и онѣ пѣсни и музыку, только изъ за частой деревянной рѣшетки, устроенной на верху гридницы.

Великій князь былъ въ богатомъ одѣяніи: на плечахъ широкая червленная эпанча, застегнутая на правомъ плечѣ жемчужною запоною; подъ эпанчею серебристая фофудья съ дорогимъ вышивнымъ оплечьемъ и такими же докотниками, наручниками и широкою узористою каймою внизу. На эпанчѣ былъ золотой и также узористый нагрудникъ; на ногахъ красной кожи сапоги съ серебрянными массивными подковами и такими же носками, вырѣзанными въ узоры. За спиною князя и за кресломъ, на которомъ онъ сидѣлъ, стояли два отрока съ копьями и круглыми щитами. То были вѣрные его тѣлохранители. На одномъ отрокѣ была зеленая, а на другомъ серебристая эпанча, фофудьи у обоихъ были съ оплечіями, докотниками и наручниками, что доказывало ихъ высшую должность. Длинные волосы отроковъ падали густыми прядями на нхъ плеча. Князь пировалъ предъ отъѣздомъ своимъ дѣять ловы. Медъ и греческое вино обильно лились въ рога и судины.

Играютъ музыканты, а среди гридницы пляшутъ плясуны и кудесники и тихо всѣ сидятъ, не проронитъ никто слова, всѣ какъ будто бы заняты какимъ важнымъ дѣломъ, но чуть только умолкнутъ звуки музыки, въ тожъ мгновеніе подымется такой говоръ, смѣхъ, крикъ, что хоть за Днѣпръ бѣги. Никто не сознаетъ, что онъ въ присутствіи великаго князя, никто и не можетъ быть на велико-княжескомъ ликованіи не веселъ, не говорливъ. Князь самъ веселъ и любитъ, что бы и вокругъ его все веселилось съ открытой душой, непритворно.

Медъ разливался въ рога, и гости должны были его пить безъ отказу; да никто и подумать не смѣлъ отказываться отъ велико-княжескаго рога; это было бы безчестіемъ на пиру, а могло ли оно быть на пиру велико-княжескомъ? Самъ великій князь не пропускалъ ни одного рога, который ему подносился. Отъ такого то обыкновенія всякъ пировавшій долженъ былъ неизмѣнно быть хмѣльнымъ....

Замѣтно было, что великій князь мало уже ухмѣлился и нарочитые люди то затягивали, по русской своей натурѣ, кто пѣсеньку, а кто и споръ порывался поднять. За нарочитыми людьми и все честное сборище чувствовало уже хмѣль въ головахъ своихъ и веселіе разыгрывалось.

— Мало потѣхи отъ васъ музыканты и плясовщики; хочу еще иной, проговорилъ князь, покатываясь на своемъ мѣстѣ, и махнулъ серебристымъ платомъ, находившимся въ его правой рукѣ, а лѣвою поправилъ свои усы и длинные раздѣленные по срединѣ головы волосы. присутствующіе поняли княжескій знакъ, и тишина вдругъ воцарилась.

Сверху, изъ за рѣшетки послышалось сперва тихое какъ бы въ дали, а потомъ мало по малу становившееся громкимъ, пѣніе красныхъ дѣвъ княжескихъ. Лице князя просіяло свѣтлою радостью, на устахъ самодовольная улыбка.

Нарочитый людъ умильно прислушивался пѣнію, да усы свои расправлялъ, да бородки русыя поглаживалъ.

— Отнеси краснымъ юницамъ за пѣсни,—проговорилъ князь, указавъ отроку на серебрянное блюдо, наполненное *медивиками* и стоявшее на столѣ, среди другихъ блюдъ, наполненныхъ разными сластими.

— Пора и въ отъѣздъ.

— Пора, великій князь, дружина вся уже собралась,—сказалъ Свѣнельдъ.

— Такъ и встанемъ!—И великій князь всталъ изъ за стола; за нимъ послѣдовали всѣ пировавшіе. Князь вышелъ изъ гридницы въ *ордьню*, а всѣ прочіе въ сѣни и на дворъ. Поднялась страшная суета: кто искалъ въ толпѣ своего челядина, кто спрашивалъ, гдѣ его конь, иной не зналъ, гдѣ оставилъ свой лукъ и колчанъ;—смѣхъ, хохотъ и даже крикъ, разносились изъ княжескаго терема на далекое разстояніе. Въ градѣ всѣ отъ малого до великого знали, что великій князь, съ своею ловчею дружиною, отѣзжаетъ на ловы.

Передъ теремнымъ великокняжескимъ дворомъ, да и въ самомъ дворѣ, гарцовали на поводахъ добрые кони, приготовленные подъ сѣдла княжеской дружинѣ. Здѣсь же стояли *повозы* съ сѣтьми и разными принадлежностями лововъ и подлѣ нихъ молодцовато одѣтые *псари* держали на *гужахъ* рыжей и черной масти псовъ, весело игравшихъ межъ собой. Впереди всей толпы, высокій и статный отрокъ, въ свѣтло голубой эпончицѣ, держалъ подъ устцы добраго, бѣлой масти коня, приготовленнаго для великаго князя и подлѣ этого коня, сидѣли уже на рыжихъ коняхъ трубачи и литаврщики, ожидая выхода великаго князя. Рядомъ съ трубачами стояли сокольники верхами на коняхъ, держа на рукѣ соколовъ и подлѣ нихъ тенетчики. Кличане густыми толпами стояли съ разныхъ мѣстъ; княжескіе отроки гостили кличанъ медомъ и пирогами.

Вотъ, послѣ долгаго ожиданія, вышелъ на *рундукъ* нашъ свѣтлый *пардусъ* и веселымъ взоромъ окинулъ свою многочисленную и веселую *ловчую дружину*. На князѣ была надѣта зеленая простой матеріи фофудья, а голова покрыта бѣлымъ платомъ, концы котораго прitканы золотою канителью. За плечами князя висѣлъ большой колчанъ, туго набитый стрѣлами.

Князю подвели коня, и онъ быстро и ловко вскочилъ на сѣдло и схватилъ концы поводовъ. Ему подали лукъ, онъ перевѣсилъ его за плечо и взялъ въ руку небольшое копье и выѣхалъ впередъ на игривомъ своемъ конѣ. Въ тотъ же мигъ всѣ ловцы усѣлись на своихъ коняхъ.

Затрубили въ трубы и ударили въ литавры. Дружина торжественно двинулась со двора велико-княжескаго терема.

Великій князь ѣхалъ впереди, за нимъ скакали два трубача; потомъ одинъ подлѣ другого сокольники, а за ними нарочитые люди и вся прочая дружина. Кличане, псарники и тенетчики слѣдомъ бѣжали за ѣхавшими.

Выѣхавши за ворота града, дружина взяла направленіе къ *перевѣсищу* великой княгини и шагомъ спускалась по глубокому яругу, къ козью болоту.

Почти на днѣ яруга, у быстро текшаго ручья, среди лѣсной чащи, великій князь остановилъ своего коня и приказалъ тенетчикамъ разметать тенета. Въ тоже время сокольники отъѣхали въ сторону, а псари и кличане поворотили на лѣво. Проѣхавши ручей, всадники остановились по одной сторонѣ, а кличане пошли по чащѣ бора.

Нѣсколько времени прошло въ ожиданіи начала лова.

Подъ княземъ весело гарцовалъ его статный конь. По правую сторону близъ князя стоялъ, также верхомъ на лошади, его неизмѣнный спутникъ на ловахъ Храблъ—Волчій Хвостъ, по лѣвую княжичи Ярополкъ и Олегъ, а за ними Лютъ.—Лютъ былъ извѣстный удалецъ на ловахъ и отличный стрѣлокъ. Олегъ, хотя и очень былъ еще юнъ, но уже мѣтко стрѣлялъ звѣра и высказывалъ непреоборимую страсть къ ловамъ. Храблъ былъ особо любъ великому князю; неутомимаго и болѣе отважнаго ловца, свѣтлый князь не находилъ.

— Ты, у меня *чудо-богатырь*—Храблъ, говорилъ князь, лаская его всякій разъ при отъѣздѣ на ловы.

Затрубила труба—въ чащѣ лѣса, со стороны града, на звукъ ея отозвалась другая вдали, за нею третья и четвертая—и все далѣе и далѣе такъ, что отъ послѣдней едва слышенъ былъ звукъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ великій князь. За звуками трубъ послышались голоса и крики кличанъ, огласившіе вѣковыя дебри. Стуки палками о стволы деревьевъ, крики множества кличанъ, звуки литавръ и трубъ дѣлались все громче и громче. Всадники и стрѣлки вперили взоры въ чащу лѣса.

Затрещали въ чащѣ сухія вѣтви.

— Лось ломится,—тихо сказалъ Лютъ.

Это было не въ дальнемъ разстояніи отъ свѣтлаго Пардуса. Князь натянулъ тетиву лука и прицѣлился, но въ то самое мгновеніе изъ чащи выскочилъ вепрь, разъяренный отъ впившейся въ сердце его стрѣлы, пущенной княжичемъ Олегомъ, и устремился прямо на свѣтлаго князя. Князь не успѣлъ спустить стрѣлы, и жизнь его была на волоскѣ; но въ тоже мгновеніе копье Храбла положило звѣра у ногъ коня велико-княжескаго. Конь этотъ и конь Храбла оба разомъ, отъ испуга, взвились на дыбы.

— Быть тебѣ по отцѣ твоемъ Свѣнельдѣ воеводою,—крикнулъ

великій князь, обратясь къ Храблу,—сошелъ съ коня, обнялъ и поцѣловалъ счастливаго Волчьяго Хвоста.

Раздался побѣдоносный звукъ трубъ. Великаго князя окружила вся его дружина. Отвсюду раздались восторженные восклицанія въ честь Храбла, избавившаго великаго князя отъ неминуемой смерти. Всѣ его обнимали и цѣловали. Свѣтлый Пардусъ, великій князь Святославъ былъ всѣми горячо любимъ; всѣ непритворно радовались счастливому исходу его изъ опаснаго положенія.

— Меду!—закричалъ великій князь.

Отроки поспѣшно поднесли два рога. Великій князь взялъ одинъ изъ нихъ и подалъ Храблу, а другой оставилъ себѣ, отрокъ наполнилъ оба рога медомъ и державшіе ихъ осушили.

За тѣмъ князь приказалъ отрокамъ обнести медомъ всѣхъ, а самъ быстро вскочилъ на коня. Ловцы поспѣшили занять свои мѣста и ловы вновь продолжались.

И вотъ мчится по линіи ловцевъ лось, и тучи стрѣлъ впились въ его бока, стрѣла пущенная великимъ княземъ положила звѣря на мѣстѣ. Еще промчались два зайца, видѣли двухъ горностаевъ, но стрѣлы не настигли ихъ.

Кончилась кнея. Ловцы окружили побѣдителей.

— Чудо-богатырь, Волчій Хвостъ! Чудо-богатырь Храблъ!—слышалось со всѣхъ сторонъ собравшейся дружины, любовавшейся убитыми звѣрями, которыхъ подняли съ земли и понесли къ повозамъ.

Великій князь приказалъ отрокамъ обнести всѣхъ рогомъ меда и затѣмъ началъ новую кнею.

Кличено, выпивши по рогу, спѣшили занять свои мѣста, ибо вторая кнея должна была обнять все пространство лѣса отъ Берестоваго по Угорицу, мимо Аскольдовой могилы и до Сокольяго рога.

Великій князь велѣлъ пустить псовъ и поскакалъ впередъ; за нимъ пустилась вся конная дружина. Достигши предѣловъ кнеи, верщники заняли мѣста. Великій князь, при немъ Храблъ и два трубача остановились у самаго отдаленнаго мѣста кней, въ довольно близкомъ разстояніи отъ Аскольдовой могилы. Когда всѣ заняли мѣста, тишина водарилась. И долго, очень долго, неслышно было ни одного звука, прерывавшаго ловитву. Въ то время, когда слухъ и зрѣніе князя и приближенныхъ къ нему были сильно напряжены, въ ожиданіи ежеминутно появленія звѣра, позади, внѣ кнеи въ густотѣ лѣса, послышались голоса, какъ бы дѣтскіе.

Князь подалъ знакъ рукою Храблу, узнать, кто въ чащѣ, и онъ поворотилъ коня и началъ въ чащѣ лѣса, осторожно спускаться къ тому мѣсту, откуда долетали голоса. Пробравшись въ чащу не болѣе пяти или шести саженей, Храблъ увидѣлъ женщину, поставившую на колѣна

малютку дѣвочку, которую она учила твердить крестное знаменіе и произносить молитву. Свѣтло-русые пряди волосъ падали на смугловатую шейку дѣвочки, оттѣняя ярко пылавшій румянецъ на полненькихъ ея щечкахъ. Прекрасные голубаго цвѣта глаза, осѣненные длинными рѣсницами, были приподняты къ небу. Толстинная срачица, подпоясанная длинными отприсками зеленаго барвинка—гробъ травы, была вся одежда дѣвочки. Женщина, учившая дѣвочку молиться была въ длинной черной эпоничцѣ и темно-коричневаго цвѣта шерстяной фофудьи; ремень стягивалъ ея станъ, а густые и длинные волосы прикрывалъ бѣлый платъ.

— Боже!, воскликнула женщина пораженная вовсе неожиданнымъ появленіемъ вершника. Отъ испугу она присѣла на землю подлѣ дѣвочки, которая въ страхѣ также прижала къ ней свою кудрявую головку.

Въ то время сквозь чащу показался, позади Храбла, великій князь. Его поразила эта картина. Невольно остановивъ коня среди самой чащи кустовъ, онъ безмолвно и долго смотрѣлъ на женщину и дѣвочку остававшихся въ неподвижномъ положеніи. Потомъ великій князь выѣхалъ изъ чащи, остановилъ коня шагахъ въ трехъ отъ женщины и добродушнымъ голосомъ спросилъ:

— Крещеныя?

Страхъ сомкнулъ уста женщины и она не могла отвѣчать на вопросъ.

— Крещеныя? Гдѣ живете?, спросилъ князь вторично.

— Здѣсь живемъ. Едва проговорила дражащимъ голосомъ женщина.

— Любое твое дити, сказалъ великій князь, вынулъ два грецкихъ солида и бросилъ дѣвочкѣ.

Дѣвочка съ боязнію подняла золотыя монеты.

— Проведи ихъ въ жилище: здѣсь имъ опасно оставаться,—сказалъ князь, обратясь къ Храблу и прибавилъ:

— Когда возвратится великая княгиня, я не забуду сказать о тебѣ и твоей дѣвчонкѣ.

Женщина и дѣвочка, непомня подъ собою ногъ, уходили отъ провожатаго ихъ Храбла.

Онѣ приблизились къ ветхимъ дверямъ той домины, на порогѣ которой лѣтъ десять назадъ Храблъ положилъ малютку Аллы.

Красота дѣвочки такъ была очаровательная, что даже привлекла къ себѣ черствое и грубое сердце Храбла и, провожая ихъ, онъ говорилъ, что великій князь многое сдѣлаетъ въ пользу ихъ и что онъ самъ о томъ позаботится.

Проводивъ ихъ почти до порога домины, Храблъ поворотилъ коня и быстро ускакалъ въ чащу.

Ловъ былъ счастливъ; нѣсколько дикихъ козъ и лисицъ были въ этой куеи трофеями ловцевъ.

Солнце уже склонялось къ вершинамъ бора, росшаго на удѣлахъ Кія и Щека. Пора вечерняя прекратила ловы.

Довольный удачею, радостно возвращался князь съ своею дружиною. Музыканты и литаврщики громко играли веселую пѣсню, тихо слѣдуя на коняхъ впереди князя. Съ восторгомъ шли кличане и тенетчики, даже псы, чувствуя удачу, радостно махали своими длинными хвостами.

Веселъ былъ отважный Храбдъ, будущій воевода, по провѣщанію свѣтлаго князя.

(Продолженіе впредь).

Объясненіе словъ, вошедшихъ изъ славянскаго языка въ сочиненіе.

Страва	Пища.
Треба	Обрядъ.
Черторыя	Рукавъ Днѣпра.
Ротится	Клястись, божиться.
Гридница	Комната для гостей.
Ордына	Спальня.
Пардусъ	Барсъ, Святославъ, легко ходяй, аки пардусъ. Лавр. лѣт.

ДВА-ТРИ СЛОВА О СОЧУВСТВІИ

ПАТРІОТИЧЕСКИМЪ ДВИЖЕНІЯМЪ И ПРИТЯЗАНІЯМЪ ПОЛЯКОВЪ.

Странными и не логичными казались намъ всегда выходки и притязанія польскихъ патріотовъ; еще страннѣе и непостижимѣе представлялось всякому здравомыслящему русскому то своеобразное сочувствіе къ задору и утопіямъ поляковъ, которое тамъ—и здѣсь заявлено русскими же. Первые стараются поймать хоть миражъ Рѣчи-посполитой, а послѣднимъ и эта забава не къ лицу. Первые преслѣдуютъ свои, хоть весьма легко понятые, интересы, а послѣдніе просто »вчужѣ веселятся«. Не будетъ ли это тоже, что »повѣситься для компаніи«? Почти тоже.

Быть можетъ эти русскіе тутъ же остановятъ насъ и скажутъ: »гдѣжъ вы нашли такихъ русскихъ? Какъ вы смѣете клеветать на насъ!« Мы бы совѣтовали не задавать намъ подобнаго вопроса, не стращать этимъ грознымъ: »какъ вы смѣете!« Тому, кто поступитъ на перекоръ этому дружескому совѣту, мы будемъ имѣть право сказать: »на ворѣ шапка горитъ«; того мы будемъ имѣть право подвести подъ одну категорію съ жидкомъ, который, спрятавшись отъ запорожцевъ въ камышѣ и услыхавъ, что подъѣхавшіе къ мѣсту его убѣжища козаки, начали кликать на удачу Мошку, простодушно обратился къ Мошкѣ, сосѣду по убѣжищу, съ словами: »кимъ-кимъ, Мошко, козакь тебе клицe«,—или тому малороссу, который, во время набѣга татаръ, взобравшись на верхушку прибрежной вербы и увидѣвъ, что татаринъ пьетъ изъ рѣки воду, не удержался отъ обычнаго въ подобномъ случаѣ благожеланія: »добре здоровье пивши!«

Но мы не пользуемся крѣпостью нашей позиціи не благородно, не взводимъ голословно небывальщины на нашихъ соотчичей потому только, что они возражать намъ не смѣютъ. Мы даже могли бы доказать, кто, когда и какъ, словомъ или дѣломъ, заявилъ недостойное русскаго сочувствіе къ агитаціямъ польскихъ патріотовъ; но мы избавляемъ ихъ отъ этого позора, а все-таки стоимъ на своемъ, что эти

хамелеоны въ русской кожѣ — не химера нашей фантазіи. Правда, подобныхъ хамелеоновъ, къ чести нашей, между нами весьма мало; ихъ затѣи рѣдко когда выходили изъ бездны подземной литературы, ихъ полонофильство слишкомъ хитро маскировано; но желалось бы отъ полноты души русской, что бы между нами не было и мало, и мелкихъ предателей, что бы »въ семьѣ нашей вовсе не было уродовъ«.

Но не называя личностей, мы считаемъ предательствомъ молчание объ ихъ затѣяхъ и обезьянствѣ. Какіяжъ это затѣи и обезьянство? Видовъ ихъ много. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Прямое посягательство на спокойствіе Россіи, ея благосостояніе и православіе больше всего, азартнѣй и безумнѣе заявляютъ тѣ безличныя изданія, которыя названы нами недавно подземной литературой, если только можно назвать литературными явленіями порожденія недоученой горсти безумныхъ и свирѣпыхъ демагоговъ, жаждующихъ огня, треска, крови и другихъ аттрибутовъ истребленія. Эти люди отрицанія, унижающіе человѣчество, чувствуютъ свою неспособность ко всякому благородному труду, усидчивому занятію, негодованіе къ порядку и тишинѣ—и мечтаютъ создать такое общество, въ которомъ можно было бы благоденствовать, никого не признавая выше, ничего не зная, ничего не дѣлая. Но едва ли мы не навязываемъ этимъ полу-людямъ и той жалкой тенденціи, которая сію минуту имъ усвоена: вѣрнѣе всего, что они ничего не мыслятъ, ничего не желаютъ создавать, что девизъ ихъ: »отрицай, руби, ломай, жги, и только,—а тамъ выйдетъ, что выйдетъ«.

Весьма понятно, что подобные герои, копошатся въ подземельяхъ и на чердакахъ, что они »въ полдень со свѣчой« не навербуютъ себѣ слишкомъ много сотрудниковъ. Это сознаютъ, кажется, даже они сами. Какъ они ни мечутся, какъ они не желаютъ навязать другимъ свои сатанинскія тенденціи, никто на нихъ не смотритъ, никто не слушаетъ. Назвали они себя *«великороссами»*, да замѣтивъ, что между людьми такъ называющимися, весьма много людей порядочныхъ, разумныхъ благородныхъ, что десяти-двадцати блохамъ не загрызть Россіи, что великороссы отвернулись отъ нихъ съ презрѣніемъ, а нѣкоторые показали и кулакъ, они кое-какъ смекнули, что у нихъ »не по Сенькѣ кличка« и прибрали себѣ другое имя,—»молодой Россіи«. Но и это имя не закрасило самозванцевъ [1]), не много привлекло охотниковъ

---

[1]) Въ этой *Россіи* едва ли наберется двѣ-три сотни плохо воспитанныхъ юношей. Есть нѣсколько и другихъ порожденій буйства и невѣжества демагоговъ, но мы стыдимся даже называть ихъ по [illegible] тѣмъ болѣе, что онѣ чаще всего дѣлаются извѣстными уже по смерти;

подъ ихъ знамя. Разумная старая Россія намекнула »молодой«, на ученье, трудъ, на обузданіе порывовъ больнаго воображенія, на отеческія мѣры исправленія, посовѣтовала предоставить разсужденіе о судьбѣ царствъ и народовъ тѣмъ, которые знаютъ дѣло, кого оно касается, и сказала со вздохомъ: »молодо, зелено«! Почуявъ себя одинокими на родной почвѣ, передовые въ дѣлѣ безумія и безурядицы, начали искать себѣ сторонниковъ подальше и скоро нашли ихъ въ старыхъ нашихъ пріятеляхъ—патріотахъ польскихъ. Эти послѣдніе готовы побрататься хоть бы съ сатаной, лишь бы *насолить* Россіи и, конечно, съ восторгомъ приняли милыхъ дружковъ подъ свое вельможное протекторство, открыли тоннель для безпрепятственнаго сообщенія другъ съ другомъ, для рукожатій и całusów. Нечего сказать честная компанія! Любуясь ея симпатіей, по неволѣ вспомнишь хоть старый, да меткій русскій афоризмъ: »укажи мнѣ своего друга, и я скажу, каковъ ты самъ«. Вотъ куда зашла наша маленькая *молодая Россія!* Это ужь съ твоего позволенья »молодая Россія«, поступокъ очень низкій для Россіи даже молодой! Если ты точно Россія, то не должна и думать такъ, какъ думаютъ враги ея, тѣмъ болѣе примыкать къ шеренгамъ ихъ; если ты Россія молодая, то должно быть ты еще очень молода, когда обременяешь себя заботами, которыя тебя нисколько не касаются, тебѣ не подъ силу, на которыя никто тебя не уполномочивалъ. Если ты еще молода, то учись уму-разуму, усвой себѣ убѣжденія твоихъ наставниковъ, занимайся сроднымъ твоему незрѣлому возрасту дѣломъ, пристальнѣе вглядывайся въ уроки опыта, обуздай, на сколько можешь, порывы твоего воображенія, сопоставляй химеры его съ дѣйствительною жизнію, и ты сама скажешь современемъ,—какъ же я тогда была молода, когда увлекалась такими бреднями, когда была такъ свирѣпа и неразумна, и ты сама скажешь никогда: спасибо за науку! Вдумайся серьезнѣе въ эту дилемму, »молодая Россія«, и ты скоро откажешься отъ чести быть передовою въ такомъ подвигѣ, въ которомъ безчестно стоять и назади. Иначе ты навсегда останешься молодою, иначе ты дашь намъ право повторить одну коротенькую, хоть польскую, а довольно иногда поучительную, для увлекающейся безразсудною подражательностію молодости, басеньку:

Gdzież to bieżysz biedne ciele?
Patrz, tam innych bieży wiele! [1])

Къ другой категоріи сочувствующимъ польскимъ интересамъ нужно отнести какъ тѣхъ, которые безразлично относятся къ Польшѣ

---

[1]) Куда ты торопишься, бѣдный теленокъ?
Смотри, тамъ бѣжитъ много другихъ!

и Россіи, къ движеніямъ первой и охраненію цѣлости послѣдней; такъ и тѣхъ, которые устно или печатно поддерживаютъ дѣло Польши, негодуютъ на тѣхъ, которые уличаютъ польскихъ патріотовъ въ безуміи выходокъ и нелогичности ихъ притязаній,— а особенно тѣхъ, которые унизились до колѣнопреклоненія предъ польскими авторитетами, до порицанія благородныхъ патріотовъ, отстаивающихъ свои принципы— народные и религіозные. Что касается первыхъ, къ нимъ можно отнести слова Божіи: кто не съ нами, тотъ противъ насъ,— объ нихъ можно сказать то, что ихъ предательскій нейтралитетъ не много разнится отъ прямой измѣны, что истинный сынъ Россіи никогда не унизится до космополитическаго равнодушія къ обидамъ, къ проискамъ враговъ къ благополучію родной страны. Что касается послѣднихъ, они имѣютъ право выбирать любое изъ названій: или невѣжды, или труса, или измѣнника, смотря по тому, какое изъ этихъ названій приличнѣе къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно незнать ни исторіи, ни польской натуры, ни характера окружающихъ насъ явленій, чтобы сочувствовать нелѣпымъ претензіямъ легкомысленныхъ польскихъ агитаторовъ, не видѣть въ этихъ претензіяхъ прямаго посягательства на чужую собственность, возмущенія противъ самой законной власти, злоупотребленія безпримѣрнымъ въ исторіи терпѣніемъ и великодушіемъ этой власти, при невѣроятномъ накопленіи поводовъ къ суровости—и самой рьяной и безпричинной враждебности ко всему русскому и православному, потому только, что оно русское и православное. Нужно не имѣть никакой чести національной, нужно быть человѣкомъ слишкомъ не храбраго десятка, чтобы предаваться постыдному бѣгству съ поля битвы отъ безоружнаго, хоть и отчаяннаго натиска нѣсколькихъ сотенъ ренегатовъ и пришельцевъ, тѣмъ болѣе переходить на сторону непріятеля и направлять свои удары въ сердце родившей и воспитавшей ихъ *матушки* Россіи. Даже еслибъ она вела себя не такъ, какъ слѣдуетъ, не дѣтямъ, особенно не младшимъ дѣтямъ, слѣдуетъ исправлять должность ея судей, тѣмъ болѣе палачей. Иначе дѣти поступаютъ не только преступно, но и противоестественно. А тѣ, которые изъ-за честолюбивыхъ миражей, задорнаго права, невѣрнаго взгляда на благо народное, уколотаго самолюбія, сомнительнаго ущерба матеріальныхъ интересовъ, поднимаютъ свой языкъ или перо на Россію, продаютъ или отдаютъ ихъ ни за что врагамъ ея, что такое, какъ не палачи собственной матери? Невольно приходишь къ тому предположенію, что эти дѣти, должно быть, незаконнорожденные сыны Россіи. ....

И стоютъ ли какого либо сочувствія притязанія и движенія легкомысленныхъ и безпокойныхъ польскихъ патріотовъ? Далеко нѣтъ! Ихъ притязанія развѣваются въ прахъ отъ одного прикосновенія исторической критики, ихъ движенія въ прямомъ разладѣ съ положеніями

здраваго смысла. Настоящее, которымъ они такъ тяготятся, далеко лучше ихъ прошедшаго; будущее, къ которому бѣгутъ они такъ нетерпѣливо, далеко неутѣшительнѣе прошедшаго, если бы его устроить по плану шляхетскаго своеволія. Обиды quasi со стороны Россіи— ложь и клевета, счастіе Польши въ самостоятельномъ ея положеніи— миражъ, толки о вторичномъ захватѣ областей русскихъ—нелѣпая дерзость,—словомъ въ идеяхъ и тенденціяхъ современныхъ намъ польскихъ агитаторовъ, виднѣется какое-то хаотическое броженіе фантасмагорій, ускользающихъ отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ формъ и законовъ. Еще бы для насъ понятно было жужжаніе поляковъ въ 30—40 годахъ; отъ чего жъ оно тогда не тревожило нашего уха? Отъ того, что у патріотовъ не доставало тогда храбрости для жужжанія, даже кабинетнаго, тѣмъ болѣе для крика на улицѣ и даже въ костелѣ. А теперь, не съумѣвъ оцѣнить великодушія гуманнѣйшаго изъ протекторовъ, перетолковавъ въ пользу своего дѣла снисхожденіе русскаго правительства, преувеличивъ, по обыкновенію, число и храбрость своихъ сторонниковъ,—счастіе и несчастіе Польши, приписавъ слишкомъ много чести микроскопическимъ затѣямъ горсти слабо-умныхъ, домашнихъ враговъ нашихъ,—патріоты расхрабрились, поднялись на ходули и давай махать на право и на лѣво картоннымъ мечемъ, и съ ожесточеніемъ поражать болѣе себя, нежели другихъ. Ну, можно ли, не срамясь, сочувствовать подобнымъ героямъ! Можно ли, не краснѣя, примкнуть къ рядамъ людей, которые думаютъ, что стóитъ только лгать и клеветать, пѣть и переодѣваться, убить одного-другаго начальника, чтобъ ослабить *Россію* (!),—стóитъ только во все горло орать вездѣ и всегда. »niech żyje Polska«, чтобъ она жила. Странные, право, вы, гг. поляки! Ну, что же, наконецъ, вышло бы, если бы Польша дѣйствительно ожила? Да вы не можете пожелать ей большаго зла, какъ ея воскресеніе. Она скоро, другой разъ умерла бы, послѣ тяжкихъ мукъ, вмѣстѣ съ вами. У нея такъ же мало средствъ къ отдѣльному существованію, какъ много причинъ къ разрушенію. Вы бы перегрызли другъ друга прежде чѣмъ установили какое либо правленіе; между вами едва ли не больше нашлось бы желающихъ быть королями, нежели подданными. Да и эти послѣдніе, при всякомъ случаѣ, начали бы по своему отстаивать równość, niepodległość, говорить королю: »ты король сегодня, а я завтра«. Вы бы скоро принялись за панщизну, дружбу съ жидомъ (уже начатую), вы бы скоро надѣлали холоповъ, и своимъ гнетомъ возбудили бы противъ себя реакцію народа; вы бы скоро задрались съ однимъ-другимъ сосѣдомъ, выписали бы побольше іезуитовъ, принялись за пропаганду, вообще не измѣнили бы ни на іоту пережитыхъ вами средствъ къ саморазрушенію. Это не фантазія. Это картина будущаго самостоятельной Польши, если только копія съ картины прошедшаго. »Но мы совершенно

перемѣнились«, заговоритъ шляхта. Не видимъ и не вѣримъ! Мы уже не разъ сказали и доказали, что шляхтичъ не измѣнился къ лучшему и измѣниться не можетъ; эта перемѣна не въ его натурѣ. Складъ ума его и сердца, выработанный исторіею, обусловливаемый генеалогіею; одогматизированный воспитаніемъ—останется при немъ на вѣки. Онъ всегда будетъ заносчивъ, матеріаленъ, легкомысленъ, недоволенъ настоящимъ, жестокъ, егозливъ, неспособенъ ни къ какому серьезному дѣлу и саморазвитію. Наличность каждой изъ этихъ примѣтъ польскіе патріоты поминутно подтверждаютъ текущими выходками и всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ складомъ своего быта. »Горбатого могила исправитъ«, говоритъ русская пословица. Только время, въ союзѣ съ какимъ либо особымъ переворотомъ историческимъ, можетъ измѣнить нѣсколько родовыя примѣты шляхты [1]).

Такимъ образомъ: ни дѣло Польши, ни польскіе патріоты сами по себѣ рѣшительно не стоютъ сочувствія людей здравомыслящихъ и благонамѣренныхъ. Въ самомъ дѣлѣ присмотритесь къ героямъ всѣхъ польскихъ манифестацій,—кто они? Ксендзы, женщины, школьники, ремесленники,—за исключеніемъ первыхъ, все народъ между 16 и 25 годами. Ксендзъ большею частію служитъ то ширмою, то рычагомъ демонстрацій,—онъ врагъ болѣе православія, нежели Россіи. Польская женщина егозитъ по призванію,—ея дѣло экзальтація и театральные эффекты,—мысль рѣдко заглядывала ей въ голову. Юноша отъ того шалитъ, что пріятнѣй играть въ политику, быть въ движеніи, разыгрывать въ костелѣ, на улицѣ, роль патріота, переживать смѣсь разнородныхъ, сильныхъ ощущеній, нежели сидѣть въ скучной аудиторіи и, съ томительною постепенностью, сбрасывать съ себя скорлупу невѣжества,—легче попасть въ передовые уличныхъ движеній, нежели въ спискѣ своихъ по школѣ сотрудниковъ. Ремесленники сами не знаютъ, какъ и почему очутились въ толпѣ патріотическихъ агитаторовъ; они прямая жертва подражанія, невѣденія или подстреканія и подкупа; со стороны пана, ксендза, женщины или школьника. Ни одинъ изъ всѣхъ этихъ агитаторовъ не можетъ указать сколько нибудь основную причину своего задора. Рѣдко-рѣдко порядочный и мыслящій человѣкъ очутится въ этой пестрой компаніи. Сочувствовать движеніямъ этихъ героевъ, значитъ быть болѣе рьяными, шаловливымъ и неразумнымъ нежели они сами.

---

[1]) Не зачѣмъ и говорить, что этотъ переворотъ—внутренній либо внѣшній—уже совершился надъ многими сынами Польши, что для многихъ изъ нихъ не прошли безслѣдно уроки исторіи, и что нашъ очеркъ, правдивый въ примѣненіи къ большинству шляхты, къ типу народному, часто ошибается не вѣрою въ [illegible] со многими [illegible].

Но не принимая участія въ уличныхъ демонстраціяхъ, болѣе развитые патріоты польскіе не остаются безъ занятій. Ихъ дѣло осмыслять эти демонстраціи, выдумывать ложь и клевету, насиловать исторію, толковать по своему отрывочные факты и намеки историческіе, сочинять разные доводы quasi законности польскихъ притязаній, составлять протесты, адрессы, журнальныя статьи и брошюры,—словомъ вести чернильныя демонстраціи. И они выбиваются изъ силъ на полѣ этой упорной битвы. Скрипу ихъ перьевъ аккомпанируетъ скрежетъ зубовъ. Съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ и злорадствомъ, эти перья усиливаются ранить Россію во что попало, подымать хоть на волосъ интересъ польскій. Безцеремоннѣй и неукротимѣй эти перья, конечно, тамъ, гдѣ ихъ ничто и никто не сдерживаетъ, гдѣ легче и безконтрольнѣе можно лгать, клеветать, браниться, и удобнѣе находить легковѣрныхъ читателей и почитателей. Но vana ira sine viribus: эти перья болѣе мараютъ руки пишущихъ, нежели Россію. Хотя бы патріоты польскіе исписали всѣ перья, выдернутыя изъ всѣхъ живыхъ еще гусей, Россія даже не пошевельнется.

Какъ въ дѣлѣ уличныхъ, такъ и чернильныхъ демонстрацій есть герои болѣе сдержанные и уклончивые, менѣе рьяные и опрометчивые. Это тѣ, которые меньше увлекаются миражами и утопіями своихъ собратій, которые получили достаточное умственное образованіе и развитіе. Эти господа и потому уже опаснѣе другихъ своихъ собратій, что они могутъ выдержать нѣкоторое, хоть кажущееся, самообладаніе, что у нихъ болѣе средствъ вредить своему врагу, что они ловче могутъ упрятать на задній планъ картины подлинныя намѣренія своихъ воззрѣній, натуральнѣе разыграть роль безпристрастныхъ судей и нейтральныхъ искателей исторической истины. Они больше другихъ знаютъ, искуснѣе владѣютъ діалектикой, они пріобрѣли *авторитеты*. Вотъ предъ этими-то авторитетами польскими, предъ ихъ воззрѣніями и даже задними мыслями и раболѣпствуютъ нѣкоторые изъ нашихъ соотчичей до колѣнопреклоненія. Какъ только авторитетъ начнетъ сваливать съ предковъ своихъ вину угнетенія народа русскаго и православія подъ правленіемъ Польши, поклонники этого авторитета кричатъ: »это угнетеніе—историческая ложь, бредни Кониескаго (ни больше ни меньше!), Бантышъ-Каменскаго и Комп., которымъ теперь стыдно уже вѣрить, да и гдѣ же въ то время не угнетали иновѣрцевъ« ? Какъ только авторитетъ вздумаетъ громоздить вину этого угнетенія на кого либо другаго, чаще всего на самыхъ же русскихъ, его обожатели, точь-въ точь-волъ Крылова, мычатъ: »и мы грѣшны,—стянули (у ксендза, вѣроятно?) клочекъ сѣнца« . Лишь только авторитету не понравится энергичное отстаиванье руссинами своей народности, ловкое отраженіе ударовъ польской пропаганды, друзья авторитета начинаютъ величать ихъ благородную коалицію »національною безтактностію« ;

[illegible] наполниться цивилизаціей сосѣдней шляхты. Лишь только авторитету позволитъ простереть свои притязанія до отдѣленія къ милой Польшѣ здоровыхъ, исконно-русскихъ, областей, стонавшихъ нѣкогда подъ тяжелымъ прессомъ, клевреты авторитета не смѣютъ конечно поддакивать явно его тенденціямъ, а говорятъ что-то въ этомъ родѣ: »оно-то, пожалуй;.... только не мѣшало бы спросить когда-то угнетаемыхъ, согласны ли они снова подвергнуться прежнимъ угнетеніямъ поляковъ?« Стоитъ только авторитету натянуть цитату, дать своеобразный смыслъ факту, сказать парадоксъ и т. п., заподозрѣть русскаго въ недобросовѣстности, односторонности, невѣжествѣ, чтобы почитатели его воскликнули съ благоговѣніемъ: »αὐτὸς ἔφη!« Стоитъ только авторитету сказать: »мы ополячились!«, чтобы сторонники его отвѣтили съ подобострастіемъ: »[illegible]! Теперь вы чуть не святы«; теперь вы имѣете полное право полячить и католичить всѣхъ и каждаго, на всемъ пространствѣ Россіи — отъ Радзивилова до Смоленска, отъ Балтійскаго до Чернаго моря«. Стоитъ только авторитету вообразить, что причиною совращенія съ православія древнихъ родовъ русскихъ было желаніе цивилизаціи, недовольство дикостью и невѣжествомъ народа и духовенства русскаго, а не пропаганда, чтобы домашніе враги наши завопили въ одинъ голосъ: »Ну, да, ну да!« Стоитъ только пожелать русскому вынести на чистую воду гласности клевету ясневельможнаго на русское правительство, переполненную презрительно-патріотическимъ уклоненіемъ его отъ признательности за доброе дѣло въ пользу Россіи и православія, — чтобы почитатели ясневельможныхъ отказались помѣстить протестъ русскаго въ томъ самомъ изданіи, въ которомъ красуется презрительная клевета ясневельможнаго. Стоитъ только Вѣстнику энергически отстаивать нашу народность и православіе, ловко размаскировывать затѣи польской пропаганды, что бы какой нибудь скоморохъ *прохудьмы* »сыщикъ!«, а китайскій мандаринъ [1]) вообразилъ поляковъ вѣтреными мельницами, а насъ Донъ-Кихотами. Если ужъ, наконецъ, совѣсть или отношеніе заставляютъ этихъ господъ сказать авторитету всѣмъ извѣстную истину, не согласиться съ его воззрѣніемъ либо притязаніемъ, они чуть не на колѣнахъ вымаливаютъ у него прощеніе за эту дерзость, чуть не со слезами величаютъ его и »почтеннѣйшимъ и ученѣйшимъ« и всякими другими, ублажающими эпитетами. Что-жъ это, гг. сотрудники польскихъ авторитетовъ (и даже не авторитетовъ), — измѣна или

---

[1]) Какъ же иначе прикажете назвать человѣка, *) который живя въ Кіевѣ, не видитъ и не слышитъ польскихъ, весьма серьезныхъ затѣй и манифестацій.

*) Мы разумѣемъ автора отзыва о Вѣстникѣ, помѣщеннаго въ одномъ изъ недавнихъ нумеровъ Одесскаго Вѣстника, подписавшагося Н. Сементовскій.

идолопоклонство? Если первая, то сбросьте маску, выразитесь ясно, и мы узнаемъ, что вы, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Если послѣднее, то да будетъ вамъ стыдно. Неужели вы думаете, что польскій авторитетъ, сдѣлавшись *авторитетомъ,* перестаетъ быть *польскимъ?* Не скорѣе ли должно думать такъ, что чѣмъ больше онъ авторитетъ, тѣмъ онъ больше польскій, тѣмъ больше онъ считаетъ себя обязаннымъ отстаивать перомъ и головой то, что неавторитеты хотятъ отстоять вокальными наслажденіями, да конфедераткой, панихидой по zamordowanych w Warszawie, да чернотою костюма? Яснѣе—сдѣлавшись авторитетомъ—онъ вдвойнѣ сдѣлался польскимъ патріотомъ и сугубымъ врагомъ Россіи. Онъ натуживаетъ всю свою изобрѣтательность, все свое значеніе, чтобы сгруппировать возможно большее количество отрывочныхъ событій и фразъ изъ историческихъ документовъ, бросающихъ воображаемую тѣнь на Россію и православіе и quasi поддерживающихъ предзанятую мысль и патріотическую тенденцію шляхтича. Онъ потому же не можетъ быть судьею въ польскомъ дѣлѣ, почему лѣкарь не можетъ лѣчить своей семьи: непремѣнно пересолитъ. Дѣло польское такъ плотно лежитъ у него на глазахъ, на сердцѣ, что заслоняетъ собою само себя и лишаетъ возможности смотрѣть прямо, видѣть вѣрно и округло. Будучи авторитетомъ заслуживающимъ вниманіе въ безразличныхъ для Польши либо Россіи изысканіяхъ, тотъ же самый авторитетъ, какъ только дѣло коснется рѣшенія польско-русскихъ между народныхъ вопросовъ, дѣлается весьма обыкновеннымъ, весьма польскимъ, пристрастнымъ компиляторомъ и декламаторомъ, не брезгающимъ никакими средствами для достиженія цѣли. Ему тотчасъ померещатся земли русскія—землями польскими, св. Владиміръ, Несторъ и проч.—уніятами, и т. п.

И много ли наберется людей мыслящихъ между затѣйщиками польскими? Едва ли одинъ на тысячу; остальные мыслятъ умомъ авторитетовъ, или вовсе не мыслятъ, предоставляя эту громоздкую работу тѣмъ бѣднякамъ, которымъ ѣсть нечего, которые должны работать сами на себя. И къ чему, въ самомъ дѣлѣ, родовитому шляхтичу натуживать свой панскій мозгъ, выжимать изъ него непослушную мысль, тратить цѣлые годы на безполезное для матеріальнаго человѣка моральное развитіе, когда онъ, слава Богу, сытъ, одѣтъ, беззаботенъ и жиренъ, не смотря на свою полуграмотность! На него одного работаютъ сотни-тысячи рукъ, на чтожъ ему учеба? Есть что прокучивать и на родинѣ, есть съ чѣмъ показать свою вельможность и заграницей, есть что бросить и въ ящикъ Бема, и въ кассу Мирославскаго, и въ кошелекъ квесторки. Довольно для истаго пана, если онъ получилъ кое-какую (весьма, впрочемъ, размашистую и своеобразную) салонную выправку, сносно картавитъ по французски, пріобрѣлъ кое-какія популярныя свѣдѣнія по части нѣкоторыхъ наукъ, любитъ, какъ умѣетъ, Польшу,

ненавидитъ, сколько есть духу, Россію,—для нетаго, говоримъ, нам ничего больше не нужно. Но прывычкѣ только или неволѣ онъ помажется гимназическимъ, или университетскимъ образованіемъ, и то для того только, чтобы пріобрѣсти какое либо общественное значеніе,— первый, рѣдко третій, гражданскій или военный чинъ, имѣть нѣкоторый преферансъ на выборахъ. Но многіе считаютъ унизительнымъ для своего гонора и эти преимущества, какъ даруемыя русскою гражданственностію. Ничего не дѣлать, ничего не думать, нигдѣ не служить,— вотъ девизъ вельможнаго! Ну, стоютъ ли подобные люди комплиментовъ и даже ухаживанья, съ какими относятся къ нимъ нѣкоторые изъ нашихъ соотчичей—и устно, и печатно? А между тѣмъ поляки (и друзья ихъ) считаютъ себя *интеллигенціею* края. Нужно не имѣть никакой интеллигенціи, чтобы считать ихъ интеллигенціею вообще и интеллигенціею края вчастности. Ее только можно назвать шляхетскою интеллигенціею, не имѣющею ничего общаго съ идеей интеллигенціи, съ потребностями края, никогда не проникавшею въ слои народные, вѣчно обособлявшею панскіе интересы. Эта интеллигенція, построенная на началахъ, радикально противоположныхъ духу и проявленіямъ народно-русской жизни, всегда шла отъ сей послѣдней на разстояніи параллельной линіи и, не смотря на всѣ свои усилія, не могла привиться къ сознанію русскаго человѣка,—сдѣлаться интеллигенціею края, отличнаго отъ польско-католической интеллигенціи и бытомъ и преданіями, и языкомъ и религіей.

Быть можетъ это дѣлается изъ гуманныхъ побужденій,—въ видахъ скорѣйшаго сближенія съ поляками и прекращенія племенной ихъ съ нами вражды? Плохо тотъ знаетъ натуру шляхтича, кто воображаетъ, что съ нимъ можно сблизиться путемъ гуманности, уступокъ и великодушія! Такъ можно ошибиться, смотря на шляхтича-патріота изъ Москвы или Петербурга. Польская натура—это извѣстный мѣшокъ нищаго, въ извѣстной баснѣ: сколько ни сыпь поляку, не скажетъ: довольно! Отдай ему Польшу, онъ завтра потребуетъ Подолія, прикинь и Подолію, начнетъ егозить изъ-за Волыни, тамъ захочется по Днѣпръ, далѣе по Смоленскъ, а тамъ не далеко и до Москвы. Вѣдь не разъ Польша запускала лапу и въ сію послѣднюю и даже однажды очень плотно. И теперь есть цѣлая брошюра, доказывающая что Москва— польскій городъ. Когда полякъ заявитъ свои притязанія, будь только снисходителенъ, гуманенъ—и онъ возмечтаетъ, что онъ правъ, что противникъ его недалекій человѣкъ, что онъ струсилъ, что у него нѣтъ силъ тягаться съ ясневельможнымъ, онъ подниметъ носъ, начнетъ напирать сильнѣе, ja tego chcę, to moje, nie pozwalam, будетъ онъ кричать, харахорясь; а притупните ногой, постращайте, и онъ do lasu. Вотъ факты: можно ли вообразить отношенія гуманнѣе тѣхъ, въ какихъ поставилъ себя къ Польшѣ настоящій Король ея? Не въ этой

бѣглой замѣткѣ можемъ ли исчислить мы всѣ тѣ заботы прошедшаго, то вниманіе къ улучшенію настоящаго и будущаго Польши, какими говорилъ къ уму ея и сердцу ея великодушнѣйшій повелитель? Какъ же оцѣнила она это великодушіе? Извѣстно всему свѣту. Вотъ начались безпричинныя и безразсудныя манифестаціи. Русское правительство спокойно сначала смотритъ на ребяческія выходки патріотовъ, и чтожъ? Сегодня были въ сборѣ только десятки агитаторовъ, завтра тысячи, а тамъ, смотришь, толпа уже выросла въ десятки тысячъ: ея требованія дѣлаются наглѣе, выходки азартнѣй, она возмечтала что за нею пойдетъ въ огонь и въ воду вся Европа, что сія послѣдняя приказала Россіи не мѣшаться въ дѣло Польши, объявить ея самостоятельность,— посыпались протесты, адресы, собирается сеймъ, избирается король, раздаются выстрѣлы,—ну просто—въ очахъ рябитъ отъ пестроты и быстроты явленій, въ головѣ звенитъ отъ шума и толкотни польскихъ патріотовъ. Дѣло Польши теперь считаютъ патріоты оканчивающимся, Царство Польское отвоеваннымъ; остается только ожилить и отлѣпить скелетъ его областями чисто русскими, чтобы воскресла вся Рѣчь-посполитая. Короче: гуманность, великодушіе и сдержанность въ отношеніи къ полякамъ ведутъ къ результатамъ радикально противоположнымъ тѣмъ, какихъ можно ожидать отъ этихъ мѣръ и какіе обыкновенно достигаются примѣненіемъ этихъ благородныхъ мѣръ ко всякому другому лицу и народу.

»Но все-таки не слѣдуетъ дразнить поляковъ и отталкивать ихъ отъ себя запальчивостію нашей полемики«, скажутъ сотрудники польскихъ патріотовъ. Почему же такъ? Чтожъ—мы уже народъ побѣжденный поляками, мы уже обращены въ панскихъ холоповъ, что не смѣемъ разинуть рта, когда они чуть не наступаютъ намъ на шею, осыпаютъ насъ бранью, перешагнувшею за черту всякаго приличія, сѣютъ вокругъ и около, вблизи и вдали ложь и клевету, перешедшую за черту самой невѣроятной вѣроятности? Развѣ поляки получили монополію дразнить насъ,—безраздѣльную привиллегію на запальчивость въ отношеніи къ намъ, такъ что на самыя наглыя дерзости ихъ, на всѣ проявленія ихъ остервенѣнія, мы смѣемъ только отвѣчать: do nóg padam, przepraszam pana? Полноте, гг. полонофилы, не будетъ ли это низостью, постыдною для народнаго достоинства націи, даже менѣе честной и невинной, нежели Россія? Не мѣтитъ ли навязыванье этой деликатности во время битвы на то, чтобы отобрать у насъ оружіе, которымъ поражаютъ насъ наши непріятели? На войнѣ хороши всѣ оружія, достигающія цѣли.... Паны еще не паши трехбунчужные, мы не *гяуры-собаки*. Кто унизился уже до разбоя, того разрѣшите, отцы командиры, бить хоть морально!

...Да, мы этимъ оружіемъ не рѣшимъ спора—кто правъ, кто

виновать«, продолжать полонофилы. Но мы и не рѣшаемъ этого вопроса: рѣшать его стыдно. Мы даже не споримъ съ поляками. Спорить можно о предметѣ сомнительномъ представляющемъ равные шансы обѣимъ спорящимъ сторонамъ, а наше дѣло съ поляками слишкомъ ясно для того, чтобы споръ объ немъ не былъ напрасною тратою словъ и времени. Ясно, какъ день, что шляхта мечтаетъ, требуетъ чужаго, бунтуетъ противъ власти, назначенной Богомъ, признанной Европою; о чемъ же тутъ спорить? Можно ли, не краснѣя и не роняя истины, опровергать то, что земли русскія—земли польскія, что Россія существуетъ только съ 1772 года, что великороссы—не славяне, а тураны (?), бродяги и разбойники, что, при постройкѣ дворца въ Петербургѣ посажено на колья 100,000 юношей-католиковъ за то, что они не хотѣли принять православія и проч. и проч.? Спорить объ этихъ галлюцинаціяхъ стыдно. Мы только можемъ морально бичевать ихъ, можемъ вести битву, а на войнѣ—повторимъ снова—всякое оружіе хорошо. И дружиться-то намъ съ поляками не къ чему. Что за дружба, когда вѣчно нужно держать для друга камень за пазухой!

»Но вы роняете себя, роняете истину запальчивымъ тономъ вашей полемики«, будутъ напирать полонофилы. Если бы даже мы прибѣгли къ такимъ кабачнымъ пріемамъ полемики, какими пользуются наши противники [1]), и тогда бы мы не унизили ни себя, ни истины, во первыхъ потому, что дѣло у насъ съ поляками не объ истинѣ, во вторыхъ потому, что мы бы только сражались съ ними равнымъ оружіемъ, платили имъ wet za wet, какъ они выражаются,—поступили согласно съ другой пословицей: »какъ аукнешь, такъ и откликнется«. Но мы никогда не унижались до подобнаго подражанія, хоть имѣли на то полное право. Мы только называли вещи и лица по имени,—галлюцинаціи—галлюцинаціями, мятежника—мятежникомъ, шута—шутомъ. Мы не бранили поляковъ [2]), какъ они насъ, а только употребляли неизбѣжныя сближенія, заимствованныя отъ патологіи психической или физической,—какъ единственный ключь къ истолкованію возможности или къ нахожденію инипіативы исключительныхъ явленій. Какъ, напримѣръ, назовете вы видѣнія того человѣка, который созерцаетъ на яву то, чего нѣтъ и чего даже быть не можетъ? Конечно, бредомъ бѣлой горячки; такъ мы и объясняли эти видѣнія, потому что только въ этой болѣзни можно созерцать подобныя видѣнія,—потому что нѣтъ точнѣе названія для этихъ видѣній. Развѣ кроткій и незлобивый Іисусъ Христосъ ронялъ себя или истину, когда называлъ фарисеевъ вонючими, наваленными гробами, дѣтьми діавола, язычниковъ псами,—когда

---

[1]) Заграничные особенно, задающіе тонъ, и пишущіе инструкціи для туземныхъ патріотовъ польскихъ.

[2]) Мы даже не имѣемъ дѣла собственно съ народомъ польскимъ, но съ его агитаторами, ведущими самихъ себя и сей народъ въ пучину золъ.

вооружился даже вервіемъ противъ нарушителей благочинія въ храмѣ іерусалимскомъ и проч.? Развѣ ронялъ себя и истину Іоаннъ предтеча, когда тѣхъ же фарисеевъ называлъ порожденіемъ эхидны и другими не совсѣмъ деликатными именами? Отвѣтъ очевиденъ. Есть обстоятельства, въ которыхъ и есть личности, въ отношеніи къ которымъ деликатность была бы не только нелѣпостью, но даже преступленіемъ. На войнѣ не спрашиваютъ: позвольте ли васъ ранить, чѣмъ и какъ,—не говорятъ: извините, если я захочу нанести вамъ вотъ эту, не совсѣмъ деликатную рану, а бьютъ чѣмъ попало, какъ попало и во что попало. Пусть, впрочемъ проповѣдники убійствъ помнятъ, что это сближеніе употреблено для того только, чтобы пріемами и условіями битвы физической объяснить пріемы и условія битвы моральной, на которую вызвали насъ польскіе патріоты и на которой мы только защищаемся, а не нападаемъ, но отнюдь не для того, чтобы предоставить себѣ право отвѣчать выстрѣлами на ихъ разбойничьи выстрѣлы, отвѣтъ на нихъ—висѣлица.

Кто думаетъ, что рѣзкостью полемики можно раздразнить больше поляковъ и оттолкнуть ихъ отъ себя еще далѣе, тотъ незнаетъ поляковъ, не изучилъ вполнѣ ихъ къ намъ отношеній. Польскаго патріота ничѣмъ уже нельзя раздразнить больше того, сколько онъ раздраженъ противъ насъ, никакими физическими и моральными мѣрами нельзя толкнуть дальше той точки, на которой стоитъ безпричинная и безпримѣрная злость его и ненависть къ Россіи и православію. Стóитъ только заглянуть въ тѣ періодическія, заграничныя изданія поляковъ, въ которыхъ свободно изливаются ихъ патріотическія ощущенія, чтобы не сомнѣваться въ этой истинѣ, чтобъ убѣдиться въ томъ, что подобія, которыми хотѣли мы истолковать и окачествить ожесточеніе противъ насъ польскихъ патріотовъ, слишкомъ блѣдны для выраженія характера и степени ихъ бѣшенства. Но мы оставляемъ въ сторонѣ проявленіе этого бѣшенства въ прокламаціяхъ, газетахъ, затѣяхъ, мы обращаемся къ жизни дѣйствительной и спрашиваемъ: можно ли сдѣлать чѣмъ либо свирѣпѣе тѣхъ (конечно, немногихъ) людей, которые уже достигли послѣдней ступени нравственнаго безобразія, стали на одной точкѣ съ весьма не многими кровожадными животными? Эти люди уже не только унизились до отвратительнаго ремесла разбойниковъ, но и создаютъ для него своего рода кодексъ, систему, глумятся надъ законами Божескими и человѣческими, воспрещающими и казнящими убійство, кощунствуютъ надъ словомъ Божіимъ и самимъ Богомъ, извиняя разбойниковъ примѣромъ израильтянъ, которымъ Богъ повелѣлъ истреблять язычниковъ,—примѣромъ—или точнѣе—преступленіемъ *Моусея*, убившаго египтянина, желая вычеркнуть изъ синайскаго законодательства, заповѣдь *Божію*, »не убій« переданную людямъ чрезъ того же Моусея [1]). Без-

1) Въ изувѣрское весьма широкое разсужденіе о законности убій-

сознательное ожесточеніе этихъ людей не сознаетъ различія между ветхимъ закономъ и новымъ, ставитъ насъ рядомъ съ язычниками, истощавшими силы народа Божія тиранніею, доходившею до умерщвленія дѣтей израильтянъ мужескаго пола! Чтожъ,—если вы израильтяне, ваши Ярошинскіе, Рилли, Ржонцы и другіе—польскіе моусеи, а мы египтяне; то, пока не перевѣшали вашихъ *моусеевъ*, неугодно ли имъ поискать земли обѣтованной, только лишь внѣ Европы, съ омерзеніемъ и негодованіемъ отвращающейся отъ вашей теоріи и практики убійства. Не хотите ли вы довести Польшу до того положенія, въ какомъ находилась она на вѣнскомъ конгрессѣ, когда имя ея удержалось на картѣ Европы только великодушіемъ Александра I. Вотъ тѣ люди, которыхъ, въ простотѣ сердца, или по внушенію задней мысли, нѣкоторые, quasi русскіе, боятся раздразнить и оттолкнуть отъ себя рѣзкимъ сближеніемъ, казнить удачною остротою, меткимъ названіемъ лицъ и характера ихъ идей и поступковъ. Вотъ тѣ люди, которымъ обязываютъ насъ говорить разныя деликатности въ то самое время, когда они въ насъ стрѣляютъ и даже узаконяютъ подлое и трусливое убійство неповинныхъ о Христѣ братій!

Есть еще особая порода сепаратистовъ и подражателей польскимъ патріотамъ. Ихъ легко узнать по ихъ странному, не европейскому костюму. Благо, что сейчасъ подвернулся подъ руку одинъ изъ этихъ чудаковъ,—опишемъ его. Ему не болѣе 25 и не менѣе 17 лѣтъ. На немъ *свита* малороссійскаго простолюдина, полу-бѣлая—изъ домашняго полотна рубашка, съ коротенькимъ воротомъ, безъ галстуха, но за то съ двухкопѣечною, или цвѣтнаго стекла, запонкою. Воротникъ вышитъ красною бумагой. Широкіе, полотняные шаровары запущены въ смазные сапоги, доходящіе до колѣнъ, талія его стянута кожанымъ кушакомъ, на головѣ высокая изъ чернаго, или изъ сѣраго, барашка шапка. Костюмъ описаннаго сейчасъ оригинала не обязателенъ, впрочемъ, для всѣхъ юношей той же касты. Нѣкоторые изъ нихъ допускаютъ въ немъ мелкіе и даже крупныя измѣненія. Женируясь слиться вполнѣ съ внѣшностію копируемаго ими простолюдина (странное противорѣчіе!),—они, вмѣсто простого сѣраго сукна, расходуютъ на свиту трехрублевое, вмѣсто домашняго холста на рубашку—голландское,—подпоящутся шелко-

---

ства русскихъ въ Gazet. Narod. № 45, прокламація Александра Замойскаго, Głos Kapłana polskiego. Издатель этой подземной газеты (которыхъ выходитъ въ одной Варшавѣ 3), по мнѣнію Gazety wrocławskiéj, есть молодой ксендзъ, воспитанникъ варшавской семинаріи, живущій въ Парижѣ. «Z ojców kościoła i innych dzieł i powag katolickich ma on wyprowadzać, że morderstwo (убійство) polityczne tyranów i ich pomocników iest czynem (дѣломъ) dobrym. Przytym ma rozszerzać zasady socialistyczne najokropniejszego rodzaju». Gazet. Narod. № 47. 1863 г.

вымъ краснымъ кушакомъ, надѣнутъ лакированныя сапожища, пихнутъ въ воротъ рубашки цѣнную запонку, и съ важностью аиста расхаживаютъ, словно въ маскарадѣ, по улицамъ, театрамъ, церквамъ. Болѣе завзятые считаютъ въ теплый день лишнею даже свитку и являются безъ нея въ мѣстахъ публичныхъ. Чего хотятъ эти *свитники*? Навязать Европѣ свой, весьма неизящный, костюмъ? Смѣшная затѣя! Хотятъ, чтобъ ихъ признали малороссійскими простолюдинами? Странное желаніе! Къ чему же тогда въ костюмѣ эти атрибуты роскоши, незнакомые и недоступные простолюдину? Ужъ нѣтъ ли въ этой костюмировкѣ какой либо задней мысли, нѣтъ ли, напримѣръ, затѣи возстановить костюмъ національный для того, чтобы сдѣлать первый шагъ къ возстановленію чего либо иного? Чуть ли не такъ! Не смѣемъ распространять нашей догадки на всѣхъ даже не многихъ свитниковъ, а что она примѣнима къ нѣкоторымъ, это болѣе, чѣмъ догадка. Нѣкоторые изъ этихъ чудаковъ воображаютъ только, что мужицкій костюмъ имъ къ лицу, иные для того маскируются, что такъ дѣлаютъ и Г. и С. и Т. и многіе другіе. Но у немногихъ кое-что свое на умѣ; ихъ забава не такъ невинна, какъ первыхъ. У нихъ роятся свои сепаративныя идеи и тенденціи, кое-гдѣ мимовольно пробивавшіяся наружу въ обособленіи языка, въ тоскѣ по козачинѣ, въ придиркахъ къ патріотамъ русскимъ и обличителямъ поляковъ, въ выгораживаніи сихъ послѣднихъ отъ жестокостей и религіознаго фанатизма въ отношеніи къ нашимъ предкамъ, отъ убійства Сусанина и нѣкоторыхъ героевъ малорусскихъ, въ негодованіи за усвоеніе великороссамъ племеннаго родства съ малороссами (не думаемъ, чтобы для малоросса, низко было родниться съ великороссомъ [1]), вообще — въ нѣкоторыхъ, не совсѣмъ ясно обозначившихся, претензіяхъ на обособленіе національности и даже въ болѣе или менѣе скрытомъ тяготѣніи къ Польшѣ. Мы еще пока удержимся отъ названія этихъ господъ и отъ ясной и точной бесѣды съ ними и желаемъ отъ души, чтобъ они избавили насъ однажды навсегда отъ этой тяжкой необходимости и, несомнѣнными знаками братской любви къ единокровному и единовѣрному великороссу доказали неосновательность нашихъ подозрѣній. А пока они это сдѣлаютъ, мы неможемъ не высказать того общественнаго мнѣнія, что внѣшній ихъ видъ довольно забавенъ, и что, изъ уваженія къ самимъ себѣ, имъ не мѣшало бы разкостюмироваться. Они, можетъ быть, и не подозрѣваютъ того, что

---

[1]) Только въ великой Россіи уцѣлѣли древніе роды великокняжескіе, а южно и западно-русскіе измѣнили и вѣрѣ и національности предковъ, такъ что въ Малороссіи рѣдко-рѣдко гдѣ попадаются потомки полковниковъ малорусскихъ.

всякій разъ, какъ только они гдѣ либо появятся, производятъ въ присутствующихъ какое-то стѣсненіе, сосредоточиваютъ на себѣ любопытный и вопрошающій взглядъ, что при этомъ взглядѣ иногда нужно быть очень печальнымъ, чтобы подавить на устахъ мимовольную улыбку, что ихъ мѣряютъ глазами съ ногъ до головы, когда они позволятъ себѣ явиться въ своемъ маскарадномъ костюмѣ среди мало-мальски порядочныхъ людей. Они не замѣчаютъ, что ихъ знакомые и даже родные стыдятся признаться къ нимъ на улицѣ и, завидѣвъ ихъ издали, поворачиваютъ въ другой переулокъ, или покрайней мѣрѣ—на другую сторону улицы, или, будучи застигнуты врасплохъ и не успѣвъ сдѣлать этого маневра во-время, отворачиваются въ сторону, какъ бы разсматривая что либо, или глазѣя на проѣзжающихъ. Не пріятно же, въ самомъ дѣлѣ, стоять рядомъ съ человѣкомъ, котораго странный нарядъ невольно поражаетъ вниманіе мимоходящихъ своею не европейскою исключительностію [1]).

Много можно было бы сказать пригоднаго для всѣхъ тѣхъ, о комъ вынуждена была сдѣлать болѣе или менѣе ясный намекъ настоящая замѣтка; но заключенія, которыя можно бы вывесть изъ набросанныхъ здѣсь наблюденій и посылокъ, отчасти такъ ясны, что дѣлаютъ излишнимъ словесное ихъ выраженіе, отчасти такъ непонятны, въ настоящій моментъ ослѣпленія, для тѣхъ людей, съ которыми мы имѣли дѣло, что мы предоставляемъ имъ самимъ сдѣлать современемъ, доучившись въ школѣ жизни и наблюденій, выводы изъ нашихъ замѣчаній. Мы вѣримъ, что они тогда разочаруются во многомъ, что имъ не будетъ, по русской пословицѣ, казаться »больше ломоть въ чужой рукѣ«, не будетъ казаться »золотомъ, все что блеститъ«.... Они увидятъ, что не вездѣ »тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ, что нѣтъ худа безъ добра«, что бредни ихъ плохо понятой свободой, равенствомъ были миражи, вызванные знойною температурою ихъ молодой натуры, что въ обществахъ *человѣческихъ* немыслимо безусловное, идеальное блаженство,

---

[1]) Къ чести, впрочемъ, свитниковъ нужно сказать то, что многіе изъ нихъ разкостюмировались, когда замѣтили, что польскіе патріоты, *по своимъ особымъ причинамъ*, начали поддѣлываться къ русинамъ—между прочимъ и подражаніемъ ихъ костюму, а можетъ быть и потому, что поняли, что истинный патріотизмъ и любовь къ простому народу должны выражаться не подражаніемъ его костюму и необразованнымъ привычкамъ, но содѣйствіемъ улучшенію его быта нравственнаго и матеріальнаго и возбужденію въ немъ усыпленнаго сознанія русской народности.

что изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ въ мірѣ обществъ, общество польское было самое каррикатурное и деморализированное, что только въ дружной коалиціи съ великою Россіею—разныя другія Россіи могутъ найдти и покой, и счастіе, и довольство и безопасность отъ враговъ внѣшнихъ, что враги наши хотятъ раздробить наши силы, переломать насъ разрозненными прутиками, когда не могутъ этого сдѣлать съ прутиками, сложенными вмѣстѣ [1]), что, jak świat światem, tak polak rusinowi (или moskalowi) nie będzie bratem. Дай Богъ, чтобы скорѣй увидѣли все это не многіе слѣпотствующіе на время сыны Россіи!

Мы не сдѣлаемъ отступленія отъ темы настоящей замѣтки, если, послѣ указанныхъ намековъ на сочувствіе польскимъ интересамъ нашихъ соотчичей, не пройдемъ молчаніемъ одной выходки французской газеты Деба (Journal des Débats), ополчившейся въ защиту если не польскихъ притязаній, то хоть враждебныхъ Россіи манифестацій.

Мы уже намекнули (въ отвѣтѣ Gazecie Narodowéj, Вѣстн. 3 кн.) на разныя продѣлки польскихъ патріотовъ—обмануть и разжалобить Европу, пробудить въ ней сочувствіе къ угнетенію (мнимому) Польши Россіею и негодованіе ея къ сей послѣдней. Мы видѣли и то, какъ приняла ихъ интриги, протесты и жалобы Европа,—мы видѣли, какъ она пожимала плечами, любуясь экзальтаціей, слушая бредни и утопіи польскихъ патріотовъ. Наконецъ сіи послѣдніе добились чего-то въ родѣ сочувствія отъ одного изъ органовъ *парижскихъ*. Французъ ли [2]), или (что всего вѣроятнѣе) полякъ вздумалъ объяснить послѣднія агитаціи поляковъ несправедливостями въ отношеніи къ нимъ самой Россіи. Journal des Débats узаконяетъ недовольство поляковъ на Россію тѣмъ, что сія послѣдняя будтобы нарушала въ отношеніи къ нимъ нѣкоторыя постановленія вѣнскаго конгресса. Въ какой мѣрѣ справедливъ этотъ

---

[1]) Припомнимъ извѣстную басню о старикѣ, который, умирая, велѣлъ подать себѣ пучекъ прутьевъ, связанныхъ вмѣстѣ и призвавъ къ себѣ своихъ сыновей, велѣлъ каждому порознь переломать этотъ пучекъ прутьевъ. Когда ни одинъ изъ его сыновей не могъ этого сдѣлать, онъ велѣлъ ломать имъ прутики водиночку. Дѣти старика, конечно, легко уже исполнили его желаніе. Смыслъ басни очевиденъ; онъ высказанъ еще словами Давида: добро и красно братіи жити вкупѣ! Вотъ это-то коварное желаніе поляковъ,—поломать насъ по одиночкѣ; зажечь среди насъ междоусобицу и виднѣется во всѣхъ ихъ затѣяхъ, протестахъ, прокламаціяхъ, адрессахъ,—во всей пропагандѣ.

[2]) Если французъ, то вдохновившійся напрасно единствомъ религіи съ поляками и воспоминаніемъ услугъ, безполезныхъ, впрочемъ, и даже вредныхъ, оказанныхъ ими Франціи въ 1812 году.

упрекъ? На этотъ вопросъ мы обязаны, хоть кратко, отвѣтить какъ потому, что онъ заявленъ однимъ изъ старѣйшихъ и популярнѣйшихъ органовъ французскихъ, такъ и потому, что поляки не преминутъ уцѣпиться за этотъ упрекъ обѣими руками, какъ тонущій за соломинку, и подперетъ шаткость своихъ воззрѣній авторитетомъ Деба.

Рѣчь-посполитая умерла неестественною смертью; политическая анатомія ея трупа была неизбѣжна. Трупъ былъ перетащенъ въ Вѣну; тамъ собрались извѣстнѣйшіе тогда хирурги европейскіе, и анатомія прежней Польши произведена была 28 мая (9 іюня) 1815 г., по всѣмъ правиламъ политической хирургіи, съ составленіемъ акта, увѣковѣчившаго законность и достовѣрность этаго событія. Члены трупа, закупорены въ разныя банки, то со спиртомъ, то съ уксусомъ, и отданы на сохраненіе разнымъ хирургамъ. Эта операція совершилась такъ явно, что сомнѣваться въ ней—значитъ не вѣрить ни ушамъ ни глазамъ,—такъ законно, что противорѣчить ей—значитъ не признавать никакого закона. Выразимся безъ аллегоріи. Находя неудобнымъ возстановленіе царства безъ народа, существованіе общества безъ рукъ и безъ ногъ, съ безчисленными головами и почти столько же безчисленными врагами; находя неудобнымъ ограждать гнѣздо революцій переполненное средневѣковыми рыцарями, кругомъ сплошныхъ крѣпостей, съ 300,000-нымъ гарнизономъ,—Европа хотѣла въ 1815 году вычеркнуть изъ своей карты слово — Польша. Еслибъ эта географическая помарка была сдѣлана своевременно,—бытіе старой Польши теперь былобы достояніемъ археологіи,—много много исторіи, вокругъ насъ не шныряли бы разные мелкіе и крупные польскіе хлопотуны, нашихъ чувствъ не безпокоила бы ни кошачья музыка, ни маскарадные костюмы, ни Boże, coś Polskę, ни пистолетные выстрѣлы. Но у Благословленнаго, которому предложена была сказанная географическая помарка [1]), слишкомъ много было великодушія; онъ по-христіански забылъ и 1812, и разные другіе—и двѣнадцатые и недвѣнадцатые годы,—помарка не сдѣлана; Царство Польское и доселѣ какъ-то безсвязно торчитъ на картѣ Европы. Современные этому событію поляки понимали великость оказаннаго имъ благодѣянія. Они считали Польшу до того уже мертвою, что назвали Александра I. Воскресителемъ Польши. И Польша, точно, будто воскресла: отдохнула отъ безурядицъ Рѣчи-посполитой, отъ бурныхъ сеймовъ и сеймиковъ, отъ самоволія шляхты, ея глумленія надъ

[1]) Галиція и Герцогство Познанское могли остаться при своихъ личныхъ именахъ, но Александру I. доставалась часть, носившая имя цѣлаго,—доставалось *имя* націи, терявшей политическую самостоятельность; поэтому, равно и потому, что онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ событій 1812—1815 годовъ, и предоставлено было ему оставить на картѣ или вычеркнуть изъ нея имя этой (разложившейся на составныя части) націи.

закономъ и народомъ, окрѣпла во всѣхъ суставахъ народной жизни, словомъ зажила такою жизнію, какою не живала отъ самаго своего рожденія. Но на долго ли? Съумѣлаль она оцѣнить по достоинству великодушіе своего Воскресителя? Поняла ли, что жизнь ея утрачена и что та, которою она живетъ, принадлежитъ уже не ей, а тому кто вдохнулъ въ мертвую дыханіе новой, совсѣмъ иной жизни? Послужило ли по крайней мѣрѣ недавнее прошедшее для Польши урокомъ въ будущемъ? 31-й годъ ясно доказалъ, что у трупа не можетъ быть ни мысли, ни чувства. Мечтая, что Турція, въ союзѣ съ чумой, ослабила крѣпость Россіи, Польша пустила въ ходъ всѣ свои силы или точнѣе — всю свою заядлость и неблагодарность, чтобы достойнымъ поляка образомъ заплатить своимъ воскресителямъ. Образчикъ болѣе низкой неблагодарности и болѣе безпричинной злости едва ли представляетъ не только исторія людей, но и животныхъ. Послѣ этого конвульсивнаго движенія Польши, она сама отреклась и отъ той жизни, которую даровали ей другіе, а опытъ вразумилъ этихъ другихъ отказаться, въ свою очередь, отъ системы снисхожденія, неприменимой къ немногимъ личностямъ и къ одной націи. Вотъ какимъ образомъ эта нація выработала для себя, собственными усиліями, третій фазисъ жизни, немного отличный отъ втораго! Опека надъ нею сдѣлалась нѣсколько строже и серьезнѣе. По чувству самосохраненія, Россія должна была защищаться отъ повторенія 31-го года.

Послѣ этого, бѣглаго, но вѣрнаго очерка судьбы Польши и отношеній ея къ Европѣ и Россіи, понятно, что вѣнскій конгресъ не былъ такъ милостивъ къ Польшѣ, какъ это воображается полякамъ или ихъ сторонникамъ, что группа людей, анатомировавшихъ Рѣчь-посполитую, не была къ ней такъ снисходительна, чтобъ измѣненіемъ акта этой операціи могло ухудшиться положеніе трупа, что мертвой дано личнымъ великодушіемъ Благословеннаго новое бытіе и что, своимъ поступленіемъ, Польша лишила себя и этой жизни и слѣдовательно нарушила болѣе нежели вѣнскій конгрессъ,—поглумилась надъ благостію Александра I-го, осыпавшаго вопреки намѣреніямъ вѣнскаго конгресса недостойную своими благодѣяніями потому только, что онъ хотѣлъ исполнить буквально заповѣдь Спасителя *любите враги ваша*, и точно измѣнившаго планы вѣнскаго конгресса, только лишь въ пользу, а не во вредъ Польши.

Теперь посмотримъ на тотъ милостивый для поляковъ вѣнскій конгрессъ, которымъ прикрываетъ французская газета уродливость агитаціи польскихъ. Вотъ подлинныя слова вѣнскаго трактата на счетъ судьбы Польши: »Поляки, *подданные* трехъ договаривающихся сторонъ, получатъ представительныя и національныя учрежденія, *устроенныя сообразно съ тою формою политическаго бытія, какую найдетъ полезнымъ и приличнымъ (convenable) признать за*

нимо каждое изъ предержащихъ правительствъ«. Въ этой статьѣ трактата, дѣйствительно, нѣтъ той ясности и доконченности, которою по преимуществу должны отличаться договоры международные и къ которой Метернихи всегда чувствовали замѣтную антипатію,— мысль статьи двоится,—трактуетъ о представительныхъ и національныхъ учрежденіяхъ и въ тоже время сжимаетъ ихъ формы полнымъ и безконтрольнымъ произволомъ *предержащихъ правительствъ*. Помирить эти фразы можно только поглощеніемъ смысла первой обширностію послѣдней или *титулярнаго* національнаго представительства *реальнымъ* произволомъ власти *предержащей*. А между тѣмъ поляки выдернули изъ этой статьи отрывочную фразу о *національномъ представительствѣ* и состряпали свою конституцію, шляхетскую, но далеко не національную, и притомъ чрезъ полгода послѣ вѣнскаго конгреса. Эта конституція, какъ плодъ шляхетской мысли (безъ участія народа), осталась внѣ всякаго покровительства законовъ, такъ какъ она была не тою *формою* правленія, *какую признало полезною и приличною предержащее правительство*, а чистымъ произволомъ аристократіи, не гарантированнымъ, конечно, поэтому, ни одной изъ раздѣлившихъ Польшу державъ. Такимъ образомъ, если *форма политическаго бытія* Польши вполнѣ предоставлена волѣ *предержащихъ—правительствъ*, то воля другая, воля шляхетская не имѣетъ уже никакого мѣста въ выборѣ *формы* правленія и должна почитать себя весьма счастливою, если объемъ ея участія въ дѣлѣ *національныхъ учрежденій* не доведенъ до нуля. Но Александръ I-й не хотѣлъ воспользоваться своими на Польшу правами, во всей ихъ обширности. Шляхетская конституція уцѣлѣла. Польша наслаждалась полною автономіей, которая, конечно, продолжалась бы и донынѣ, если бы Польшѣ не наскучило спокойное наслажденіе благополучіемъ, еслибъ она умѣла цѣнить гуманность своего протекторства и не вызвала Россіи къ необходимости — воспользоваться правами, узаконенными на вѣнскомъ конгресѣ и учредить надъ Польшею контроль, какой она *признала полезнымъ и приличнымъ* и безъ какого Польша не можетъ оставаться спокойною и одну минуту. Менѣе честная и даже раздражительная и своекорыстная нація, нежели Россія, неоставила бы, послѣ 31 года; въ Польшѣ камня на камнѣ и даже не считала бы себя слишкомъ жестокою и самоправною предъ Европой, потому что это былъ взрывъ самой злостной и неразсудительной заядлости, не противъ законнаго только и гуманнаго патронатства, но и противъ выразившейся на вѣнскомъ конгрессѣ мысли и желанія Европы. Мы очень хорошо знаемъ націи; которыя, и безъ 31 года, буквальнѣе примѣняли (и частію примѣняютъ) къ полякамъ статью вѣнскаго конгреса, нежели Россія послѣ 31 года.

ЧТО ТАКОЕ ХЛОПОМАНІЯ

И КТО ТАКІЕ ХЛОПОМАНЫ?

Эти вопросы весьма интересны для здѣшняго края: они касаются нашего образованнаго молодаго поколѣнія, которому послѣ насъ будетъ принадлежать духовная и гражданская дѣятельность въ здѣшней странѣ. И такъ намъ необходимо съ возможною точностью уяснить себѣ: что это за эпидемическая болѣзнь духовнаго міра, которую мы называемъ не русскимъ именемъ хлопоманіею? Кого мы считаемъ зараженными этою болѣзнію,—кого *бранимъ* хлопоманами? Правильно-ли употребляемъ это названіе и, наконецъ, насколько заразительна и вредна эта болѣзнь въ нашемъ православно-русскомъ мірѣ?

Самый уже составъ слова *хлопо*-манія ясно указываетъ намъ на его польское происхожденіе. Этимъ *презрительнымъ* словомъ высокошляхетная Польша называла не только всякое чрезмѣрное *увлеченіе* простолюдиномъ и его грубою жизнью, но даже обыкновенную христіанскую любовь къ меньшей братіи, къ простолюдинамъ, къ хлопамъ. Да по правдѣ сказать, едва-ли у какого нибудь другаго славянскаго народа и могло создаться подобное презрительное слово: только высокошляхетные сарматы, въ благородныхъ сердцахъ которыхъ и самъ простолюдинъ и его названіе, chłop, издавна вызывали чувство глубокаго презрѣнія, только — говорю — наши славные савроматы и могли быть творцами этого слова. У насъ, напримѣръ, на святой Руси люди, воспитанные въ понятіяхъ старой французской аристократіи, стали было употреблять слово «мужикъ» въ смыслѣ грубаго, необразованнаго, неприличнаго и стало быть отчасти презрѣннаго; такой смыслъ слова мужикъ, мужицкій, повидимому глубоко былъ принятъ нашимъ обществомъ и даже литературой; но вотъ пробуждается у насъ идея національности; въ простолюдинѣ мы начинаемъ видѣть не только

единственную питательную силу государства, но и единственнаго хранителя, единственную консервативную силу нашей національности; пылкія, большею частію молодыя души нашихъ соотечественниковъ начинають увлекаться всѣмъ простонароднымъ, выказываютъ быть можетъ черезчуръ горячую любовь ко всему мужицкому, въ русскомъ мужикѣ едва-ли не провидятъ великій идеалъ будущаго русскаго православнаго человѣка,—и что-же? Мы начинаемъ называть ихъ славянофилами, руссофилами, украинофилами или даже хохлофилами и никому въ голову не пришло изобрѣсти для нихъ слова «мужикофилъ,» «мужикоманъ» или что нибудь подобное: такъ еще мало у насъ сословнаго разъединенія, сословной вражды и ненависти, такъ чуждо русскимъ понятіямъ и русскому уху подобное презрительное или злобно насмѣшливое слово. Да, только общество успѣвшее такъ разъединиться съ своимъ народомъ, такъ глубоко—выражаясь словомъ преподобнаго Нестора—«примучить» себѣ простой народъ, такъ подавить, такъ унизить его, какъ это сдѣлало польское общество, успѣвшее поставить себя вмѣсто народа основаніемъ государства и тѣмъ лишить себя самыхъ здоровыхъ, самыхъ свѣжихъ, прочныхъ соковъ, питаясь которыми, и государство, и общество, только и могутъ быть стойки, основательны, не вѣтренны, не эфимерны, только—говорю—общество, издавна привыкшее рѣзко отдѣлять себя отъ простолюдина, отказываться отъ тѣхъ живительныхъ соковъ, которое послѣдній всегда доставляетъ его духовной жизни, только общество, издавна привыкшее презирать своего младшаго брата, своего питателя, только такое общество и могло изобрѣсти слово, хлопоманія, или хлопоманство.

Это слово появилось въ Польшѣ давно, т. е. съ того времени, когда гуманныя и національныя идеи запада въ концѣ 30-хъ и нач. 40-хъ годовъ стали глубже проникать въ образованное польское общество и когда многіе члены его стали понимать, что главнѣйшая причина паденія Польши заключается въ совершенномъ порабощеніи и даже растлѣніи хлоповъ шляхтою, въ совершенномъ уничтоженіи всякой возможности для несчастнаго простонародья оказывать дѣятельное вліяніе на общество и государство, вносить въ нихъ свой, быть можетъ грубый, но здоровый и наиболѣе разумный элементъ. Не понявъ этихъ умныхъ людей, напыщенная сознаніемъ своего мнимаго достоинства, гордая шляхта назвала ихъ презрительнымъ именемъ *хлопоманы*. Но вскорѣ большинство образованной шляхты стало понимать практическую пользу хлопоманіи и хлоповъ, стало по-

нимать, что минуло то время, когда ей возможно было по своему произволу, посредствомъ насилія, тянуть милліоны людей туда, куда ей заблагоразсудится, что въ виду предстоящихъ народныхъ движеній необходимо изобрѣсти иное, болѣе хитрое и современное средство для увлеченія за собою народа, чѣмъ грубое насиліе, словомъ, вскорѣ шляхта поняла, что пора пустить въ ходъ równość i niepodległość, что пора обратиться къ хлопамъ съ мягкимъ словомъ «братья,» и стараться увлечь ихъ блистательными обѣщаніями и надеждами, а не висилицей и батогами, что стало быть, искренніе хлопоманы — народъ полезный и даже необходимый для интересовъ шляхты и вотъ понемногу смягчилась въ Польшѣ явная злость этого названія, по отношенію къ полякамъ, даже больше — въ самой Польшѣ хлопомановъ какъ будто не стало: ношеніе народныхъ костюмовъ и хлопоманія сдѣлались всеобъемлющею модою, но изъ деликатности перестали называться хлопоманіею. Нѣсколько иначе жилось хлопоманіи въ шляхетскомъ аванпостѣ Польши, размѣстившемся во вражеской странѣ—въ русскихъ областяхъ. Эти особенности развитія здѣсь хлопоманіи обусловливались иными, чѣмъ въ Польшѣ отношеніями шляхты къ здѣшнему простолюдину. Если въ послѣдней родовитый шляхтичъ относился съ презрѣніемъ къ своему единоплеменнику и единовѣрцу хлопу, то въ Подоліи, Волынѣ и кіевской губ., заселенныхъ чуждымъ и глубоко враждебнымъ къ нему племенемъ греческихъ схизматиковъ, онъ относился не только съ презрѣніемъ, но и съ враждою, съ ненавистью. Какъ-бы, кажись, развиться здѣсь польской хлопоманіи, а между тѣмъ—«o tempora, o mores!»—пришлось ей и здѣсь развиваться: крутыя настали времена для шляхты!.. Подъ вліяніемъ моды на національныя идеи, зашедшія сюда изъ Варшавы, въ высокородной шляхтѣ здѣшнихъ мѣстъ давно уже пробудилось стремленіе искать въ здѣшнемъ народонаселеніи основъ своей польской національности. Благодаря такому настроенію, появились между шляхтою этихъ мѣстъ люди, начавшіе низводить свое высокое вниманіе къ презрѣннымъ хлопамъ (русскимъ мужикамъ), т. е. собирать преимущественно отъ своихъ нянекъ, мамокъ и дворовыхъ людей народныя разсказы, пѣсни и свѣдѣнія о бытѣ и обычаяхъ подвластнаго имъ простолюдина схизматика. Все это, добытое ими изъ болѣе или менѣе ополяченнаго источника, еще сильнѣе ополячивалось и идеализировалось на польскій и католическій ладъ самими собирателями и такимъ образомъ давало благородной шляхтѣ богатый матеріалъ для

пріятныхъ фантазій на счетъ силы польскаго элемента въ здѣшнемъ народонаселеніи, на счетъ обрѣтенія шляхтою прочныхъ національныхъ основъ въ здѣшнемъ краю и т. под. Сантиментальной идеализаціи на польскій ладъ пѣсень, разсказовъ, быта и обычаевъ нашего простолюдина югозападныхъ губерній, фантастическимъ представленіямъ *поляка-украинца*, и разнымъ историческимъ и политическимъ мечтаніямъ конца не было. Настала мода на польское украинофильство. Появилось даже между молодежью не малое число личностей, корчившихъ изъ себя размалеванныхъ, театральныхъ поляковъ-украинцевъ, съ сантиментальною любовью относившихся ко всему народному *украино-польскому*, не терпѣвшихъ въ немъ только *грубости и глупой* схизмы, на самомъ же дѣлѣ не перестававшихъ душить горячо-любимыхъ хлоповъ и все хлопское. Тѣмъ не менѣе гордая старая шляхта назвала этихъ господъ презрительнымъ именемъ «хлопомановъ.» — Происшествіе въ Галиціи 1847 года напомнило нашей шляхтѣ истинныя отношенія къ ней хлопа, и съ одной стороны пробудило въ ней страхъ и ненависть къ презрѣннымъ хлопамъ и чуть-ли не омерзеніе къ хлопоманству, а съ другой указало, что волею или неволею, а надобно поляку и въ русскихъ странахъ дѣлаться хлопоманомъ, что необходимо ему по возможности сближаться съ здѣшнимъ простолюдиномъ и всѣми мѣрами стараться примирить его съ собою. А тутъ вскорѣ разносится вѣсть, что Императоромъ Александромъ II положено уничтожить въ Россіи крѣпостное право, что стало быть угнетенные хлопы станутъ въ независимое отъ пановъ положеніе, что тотъ глубоко-враждебный полякамъ слишкомъ 4-хъ милліонный элементъ здѣшняго населенія, который поляки доселѣ держали задавленнымъ и надѣялись со временемъ совершенно задавить (ополячить и окатоличить), вырывается у нихъ изъ рукъ и вскорѣ явится могучимъ, страшнымъ врагомъ всего польскаго. Наши поляки не могли сознавать или по крайней мѣрѣ не ощущать, что основное населеніе югозападныхъ губерній, благодаря свѣжей еще памяти ожесточенной борьбы противъ польскаго элемента и благодаря гнету крѣпостнаго права, поддерживавшему въ немъ вражду ко всему панскому, стало быть, польскому, гораздо сильнѣе, чѣмъ даже населеніе другихъ областей Руси, проникнуто сознаніемъ своей истинной національности и особенно враждебно развито относительно всего польскаго; съ другой стороны они не могли не сознавать, что силою и матеріальными средствами нѣтъ болѣе надежды совладать съ этими презрѣнными хлопами, нѣтъ по-

жалуй надежды польскому элементу даже ужиться такимъ образомъ между хлопами — и вотъ въ гордомъ шляхетскомъ обществѣ пробуждается необыкновенно сильное стремленіе примирить хлоповъ съ собою и со всѣмъ польскимъ, даже уступить имъ (хотя внѣшнимъ образомъ, на словахъ) свои шляхетскія тенденціи, отказаться повидимому отъ того, что составляетъ душу, всѣ мечтанія истаго поляка, т. е. отъ шляхетскаго достоинства, сходиться, сближаться съ народомъ-схизматикомъ и убѣждать его въ своей любви, въ своемъ братствѣ...

Молодое поколѣніе поляковъ, или вѣрнѣе давно ополячившихся руссиновъ югозападныхъ губерній, выступило рьяными застрѣльщиками такого наступленія шляхты на русское населеніе. Этому конечно не мало способствовало начавшееся въ это время въ Польшѣ движеніе, и идея свободы, равенства и братства, которая особенно горячо воспринимается молодыми душами въ подобныя минуты; да наконецъ, быть можетъ у многихъ заговорила и родная, русская кровь. Какъ бы то ни было, но наша польская молодежъ съ воодушевленіемъ бросилась не только сантиментальничать и по своему фантазировать надъ произведеніями поэзіи нашего народа югозападныхъ губерній, но и переодѣваться въ самую грубую одежду простолюдина, вмѣшиваться въ народъ, проникать въ его частную и общественную жизнь и проповѣдывать свободу Украины и соединеніе ея съ *благодѣтельницей* Польшей. Еще со времени севастопольской компаніи стали появляться эти переряженные паничи хлопоманы; но особенно въ огромномъ количествѣ расплодились они съ 1860 и 1861 года. Иные изъ нихъ приняли образъ хлопомановъ вслѣдствіе лишь моды, или для разнообразія. Вся цѣль этихъ господъ обыкновенно ограничивается желаніемъ броситься въ глаза, высказаться патріотами, попоясничать или поповѣсничать, да надеждою, при случаѣ попользоваться на счетъ прекрасной, свѣжей украинской, клубнички. Другіе идеалисты, люди искренно, съ молодымъ воодушевленіемъ, преданные христіанской идеѣ «нѣсть рабъ, ни свободь... вси бо о Господѣ едино есмы», но понимающіе ее черезчуръ отвлеченно и односторонно, да притомъ, будучи воспитаны Польшею, легко опускающіе промежуточные слова этого апостольскаго изрѣченія: «нѣсть... ни варваръ, ни скиѳъ, ни еллинъ, ни жидовинъ, — вси бо о Господѣ едино есмы»; въ слѣдствіе чего они предпочитаютъ нашихъ, такъ называемыхъ, савроматовъ всякимъ варварамъ и роднымъ скиѳамъ, и только изъ Сарматіи, какъ изъ новой

Іудеи, ждутъ спасенія людямъ своимъ. Третіе наконецъ—люди глубоко преданные исключительно Польшѣ, истинные рьяные пропагандисты польскаго начала въ Руси. Всюду эти господа шныряютъ по городамъ и селамъ югозападныхъ губерній; переходятъ даже въ ближайшіе къ Днѣпру уѣзды черниговской и полтавской губерній; стараются возбудить недовольство и вражду въ нашемъ простолюдинѣ къ *москалямъ* и московскому начальству, льстить частнымъ интересамъ простолюдина, указывать ему какъ на *блаженное время* (!), на время сожительства его съ поляками; всячески усиливаются по своему уяснить ему великое значеніе современнаго польскаго движенія для свободы украинцевъ и вызвать въ нашемъ простолюдинѣ какое-нибудь сочувствіе къ полякамъ; сочиняютъ сотни пѣсень, гдѣ отъ лица русина, воспѣваютъ они на полумалороссійскомъ, полупольскомъ языкѣ вражду къ москалямъ, блаженное время владычества Польши, мнимое братство и любовь Руси къ Польшѣ, *желанное* единство Польши, Руси и Литвы, свободу и т. д.; усиливаются провести эти пѣсни, хотя посредствомъ своей дворни, въ народъ и нагло увѣряютъ всѣхъ (поляки имъ и вѣрятъ), что это истинно народныя русинскія пѣсни или что они поются нашимъ народомъ [1]). Эти рьяные польскіе пропагандисты составляютъ даже довольно правильно организованное общество, нити котораго, исходя изъ Волыни, какъ нити паутины охватываютъ весь югозападный край Руси до Днѣстра и Чернаго моря—до Одессы, включительно.

Вотъ они истинные хлопоманы! Дѣятельность ихъ сильна, горяча, быть можетъ нѣсколько полезна для Польши, какъ нѣкоторая поддержка ея мечтамъ о свойствахъ и стремленіяхъ нашего населенія югозападныхъ губерній, но едва ли вредна для насъ и для нашего простолюдина. По крайней мѣрѣ мы, будучи коротко знакомы съ убѣжденіями и нравственнымъ состояніемъ основнаго населенія югозападныхъ губерній, не можемъ иначе смотрѣть на эту дѣятельность хлопомановъ, какъ на *глупое* ребячество легкомысленной, да притомъ еще польской, молодежи! Одинъ серьезный вредъ видимъ мы въ дѣятельности этихъ нелѣпыхъ пропагандистовъ нелѣпаго—вредъ въ результатѣ своемъ рушащійся хотя на самихъ же хлопоманахъ, но тѣмъ не менѣе временно-тяжелой и для нашего простолюдина. Стремясь возбудить народъ нашъ противъ русскаго

---

1) См. примѣръ подобной пѣсни въ концѣ статьи.

правительства и начальства, нѣкоторые хлопоманы нерѣдко, съ свойственнымъ лишь отъявленному и неблагородному врагу безчеловѣчіемъ позволяютъ себѣ ложно истолковывать простолюдину распоряженія и постановленія правительства, и пользуясь плохимъ его пониманіемъ великорусскаго литературнаго языка, убѣждать его, что Царское слово говоритъ то-то, а паны (обыкновенно русскіе) и начальство другое, чѣмъ конечно причиняютъ много безпорядковъ, и бѣдствій несчастному селянину. Въ этомъ случаѣ народъ поддается ихъ обману именно потому, что видитъ въ нихъ людей враждебнаго стана, говорящихъ ему такъ, какъ самому ему хочется. Вообще же народъ смотритъ на этихъ хлопомановъ недовѣрчиво, какъ на переряженныхъ паничей, да притомъ ляховъ, инстинктивно чуетъ въ нихъ волка въ овечьей шкурѣ или вѣрнѣе «волка попавшаго на псарню» (Крылова басни) и не только не оказываетъ имъ никакого сочувствія, но обыкновенно, съ свойственнымъ нашему народу юморомъ, зло подтруниваетъ надъ ними и оказываетъ имъ полное презрѣніе.

Но вы думаете, что этихъ господъ поляки и ихъ публицисты называютъ хлопоманами? Далеко нѣтъ! Они очень хорошо сознаютъ, что эти quasi-хлопоманы на самомъ дѣлѣ ляхоманы или шляхтоманы, что это истинныя дѣти Польши и ея шляхты, что это *святые* борцы, и быть можетъ жертвы за отчизну; а потому объ этихъ хлопоманахъ они тщательно умалчиваютъ, чтобы не обратить на нихъ вниманія русскаго общества и правительства. Кого же они называютъ хлопоманами? Какъ бы вы думали? Презрительнымъ своимъ словомъ «хлопоманы» поляки теперь называютъ не сантиментальныхъ и не южныхъ, а истинныхъ сторонниковъ хлоповъ югозападныхъ губерній, т. е. ту часть нашей русинской молодежи, которая твердо стала за русскія начала, за истинную національность такъ называемыхъ хлоповъ и не только не хочетъ быть слугами Польши и ея шляхетства, не только не поддалась и не поддается на приглашенія, увѣщанія и разныя *сладкія* пѣсни поляковъ къ русинамъ вообще и къ этой молодежи въ особенности, но рѣшительно отрекается отъ всего польскаго, даже отъ мирныхъ или дружескихъ отношеній къ нему и явилось самымъ опаснымъ врагомъ польскаго элемента въ Россіи.

Къ сторонѣ этихъ, такъ называемыхъ поляками, хлопомановъ принадлежитъ не только наша русская (обѣихъ сторонъ Днѣпра) наиболѣе живая, бодрая и дѣятельная молодежь, но и нѣкоторыя личности, отцы или дѣды которыхъ были

ополячены. Послѣдніе, искренно полюбя народъ, среди котораго они родились, и выросли, сознавая его истинныя нужды, его стремленія и его богатыя силы, почли болѣе согласнымъ съ честью благороднаго человѣка искренно предаться этому народу и его національности, а не прикидываться хлопоманами, мнимыми обожателями народа, для того, чтобы посредствомъ безконечнаго ряда самыхъ подлыхъ и безчеловѣчныхъ обмановъ и натяжекъ, тянуть этотъ народъ въ руки заклятаго его врага и предавать богатую національность на совершенное истребленіе. На эти-то благородныя личности поляки смотрятъ съ особеннымъ озлобленіемъ: для нихъ — это лютыя змѣи, предатели святой отчизны и ея *великаго* дѣла; а потому съ особеннымъ, іезуитскимъ ядомъ, стараются они очернить въ глазахъ нашего общества и правительства, не только вообще наше молодое поколѣніе, ставшее за свою русскую національность здѣшнихъ мѣстъ, но и въ особенности этихъ *измѣнниковъ* польскому началу. Средства для этого у поляковъ давно уже готовы; они даны имъ исторіею и іезуитами, — эти средства — дружная общественная клевета, ложные слухи, легковѣрная, женская восприимчивость слуховъ, клонящихся ко вреду врага, рьяное стремленіе распространять ихъ, какъ неопровержимую истину, и съ смѣшною увѣренностію отвергать, не вѣрить или умышленно опускать всѣ противорѣчащія этимъ слухамъ данныя. Такъ, едва дошло до свѣдѣнія поляковъ, что нѣкоторые молодые люди изъ поляковъ отказались отъ польскаго начала и предались русской національности, какъ вдругъ стали въ обществѣ распространяться поляками (въ особенности хлопоманами) самыя ужасные слухи объ этихъ личностяхъ: польскіе хлопоманы силою навязываютъ вамъ, человѣку имъ совсѣмъ незнакомому, встрѣтившемуся гдѣ-нибудь на публичномъ гуляніи, такія напримѣръ вѣсти: будто-бы они собственными глазами видѣли какъ тотъ или другой предметъ ихъ ненависти возмущалъ крестьянъ, увѣщевалъ ихъ взяться за ножи и топоры и рѣзать всѣхъ пановъ, начальство и поляковъ. Можно вообразить себѣ, что эти господа должны были говорить въ болѣе или менѣе знакомомъ имъ обществѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ кіевское дворянство обратило вниманіе начальства на эти слухи и на эти личности. Произведено было тщательное дознаніе. Слухи оказались ложными; но этимъ они не были прекращены: польскіе хлопоманы и вообще поляки ревностно ихъ поддерживали, выдумывали новые и распространяли эти слухи не только на оклеветанныя уже передъ обществомъ лич-

ности, но и на другія, принадлежащія къ молодымъ нашимъ оппозиціонерамъ польскаго элемента. Слухи эти не замедлили быть перенесены и за Днѣпръ въ черниговскую и полтавскую губерніи, гдѣ въ то-же время дѣйствительно стали появляться личности, нерѣдко говорящія даже по-французски, которыя старались смущать народъ странными толкованіями распоряженій правительства и тѣми идеями, которыми теперь живетъ Польша.

Не отставала въ этомъ случаѣ отъ дѣятельности польскихъ хлопомановъ и нашего польскаго общества и заграничная ихъ публицистика. Часто встрѣчали мы у ней лукавые намеки и возгласы направленные на это наше молодое поколѣніе, да и недавно еще Gazeta Narodowa позволила себѣ между прочимъ напечатать такую благородную, истинно-шляхетскую замѣтку: «*народные агитаторы, такъ называемые хлопоманы, во главѣ которыхъ стоитъ Антоновичъ и Тадеушъ Рыльскій на глазахъ самаго русскаго правительства проповѣдуютъ рѣзню*». Хорошо, что наше правительство не слишкомъ довѣрчиво къ слухамъ, умѣетъ быть осторожнымъ, съ тактомъ различать откуда вѣетъ вѣтеръ и не обратило вниманія на подобный злостный доносъ Народовой Газеты и польскихъ хлопомановъ; но пріими оно подобную іезуитскую выходку (а Народова Газета на это-то именно и разсчитывала), пріими ее хотя такъ, какъ принимались нашимъ довѣрчивымъ обществомъ подобные слухи и убѣжденія на счетъ нашей молодежи, изобрѣтенные польскимъ обществомъ, и польскіе хлопоманы, поклявшіеся во что-бы то ни стало погубить своихъ, какъ они выражаются, *измѣнниковъ*, достигли бы своей цѣли — если не ближайшей, то главной, т. е. въ значительной, быть можетъ, степени парализировали бы русскими же силами дѣятельность русской оппозиціи противъ польской пропаганды. — Это, какъ извѣстно, обыкновенный способъ истинныхъ воспитанниковъ іезуитизма вести борьбу съ врагами: возстановляй посредствомъ клеветы, лжи и всякими мѣрами своя на своихъ, губи врага его собственными силами, divide et impera!

Что же это на самомъ дѣлѣ за русскіе хлопоманы, противъ которыхъ такъ горячо возстаютъ польскіе хлопоманы и польская публицистика? На сколько справедливы тѣ слухи о нихъ, которые такъ упорно поддерживаются поляками, — на сколько справедливо обвиненіе ихъ въ исповѣданіи идей «Молодой Россіи,» въ стремленіяхъ революціонныхъ, необузданныхъ, въ возбужденіи народа на рѣзню пановъ и ляховъ и т. д.? Неужели всѣ эти слухи — чистѣйшая иллюзія польской

фантазіи, не имѣющая въ дѣйствительности никакого основанія? Не подало-ли на самомъ дѣлѣ наше молодое поколѣніе какой-нибудь поводъ къ распространенію подобныхъ слуховъ о немъ? Каковы его убѣжденія? Куда оно стремится? Что дѣлаетъ? Чѣмъ оно успѣло такъ ожесточить противъ себя поляковъ вообще и хлопомановъ въ особенности? Вотъ вопросы невольно возникающіе у всякаго мыслящаго человѣка при первомъ внимательномъ взглядѣ на польско-русскія отношенія здѣшняго образованнаго общества вообще, и молодаго поколѣнія въ особенности.

Прибывъ въ Кіевъ, почти что на новую для насъ почву,— въ теченіи какихъ-нибудь 15 или 20 лѣтъ, Кіевъ такъ измѣнился и такъ отчасти ополячился, что его и узнать трудно,— прибывъ въ православный, первопрестольный нашъ Кіевъ, мы застали общественное мнѣніе его сильно настроеннымъ противъ *вообще* хлопоманства и, сознавая съ своей стороны ту «злую силу лукаваго», которую представляетъ собою польское хлопоманство, мы легко подчинились господствующему въ нашемъ обществѣ настроенію относительно вообще хлопоманіи. Но преслѣдуя нашу спеціальную цѣль—изученіе польско-русскаго вопроса, мы наконецъ обратили серьезное вниманіе на наше молодое поколѣніе здѣшнихъ мѣстъ. При первомъ, поверхностномъ взглядѣ на это поколѣніе насъ въ особенности поразило то обстоятельство, что большая часть ходящихъ по Кіеву въ костюмѣ простонародномъ руссинскомъ не только отличаются польскимъ типомъ и имѣютъ разныя признаки истыхъ поляковъ патріотовъ, какъ то: стальныя цѣпи польской свободы, черныя пояски съ серебренными якорьками, но и говорятъ между собою преимущественно по польски. Наши кароокіе, чернобровые козаки поляне и круглолицые сѣверяне рѣдко попадаются между этими господами. На наши вопросы о собственно русскомъ молодомъ поколѣніи здѣшнихъ мѣстъ мы получали отъ общества странные и безотрадные отвѣты. Намъ говорили, что есть хлопоманы и польскіе и русскіе, что и тѣ, и другіе почти все равно—это не болѣе, какъ двѣ секты одного и того же вѣроисповѣданія: одни проповѣдуютъ что нужно спасти Украину отъ москалей посредствомъ уніи съ Польшею, а другіе т. е. наша молодежь, всегда отличавшаяся болѣе дикою самонадѣянностью, проповѣдуетъ, что не нужно ни ляховъ, ни москалей, будемъ-де жить сами по себѣ, выберемъ себѣ гетмана, генеральскихъ и простыхъ старшинъ, а ляхи-де намъ нужны теперь,—понимаете!.. Это, словомъ, отчаяннѣйшіе сепаратисты

головорѣзы и проповѣдники идей «Молодой Россіи». Многіе изъ нихъ были уже пойманы въ возмущеніи мужиковъ. Пуще всего они ратуютъ теперь, какъ и польская ихъ братія, противъ великорусскаго языка: въ немъ видятъ въ настоящее время важнѣйшаго врага украинской національности; а хитрые поляки съ своей стороны еще и поджигаютъ на это нашихъ дурней, чтобы поскорѣй забрать ихъ въ свои руки»... Такъ говорили намъ люди болѣе горячо принимающіе къ сердцу духовные интересы здѣшняго края. Вообще же замѣчалось нами въ обществѣ совершенное равнодушіе, или же только какая то неопредѣленная антипатія ко всѣмъ вообще и *въ особенности* къ русскимъ хлопоманамъ. Такому всеобщему настроенію мы тѣмъ легче могли поддаться на первыхъ порахъ, что оно отчасти напоминало намъ то впечатленіе, какое мы вынесли лѣтъ 20 тому назадъ отъ первыхъ дѣтскихъ грёзъ національнаго сознанія, пробужденнаго вліяніемъ идей запада въ нашемъ молодомъ поколѣніи. Но неужели думали мы, въ теченіи этихъ 20 лѣтъ нисколько не выросло это національное сознаніе, неужели идея національности, встревожившая тогда весь востокъ Европы и принесшая всюду такіе богатые плоды, у насъ, въ южной Россіи, гдѣ развитіе этой идеи такъ необходимо для единства разбросанныхъ и благодаря насилію поляковъ, разрозненныхъ русскихъ племенъ, она завяла въ самомъ своемъ зародышѣ и превратилась въ безплодную смоковницу или вѣрнѣе въ египетскую мумію. Насъ крайне съ тѣхъ поръ заинтересовало состояніе нашего молодого поколѣнія, въ особенности же такъ называемыхъ хлопомановъ,—заинтересовало тѣмъ болѣе, что истинные враги русскаго начала единогласно указываютъ на этихъ нашихъ хлопомановъ, какъ на злѣйшихъ и повидимому наиболѣе опасныхъ для нихъ враговъ. Неужели—разсуждали мы — въ такую минуту польскаго воодушевленія царство Веелзевула само въ себѣ раздѣлися? Но въ польскихъ нападкахъ на наше молодое поколѣніе мы не находимъ такого смысла: востана на мя вси искренніи мои»... Мы старались по возможности вглядѣться въ понятія, въ стремленія и дѣйствія нашего молодого поколѣнія, нашихъ такъ называемыхъ хлопомановъ и къ крайнему нашему удовольствію и удивленію, убѣдились, что мнѣніе, господствующее въ обществѣ не всегда бываетъ вѣрно, что въ настоящемъ случаѣ оно, благодаря отсутствію у насъ живой литературной дѣятельности слишкомъ свѣжо помнитъ давно-минувшее, а главное, несомнѣнно находится подъ весьма сильнымъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія

поляковъ, дѣйствующихъ дружно, лукаво и энергически какъ на весь югозападъ, такъ и на центръ его, на православный нашъ Кіевъ.

Говоря о такъ-называемыхъ хлопоманахъ или вѣрнѣе *русинофилахъ*—(чтобъ не говорить безконечнаго слова *мало-русинофилы* или полупольскаго и слишкомъ узкаго названія «Украинофилы»[1]), прежде всего слѣдуетъ замѣтить, во 1-хъ, что къ нимъ принадлежитъ, почти все или по крайней мѣрѣ большая часть нашего (русинскаго) молодаго поколѣнія, и именно та часть, которая сколько-нибудь живо проникнута современными интересами мысли и которая чувствуетъ недостаточность интересовъ общихъ безъ интересовъ частныхъ, мѣстныхъ, во 2-хъ, что вся эта масса нашего молодаго поколѣнія вообще можетъ быть раздѣлена на два рода русинофиловъ: на болѣе или менѣе слабо уяснившихъ себѣ движущую ими идею и на болѣе или ясно сознавшихъ ее и горячо преданныхъ ей. Первыхъ конечно, несравненно больше, чѣмъ вторыхъ. Они не только плохо сознаютъ ту идею, которая побуждаетъ ихъ быть русинофилами,

---

[1]) Поляки упорно поддерживаютъ названіе Малоруссовъ «*Украинцами*,» какъ-бы для того, чтобы уничтожить въ имени этого народа нелюбимое нами слово «Русь,» и такимъ образомъ, хотя названіемъ разбивать нашъ народъ на два будто-бы различныхъ племени: 1) на какихъ-то «украинцевъ» (чьихъ украинцевъ, или окраинцевъ? безсомнѣнія, польскихъ! — занимавшихъ когда-то *окраину польскаго королевства*), и 2) на русиновъ, или русняковъ, живущихъ далеко отъ украинцевъ въ Галиціи, отдаленной отъ послѣднихъ *польскою* Подоліею и Волынью. Благодаря усиленной дѣятельности поляковъ у многихъ малороссіянъ вошло въ обыкновеніе называть себя украинцами, несмотря на то, что каждый изъ нихъ хорошо понимаетъ, что это названіе одной лишь малой части малороссійскаго народа и не можетъ быть принято для названія всего племени. Мы полагаемъ, что всего раціональнѣе было-бы удержать для малороссійскаго племени названіе «Малоруссы» или *Южноруссы;* или же наконецъ, такъ какъ мы желали-бы имѣть для названія всего этого племени слово не составное и болѣе краткое и такъ какъ съ другой стороны, это племя совершенно одно и то-же съ червоно-русскимъ, то сдѣлать честь Червоной Руси и принять удержанное ею древнѣйшее названіе русскаго человѣка — русинъ, русины — что будетъ весьма соотвѣтствовать общему названію всѣхъ русскихъ племенъ — *Русь*, опредѣленно указывать на извѣстную часть Руси и соединять одноплеменный народъ (хотя названіемъ) въ одно цѣлое. Прилагательные Червоная, Малая видимо становятся уже неудовлетворительно для насъ и обременительно для произношенія въ обыкновенной рѣчи.

но нерѣдко даже мало ею и интересуются: большею частью они приняли русинофильство ради моды и положительно не знаютъ—куда идти, къ чему пристать? Это тѣ души, которыхъ Дантъ представляетъ въ глубокой скорби носящимися безцѣльно, по волѣ вѣтра, въ пустыхъ пространствахъ мрачнаго Ада, тѣ души, которымъ — не дай Богъ! — быть можетъ когда-нибудь прійдется говорить, подобно знаменитой парѣ тѣней:

Ne sun magior dolore, che riccordarsi
Del tempo felice nella miseria!

Это, словомъ толпа, plebs русинофильскихъ идей, люди ни на чемъ прочно не установившіеся и потому легко могущіе еще сбиваться съ дороги, попадать въ тактъ разныхъ враждебныхъ партій, даже поляковъ, сами того хорошо не сознавая. Но не таковы патриціи русинофильскихъ идей, т. е. та часть русинофиловъ, которая посвятила себя преимущественно труду мысли, а не блесткамъ внѣшней общественной жизни, и которая всею душею предана основной идеѣ русинофильства.

Эти послѣдніе преимущественно интересны и важны для насъ и на нихъ-то именно направлена вся злость польскихъ хлопомановъ и все нерасположеніе нашего общества, смѣшивающаго ихъ съ польскими хлопоманами и съ нѣкоторыми изъ *plebs* — русинофиловъ, позволяющихъ себѣ иногда безвредно фантазировать внѣ предѣловъ разумности.

Что прежде всего насъ поражаетъ въ этихъ русинофилахъ, такъ это то, что большая часть изъ нихъ *не носитъ простонароднаго костюма*, и тѣ, которые носятъ его, обыкновенно отличаются простотою, солидностью, отсутствіемъ всякой натянутости, балаганности и утрировки—что конечно указываетъ въ нихъ людей, свято, искренно преданныхъ подражанію своему народу. Впрочемъ, замѣтимъ: вопросъ о пользѣ или вредѣ, о приличіи или неприличіи, ношенія простонароднаго костюма подлежитъ еще разсмотрѣнію; не даромъ-же опытные пропагандисты, наши враги, такъ ревностно принялись переодѣваться въ одежду русинскаго простолюдина, — вѣроятно они видятъ въ этомъ большую пользу. — Всматриваясь далѣе въ эту часть нашего молодаго поколѣнія, въ ея основныя идеи и понятія, вы не менѣе удивитесь, увидя что она очень далека отъ всякихъ сепаративныхъ идей, что она идетъ весьма твердымъ и разумнымъ шагомъ, опираясь на горячо любимый ею народъ, на его инстинкты и стремленія, и опасаясь сдѣлать какой-нибудь шагъ, несогласный съ требованіемъ народнаго духа; поэтому она давнимъ давно отказалась отъ всѣхъ тѣхъ фанта-

стическихъ идей, которыя были когда-то навѣяны Польшею или появились сами собою въ моментъ перваго пробужденія у насъ идеи національности, и всю себя посвятила на искреннее *служеніе* своему народу, на удовлетвореніе тѣхъ насущныхъ его духовныхъ нуждъ и требованій, которыя она могла замѣтить, постоянно обращаясь въ его средѣ, а не на сумасбродное проповѣданіе народу идей, которыя для него и непонятны, и вовсе не интересны, или ведутъ къ безпорядкамъ, революціи и рѣзнѣ. Вся цѣль ихъ — изучать тотъ народъ, въ которомъ они родились, которому принадлежатъ и тѣломъ, и духомъ, способствовать его самосознанію и просвѣщенію, и тѣмъ отражать нашествіе на Русь всякихъ нашихъ Сарматовъ. Что же они для этого дѣлаютъ? Бунтуютъ мужиковъ противъ пановъ? Да если-бы кто-нибудь изъ нихъ позволилъ себѣ сказать одно неосторожное революціонное слово народу противъ какого-нибудь польскаго пана, такъ тутъ поднялся бы поляками такой крикъ, что наше молодое поколѣніе было бы лишено послѣдней возможности быть полезнымъ своему народу. Впрочемъ, въ югозападныхъ губерніяхъ (въ Волыни и Подоліи) оно и теперь лишено почти всякой возможности не только быть полезнымъ здѣшнему населенію, но даже сколько-нибудь свободно изучать его: здѣсь живетъ и свободно дѣйствуетъ *одно* лишь польское хлопоманство; ко всему же русскому здѣшнее господствующее сословіе относится такъ враждебно и подозрительно, что недопуститъ его здѣсь не только жить, но и появиться. Явись сюда кто-нибудь изъ русскихъ такъ называемыхъ, хлопомановъ, тотчасъ посыпятся на него безчисленные ложные доносы—становому, предводителямъ дворянства, губернатору; подниметсся страшный скандалъ, и хорошо еще если слѣдователю удастся раскрыть ложь и любознательному русскому человѣку будетъ только запрещено входить въ среду народа или жить въ такой-то губерніи [1]). Что-же дѣлаютъ, какъ

[1]) Считаемъ при этомъ не лишнимъ замѣтить, что, благодаря вліянію польскаго общественнаго мнѣнія, и наше помѣщичество (даже полтавской и черниговской губерній) доселѣ еще непріязненно смотритъ на нашу молодежь русинофиловъ и не разъ своими донесеніями, основанными на простыхъ слухахъ, вызывало наше начальство производить строгое дознаніе. Всѣ эти самыя тщательныя дознанія (всегда столь тяжелыя для молодыхъ людей,—тѣмъ болѣе, что самая офиціальность этихъ дознаній еще болѣе поддерживаетъ не добрые о нихъ слухи) обыкновенно открывали невинность обвиняемыхъ и ложность слуховъ;

дѣйствуютъ наши униженные и загнанные, такъ называемые хлопоманы? Они держатся того убѣжденія, что просвѣщеніе можетъ быстро, свободно и прочно проникать въ народъ только тогда, когда оно будетъ проводиться въ него на родномъ его нарѣчіи, что народъ нашъ тогда только получитъ надежное средство бороться и отстаивать себя отъ чуждаго вліянія, когда его родное русское нарѣчіе будетъ выведено изъ положенія того «хлопскаго» языка, въ которое поляки старались поставить его, надѣясь подчинить нашъ народъ польскому просвѣщенію и литературѣ,—(въ чемъ теперь впрочемъ горько раскаиваются, замѣтя, что этою нетерпимостью или исключительностью они еще болѣе отдалили отъ себя нашъ народъ; а потому бросились теперь ревностно учить нашъ народъ на его родномъ нарѣчіи и издавать книги на малорусскомъ языкѣ, но только пишутъ и печатаютъ все малороссійское польскою азбукою; этимъ они думаютъ заставить нашъ народъ привязаться къ польской литературѣ и стало быть къ Польшѣ. Наши русинофилы убѣждены, что просвѣщать народъ посредствомъ *одного* великорусскаго языка и ограничиваться одною великорусскою литературою—значитъ лишить здѣшняго русскаго человѣка тѣхъ средствъ къ самозащищенію, которыя даны ему Богомъ, затруднять здѣсь успѣхи русскаго просвѣщенія и почти что цѣликомъ предавать нашъ народъ въ руки опытныхъ и изобрѣтательныхъ пропагандистовъ, поляковъ, тѣмъ болѣе, что населеніе югозападныхъ губерній болѣе свыклось, болѣе знакомо съ польскимъ, чѣмъ съ великорусскимъ языкомъ и лучше его понимаетъ, чѣмъ нарѣчіе великорусское, въ особенности литературное; они полагаютъ, что единственное средство спасти здѣшняго русскаго человѣка отъ польской пропаганды состоитъ въ томъ, чтобы, подражая тактикѣ опытныхъ нашихъ враговъ, стараться поднять здѣшнее русское нарѣчіе въ глазахъ самого народа, доставлять ему просвѣщеніе на его родномъ, наиболѣе понятномъ для него нарѣчіи, какъ можно болѣе писать и печатать необходимо нужнаго для народа на этомъ его нарѣчіи; но писать и печатать *русскою азбукою,* и такимъ

но тѣмъ не менѣе, досслѣ слухи не прекращаются и даже на дняхъ еще дворянство одного уѣзда, расходясь со взглядомъ на современность нашихъ русинофиловъ и слишкомъ полагаясь на слухи о нихъ, обратилось — какъ мы слышали — къ начальству съ представленіемъ о вредѣ для края такихъ-то и такихъ личностей.

образомъ опираясь на богатства общерусской литературы и просвѣщенія доставлять ему *русское* просвѣщеніе и привязывать его къ общерусской литературѣ. Слѣдуя такому убѣжденію они употребляютъ всѣ силы, чтобы учить народъ на его родномъ нарѣчіи, издавать на этомъ русскомъ нарѣчіи руководства и народныя книги, наиболѣе принаровленныя къ понятіямъ, убѣжденіямъ, взглядамъ и потребностямъ народа и такимъ образомъ въ противность дѣятельности поляковъ распространять въ народѣ русскую грамотность и просвѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ давать этому народу наиболѣе средствъ къ самозащищенію. На это-то и направлена теперь вся ихъ дѣятельность. Итакъ, дѣятельность ихъ почти исключительно дѣятельность просвѣтительная, не заключающая въ себѣ ничего политическаго, кромѣ развѣ противодѣйствія польской пропагандѣ посредствомъ распространенія русской грамотности и просвѣщенія, и кромѣ стремленія выяснить и оживить для всего русинскаго племени ближайшее его духу начало, связывающее всѣхъ его членовъ, отъ Мармароша и Сана до Дона, въ одно нераздѣльное цѣлое и составляющее вмѣстѣ съ тѣмъ естественное звено, прочно связывающее все это племя съ остальною Русью.

Такой взглядъ на стремленія и дѣятельность нашихъ русинофиловъ, вынесенъ нами изъ непосредственнаго, безпристрастнаго наблюденія надъ ними. На сколько вѣренъ этотъ взглядъ, и на сколько на самомъ дѣлѣ ошибочны, ложны стремленія и дѣйствія нашего молодаго поколѣнія предоставляемъ разсудить времени. Смотря на это наше молодое поколѣніе съ исторической точки зрѣнія, мы видимъ въ немъ ни что иное, какъ ту силу, которую въ лицѣ образованныхъ нашихъ молодыхъ людей, сближавшихся, сросшихся душею съ русскимъ народомъ здѣшнихъ областей, съ его интересами и стремленіями, выставляетъ самъ нашъ православный народъ противъ дѣятельности ложныхъ хлопомановъ и противъ всякаго подавляющаго внѣшняго вліянія. А потому понятно, почему поляки и ихъ хлопоманы видятъ въ нихъ самыхъ опасныхъ для себя враговъ и прибѣгаютъ къ разнымъ клеветамъ, іезуитскимъ выходкамъ, и наговорамъ, чтобы парализировать возрастаніе этой нашей народной силы. Не знаемъ, быть можетъ кто нибудь изъ той части нашего молодаго поколѣнія, которую мы назвали «[illegible]», и далъ полякамъ поводъ распространять и усиленно поддерживать въ своемъ и въ нашемъ обществѣ слухи объ отвратительной дѣятельности русскихъ хлопомановъ, будто бы

въ глазахъ нашего правительства проповѣдующихъ рѣзню панов и ляховъ; но, зная, съ одной стороны, что по дознаніямъ нашего начальства, слухи эти оказывались или чистѣйшею ложью, или на самомъ дѣлѣ относились не къ тѣмъ личностямъ, на которыя указывали поляки, а къ какимъ-то неизвѣстнымъ, имѣвшимъ признаки польскихъ хлопомановъ, и съ другой стороны, зная свойства и средства польскихъ пропагандистовъ вести борьбу съ врагами, и свойства и качества нашихъ загнанныхъ русинофиловъ, мы имѣемъ полное право считать эти слухи злостною клеветою на наше молодое поколѣніе.

Трудно теперь еще уяснить себѣ, какъ зародилась, какъ безъ всякаго внѣшняго вспомоществованія, даже при запрещеніи со стороны общества, въ разрозненныхъ его членахъ развилась одна и таже идея, одно и тоже стремленіе, какъ безъ всякаго соединенія этихъ разрозненныхъ лицъ въ организованное общество, могла создаться такая сила, и какова же должна быть народная сила, её создавшая, когда эта проявляемая народомъ сила такъ страшна для враговъ даже въ дезорганическомъ своемъ состояніи, въ состояніи, такъ сказать, зачатка, зародыша!

Крайне было бы интересно ближе присмотрѣться къ тѣмъ началамъ, которыя движутъ нашимъ молодымъ поколѣніемъ, къ тѣмъ понятіямъ и стремленіямъ, которыми оно живетъ въ настоящую минуту, крайне было бы интересно услышать отъ него самаго, какъ оно сознаетъ эти начала, какъ смотритъ на свои дѣйствія, къ чему стремится, чего желаетъ и чего добивается? Мы слышали, что нѣкоторые изъ этого нашего молодаго поколѣнія, доведенные до крайности преслѣдованіями со стороны поляковъ, слухами о нихъ, распускаемыми поляками въ нашемъ обществѣ, рѣшились обратиться къ обществу съ протестомъ противъ этихъ слуховъ и съ всенародною, такъ сказать, исповѣдью истинныхъ своихъ стремленій,—понятій и дѣйствій. Слышали мы отъ людей солидныхъ и компетентныхъ въ дѣлахъ и интересахъ здѣшняго края, самые лестные отзывы объ этой исповѣди нашего молодаго поколѣнія; но къ сожалѣнію, доселѣ нигдѣ не встрѣчаемъ её въ печати тьмы, а не свѣта всеосвѣщающаго; зная основныя, истинныя стремленія здѣшняго нашего населенія, и крайне интересуясь ими мы желали бы скорѣе познакомиться и познакомить нашихъ читателей съ этою исповѣдью нашего молодого поколѣнія и быть можетъ примирить съ нимъ наше общество,—тѣмъ болѣе, что и безъ того уже наши богатыя силы чревычайно разров-

лены, и разрознены именно въ то время, когда приходится бороться съ обществомъ болѣе всего сильнымъ своимъ единодушіемъ; а потому мы убѣдительно просили бы нашихъ русинскихъ дѣятелей, соратниковъ, доставить намъ ихъ исповѣдь, для преданія ее свѣту и гласности.

Быть можетъ сознаніе нашего молодаго поколѣнія не все еще уяснило себѣ то, къ чему стремится его инстинктъ народный, быть можетъ, говоримъ, въ его идеяхъ, понятіяхъ и стремленіяхъ, много еще существуетъ угловатостей и крайностей, много даже, положимъ, фантазіи и много неразумности; но эти угловатости, эти крайности—наши народныя, русскія, крайности нашей, не чужой, не враждебной намъ жизни и мы не можемъ смотрѣть на нихъ, какъ на что-то злое, враждебное принципамъ нашей народной жизни,—безъ крайностей, какъ извѣстно, немыслимо и историческое развитіе: крайности собственно и составляютъ движущій, развивающійся элементъ общества. Неразумно, грѣшно и позорно для насъ оставаться долѣе подъ вліяніемъ польскаго общественнаго мнѣнія относительно нашего же роднаго молодаго поколѣнія, допускать полякамъ вносить вражду въ нашу семью и вооружать насъ на нашихъ же братьевъ и наслѣдниковъ; неразумно говорю и грѣшно намъ съ враждою, подозрительностью и непріязнью отвращаться отъ нашихъ младшихъ братій изъ-за какихъ-нибудь ихъ крайностей и увлеченій, и тѣмъ подрывать наши собственныя силы, и быть можетъ, вводить наше молодое поколѣніе еще въ большія крайности. Долгъ нашъ не воздвигать нравственнаго или физическаго гоненія на нашихъ братій, и безъ того уже гонимыхъ поляками, а обратиться къ нимъ съ теплымъ, родственнымъ сердцемъ, облегчить ихъ жизнь и дѣятельность и тѣмъ способствовать скорѣйшему изглаженію въ нихъ (а быть можетъ и въ насъ самихъ) нѣкоторыхъ угловатостей и крайностей.

МНѢНІЕ

КУБАРКЕВИЧА О КОНСТИТУЦІИ 3-го МАЯ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

—

Опытъ прошедшаго служитъ руководителемъ для будущаго; потому необходима самая справедливая оцѣнка событій отечественной исторіи. Многіе называютъ незабвенною конституцію 3-го мая, приписывая ей заслугу уничтоженія абсолютизма въ Польшѣ; для нихъ абсолютизмъ шляхетскаго сословія—синонимъ свободы польскаго народа. Наше дѣло—позаботиться представить въ истинномъ свѣтѣ постановленіе конституціи, касающееся права собственности. Конституція 3-го мая утвердила за шляхетскимъ сословіемъ движимую и недвижимую собственность, оговорившись, что и будущія правительства и гражданскія власти не должны, ни подъ предлогомъ королевскихъ правъ, ни подъ какимъ либо другимъ, посягать на собственность шляхты. Законная конституція или дается монархомъ, или установляется всѣмъ народомъ, а конституція 3-го мая шляхетскимъ сословіемъ насильно навязана народу, а потому и не можетъ быть обязательна. Впрочемъ мы разсмотримъ упомянутое постановленіе ея, какъ 1, по отношенію къ праву, такъ 2, и по отношенію къ политикѣ.

1, Природа, рождая всѣхъ людей равными, даетъ имъ и равное право пользоваться, для сохраненія своей жизни, воздухомъ, водою и землею. Никто не могъ, безъ насилія и посягательства на жизнь другихъ, объявлять притязаній на исключительное владѣніе воздухомъ и водой, тѣмъ болѣе немогъ присвоить себѣ монополіи владѣнія землей, оплодотвореніе которой требуетъ отъ человѣка труда, а кто трудился надъ землею, тотъ владѣлецъ и выгодъ, приносимыхъ землей. По настоящему земля не должна бы быть предметомъ исключительной собственности; но, для благосостоянія общественнаго, необходимость

указала ввести частное право личной собственности, владѣніе извѣстными поземельными участками. Общества составляются или въ слѣдствіе насилія или договора членовъ ихъ. Первыхъ нельзя назвать истинными обществами, потому что тамъ одни другихъ угнетаютъ и насильно заставляютъ работать въ свою пользу; угнетенныя впослѣдствіи отразятъ ему силой. Въ такомъ именно положеніи, по отношенію къ поземельной и движимой собственности, находятся до сихъ поръ польскіе крестьяне. Если бы польское общество составилось въ слѣдствіе договора, то и земля была бы раздѣлена на болѣе или менѣе равные участки, между всѣми безъ исключенія. Посмотримъ, что древнѣе въ Польшѣ,—шляхта или хлопы? Историческіе факты свидѣтельствуютъ, что хлопы древнѣе шляхты; и Пястъ былъ холопъ до избранія въ короли. Только въ послѣдствіи короли начали надѣлять нѣкоторыхъ за военные подвиги или придворную службу титулами шляхты, графовъ, князей, а вмѣстѣ съ ними и правомъ собственности и привилегіей на панщину. Слѣдовательно въ древнія времена крестьяне были владѣльцами земель, воздѣлываемыхъ ими. А между тѣмъ шляхетское сословіе признаетъ своею собственностію не только свои усадебныя земли (dworskie), но и крестьянскія; конституціей 3-го мая оно закрѣпило ихъ за собою; потому и должно доказать законность пріобрѣтенія ихъ отъ крестьянъ. Исторія не говоритъ о добровольной уступкѣ ихъ крестьянами, а насиліе не установляетъ права, потому крестьяне—законные до сихъ поръ владѣльцы земли, какъ той, которою еще владѣютъ, такъ и той, которая отнята у нихъ насиліемъ. Теперь дѣло идетъ не о надѣлѣ крестьянъ землею, но о возвратѣ имъ собственности и уничтоженіи привилегіи панщины. — Привиллегированное сословіе узаконяетъ свое присвоеніе земель уставами, привиллегіями и конституціями шляхетскими сеймовъ и королей, то есть, на правѣ сильнаго. Если, поэтому, въ давнія варварскія времена короли и сеймы могли насиліемъ отнять у крестьянъ землю, почему же въ нынѣшній, цивилизованный вѣкъ правительство не можетъ поступить обратно? Положимъ даже, что шляхта явилась въ Польшѣ прежде крестьянъ, но очевидно — она не могла занять всей страны, а потому крестьянъ, заселявшихъ остальную часть ея и плѣнниковъ насиліемъ принуждала къ панщинѣ. Присвоивъ себѣ, кромѣ своихъ усадебныхъ земель, и крестьянскія, она поступила не лучше варваровъ, такъ какъ присвоила себѣ монополію на землю съ цѣлью принудить земледѣльцевъ работать на шляхту. Земля есть общая для всѣхъ

мастерская, и ее воздѣлывать должны тѣ, кто умѣетъ, то есть, холопы, земледѣльцы. Если же шляхта присвояетъ себѣ больше земли, нежели сколько нужно для ея обихода, то очевидно для того, чтобы жить трудомъ другихъ. Шляхта выдаетъ ложь за истину, утверждая, что Богъ далъ землю только шляхтѣ; какъ будто крестьяне въ продолженіи столькихъ вѣковъ неволи, труда, и кровавыхъ жертвъ, принесенныхъ за отечество, еще не выкупили этой неволи! Не варварство ли—давить слабѣйшаго, жить на счетъ бѣднѣйшаго? Крестьянинъ живетъ въ невѣжествѣ и нуждѣ, а мы пользуемся просвѣщеніемъ и довольствомъ, благодаря единственно труду его. Благодарность заставляетъ насъ освободить его и надѣлить собственностью. Гнусно поступила конституція 3-го мая, не надѣливъ крестьянъ землею, потому что поставила ихъ въ ужасное положеніе. Мы говоримъ, нельзя дать крестьянамъ свободы, потому что они необразованны, нельзя и просвѣщать ихъ, иначе они бросятъ земледѣліе. Безчестная увертка! Холопъ умѣетъ заработывать и на себя и на пана, а мы зовемъ его невѣждою; панъ же и себя не съумѣетъ содержать своимъ трудомъ, а считается у насъ образованнымъ. Дайте возможность холопу работать только на себя, и безъ сомнѣнія, удовлетворивши животныя потребности, остатокъ времени онъ употребитъ на свое образованіе. Не завидуйте улучшенію его быта! Поставьте себя въ положеніе холоповъ, и вамъ не будетъ казаться дикимъ всякое насиліе со стороны крестьянъ, еслибы они захотѣли отомстить намъ за вѣковыя несправедливости. Теперешняя привиллегированная шляхта и олигархія не можетъ отстаивать своей монополіи на собственность и панщину ни наслѣдственностію, ни давностію ихъ; потому что преступленіе не дѣлается законнѣй отъ его давности. Потому мы должны возвратить крестьянамъ ихъ собственость и уволить отъ панщины; а правительство если найдетъ то нужнымъ по своимъ политическимъ соображеніямъ, можетъ открыть источникъ и средство вознаградить привиллегированныя сословія за утрату своей привиллегіи.

2, Народы стремятся къ физическому и нравственному благосостоянію; а оно есть слѣдствіе труда. Чѣмъ болѣе трудящихся, тѣмъ лучше; чѣмъ больше людей праздныхъ, тѣмъ хуже; но всего хуже, когда люди праздные живутъ трудомъ другихъ; отсюда источникъ лѣни, бѣдности, деморализаціи и бѣдственнаго положенія работающихъ. Панщина привела шляхту къ убѣжденію, что холопъ и созданъ для работы въ пользу другихъ, а его раболѣпство надмеваетъ шляхту. Самъ не трудясь,

шляхтичъ не знаетъ и цѣны труду, оттого онъ расточителенъ и развратенъ. Праздность шляхты породила безчинія и вызвала паденіе отечества. Мы должны обвинять не сосѣднія державы, а нашихъ аристократовъ, которые ввели въ отечество чужія войска и тѣмъ способствовали раздѣлу Польши. Крестьяне — трудолюбивый классъ, могутъ обойтись и безъ привиллегированныхъ классовъ; но нельзя привиллегированнымъ обойтись безъ крестьянъ, иначе они должны будутъ сами заняться земледѣліемъ. Если же общество не можетъ существовать безъ крестьянъ, то мы должны, ради собственнаго даже интереса, дать имъ собственность, свободу и равенство. Гдѣ одинъ трудится, а другой присвояетъ себѣ плоды его трудовъ, тамъ нѣтъ свободы, а есть только право сильнаго. Болѣе близокъ къ пану лакей, получающій за услуженіе условленную плату, чѣмъ крестьянинъ, работающій безъ вознагражденія.—Это прямое насиліе. Могущество народа основывается на его физической и нравственной силѣ; а сила его зависитъ отъ благосостоянія и просвѣщенія гражданъ. Холопъ, коснѣющій въ невѣжествѣ и горькой долѣ, не сознающій своей собственности и правъ, не станетъ и защищать своего отечества. Еще важнѣйшимъ доказательствомъ необходимости освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ собственностью служитъ то обстоятельство, что жители нашихъ городовъ—большею частью иностранцы. Потому, какъ только мѣщане возьмутъ верхъ надъ крестьянами, надлежитъ опасаться, что бы послѣдніе не утратили единственной опоры своей народности—польскаго языка. Воскресла Греція, потому что еще живъ былъ въ ней языкъ предковъ; не возстанутъ древніе Римляне, которыхъ языкъ теперь уже мертвый.— Если, послѣ французской революціи господство мѣщанъ не породило великихъ бѣдствій, то потому только, что французскіе мѣщане не были тамъ иностранцами. Слѣдствіемъ уничтоженія панщины и надѣленія крестьянъ собственностью будетъ развитіе въ нихъ любви къ труду и образованію; шляхта же чрезъ то научится трудиться, обратится къ торговлѣ и фабричнымъ занятіямъ, полюбитъ бережливость и добродѣтель, которая трудно уживается съ праздностью и роскошью; а все это ручается за благосостояніе народа. Слѣдовательно освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землею требуютъ благосостояніе и могущество польскаго народа. Разобравши дѣло обстоятельно, мы должны сказать, что конституція 3-го мая—не болѣе, какъ тріумфъ аристократіи надъ крестьянами, а потому и не можемъ ею похвалиться. Шляхта видѣла, что сдѣлано въ пользу холоповъ

въ Галиціи, въ краѣ отошедшемъ къ Пруссіи и постѣдняя конституціей 3-го мая закрѣпить за собою монополію поземельной собственности, надѣясь этимъ постановленіемъ, въ случаѣ занятія остальной земли, удержать будущія австрійскія и прусскія власти отъ перемѣнъ въ пользу холоповъ. Великое зло — деспотизмъ одного, но еще бо́льшее зло — деспотизмъ многихъ, или аристократической шляхты; а такъ именно было въ Польшѣ. Правительство австрійское и прусское улучшило бытъ крестьянъ, однакожъ мы называемъ монарховъ этихъ державъ деспотами. А что подобнаго сдѣлала незабвенная конституція 3-го мая? Попробуй крестьяне, составляющіе большинство народа, собрать сеймъ и присвоить себѣ всю поземельную собственность, мы бы первые назвали это варварствомъ. Если бы судьба возвратила Польшѣ въ эпоху конституціи 3-го мая, Галицію и Познань, недумаю, что бы крестьяне обрадовались такой перемѣнѣ. Если Императоръ Россійскій захочетъ дать крестьянамъ волю и освободить отъ панщины, будетъ ли у нихъ какое нибудь побужденіе желать возстановленія Польши? Симпатія иностранцевъ, прославляющихъ наши военные подвиги, бывшіе на дѣлѣ подвигами нашихъ крестьянъ, въ нихъ простылабъ, только бы лишь они узнали, что конституціей 3-го мая мы узаконили такое преступленіе, и не загладили его даже во время послѣдней революціи. Мы закрываемся отъ иностранцевъ маской свободы и равенства, какъ бы они презрительно посмотрѣли на насъ, какъ бы отшатнулись отъ насъ, если бы сорвали съ насъ эту маску!

Примѣчаніе. По нѣкоторымъ, довольно основательнымъ, предположеніямъ, предъявленныя сейчасъ замѣчанія о конституціи 3-го мая, суть жившаго послѣ 31 года во Франціи эмигранта М. Кубаркевича, сказанныя имъ въ собраніи поляковъ, по случаю празднованія ими годовщины этой конституціи въ началѣ тридцатыхъ годовъ. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно то, что мнѣніе г. Кубаркевича о конституціи 3 го мая первый разъ появилось 5 іюля 1833 года, въ мѣстечкѣ Bourges, отдѣльными, литографированными листами, съ надписью: M. Kubarkiewicz. Извѣстно также и то, что это мнѣніе вездѣ принято было поляками радушно, и первые польскіе авторитеты указываютъ на него, какъ на произведеніе безпристрастное и исполненное въ патріотической заботливости о благѣ народномъ. На сего-жъ самаго Кубаркевича, какъ на извѣстный авторитетъ, часто ссылается польскій писатель Б. Трентовскій въ своемъ философо-педагогическомъ сочиненіи «Chowanna» изд. въ Познани въ 1842 г. Т. 2-ой.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ВНУТРЕННЯЯ И ЗАГРАНИЧНАЯ.

МАЛОДУШНОЕ ОТРЕЧЕНІЕ ОТЪ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА ЗА ДОБРОЕ ДѢЛО.

(ИЗЪ КОРРЕСПОНДЕНЦІИ РЕДАКЦІИ «ВѢСТНИКА» [1]).

Въ 22 № газеты «*День*» прочелъ я отвѣтъ графа Маріяна Чапскаго на статью г. Каширина «Кейданскій Спасо-Преображенскій православный монастырь.» Въ этомъ отвѣтѣ графъ Маріянъ Чапскій, отклоняя отъ себя приписываемую ему г. Кашпринымъ честь обновленія Кейданской православной церкви, между прочимъ говоритъ, что въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ безспорная заслуга принадлежитъ *мѣстнымъ властямъ*, а онъ, какъ помѣщикъ Кейданскаго имѣнія, *поставленъ былъ въ крайнюю необходимость* отдать домъ и 500 руб. на иконостасъ, хотя въ имѣніи Кейданахъ по послѣдней 10-й ревизіи не числится ни одной души православнаго исповѣданія. Это объясненіе графа Маріяна Чапскаго, во имя гласности и правды,

---

[1] Настоящая статья прислана редакціи Вѣстника при слѣдующемъ письмѣ:

Милостивый Государь
Ксенофонтъ Антоновичъ!

Прилагаемый при семъ отвѣтъ г. Маріяну Чапскому былъ посланъ въ минувшемъ году въ газету «День» — но по причинамъ *довольно двусмысленнымъ*, которыя г. Аксаковъ приводитъ въ своемъ письмѣ, статья эта не удостоилась напечатанія.

Такимъ образомъ, въ глазахъ читающей публики г. Маріянъ Чапскій остался правъ, потому что письмо его, помѣщенное въ 22 нумерѣ газеты «День» за 1861 годъ, гдѣ онъ взваливаетъ на мѣстныя административныя власти принудительный способъ дѣйствія въ дѣлѣ возобновленія Кейданской православной церкви, — письмо это осталось безъ отвѣта. Значитъ — фактъ не подлежитъ, повидимому, никакому сомнѣнію.

Желая обнаружить несправедливый извѣтъ г. Маріяна Чапскаго, и видя въ издаваемомъ вами журналѣ единственный путь защиты всего нашего, русскаго, отечественнаго — отъ явной и безстыдной клеветы, я рѣшаюсь просить васъ, милостивый государь, напечатать отвѣтъ г. Маріяну Чапскому на письмо его, помѣщенное въ прошедшемъ году въ 22 нумерѣ «Дня» — сказать правду никогда не поздно, а молчать когда бьютъ безвинно — признакъ малодушія . . . .

Конецъ письма *секретъ редакціи* и не имѣетъ прямаго отношенія къ предъявляемой статьѣ.

невольно вызвало со стороны редакціи осужденіе образа дѣйствій мѣстныхъ властей, выражающихъ собою исполнительный органъ духа и дѣйствій правительства.

Руководимый чувствомъ справедливости, я за-частую осуждалъ и осуждаю мысленно и гласно дѣйствія нашихъ мѣстныхъ властей, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ расходятся съ благими видами и предначертаніями правительства, и отъ усердія, или по другимъ какимъ-нибудь причинамъ, иногда такъ извращаютъ существенный и здравый смыслъ распоряженій, исходящихъ свыше, что—вмѣсто ожидаемой пользы—дѣло выходитъ хоть брось и возбуждаетъ только нареканія на правительство. Я всегда готовъ примкнуть въ этомъ случаѣ къ сторонѣ недовольныхъ и порицать то, что худо, пошло и неразумно; но желая сохранить за собою это право и на дальнѣйшее время, я—между тѣмъ—не могу, во имя гласности и правды, къ которымъ взываетъ графъ Маріянъ Чапскій, не вывести редакцію *«Дня»*—и почтенныхъ читателей этой газеты—изъ заблужденія, въ которое невольно они введены отзывомъ графа.

Занимаясь съ давняго времени собираніемъ подъ рукою историческихъ свѣдѣній о литовскомъ краѣ, между прочими любопытными документами, касающимися судьбы православія въ Литвѣ, я открылъ нѣсколько, относящихся къ постройкѣ Кейданской православной церкви. Эти документы заключаютъ въ себѣ данныя діаметрально-противуположныя тѣмъ, посредствомъ которыхъ графъ Марьянъ Чапскій такъ великодушно хочетъ отклонить отъ себя честь обновленія православнаго храма въ Кейданахъ. Достовѣрность этихъ документовъ неоспорима, потому что они состоятъ изъ собственноручныхъ писемъ графа Марьяна Чапскаго, писанныхъ имъ въ 1852 и 1853 годахъ. Изъ писемъ этихъ видно, что хотя на Кейданское имѣніе, принадлежащее графу, не распространялось дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія объ устройствѣ православныхъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, потому что въ Кейданахъ, по собственнымъ словамъ графа, не было въ то время ни одного крестьянина православнаго исповѣданія; не смотря однакожъ на то, графъ,—*благоговѣя къ святости Высочайшей воли и глубоко почитая воззваніе Главнаго Начальника края, не можетъ совершенно отказаться отъ участія возможнымъ по крайней мѣрѣ содѣйствіемъ въ предполагаемой постройкѣ православной церкви въ м. Кейданахъ,* [1]) и вслѣдствіе того

[1]) Слова извлеченныя изъ письма графа Чапскаго къ ковенскому уѣздному предводителю дворянства 29 іюня 1852 года.

самъ вызывается сдѣлать пожертвованіе матеріаловъ на постройку ея [1]). Въ тоже время былъ имъ представленъ и проектъ передѣлки дома, съ просьбою, чтобы генералъ-губернаторъ утвердилъ его безъ всякихъ формальностей [2]).

Какъ же это, графъ? Гдѣ же тутъ крайняя необходимость, въ которую вы были поставлены—принять на себя возобновленіе православнаго храма въ вашемъ имѣніи? Не служатъ ли приведенныя выше слова ваши яснымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ того великодушнаго стремленія, съ какимъ, едва услышавъ голосъ, призывающій помѣщиковъ къ содѣйствію—удовлетворить главной и существеной—религіозной потребности крестьянъ,—вы поспѣшили выразить свою готовность къ этому содѣйствію?—Вамъ, именно вамъ, графъ, неотъемлемо принадлежитъ эта, какъ вы называете её,—незаслуженная честь,—которою долженъ гордиться каждый благомыслящій гражданинъ-помѣщикъ, потому что въ замѣнъ матеріальныхъ выгодъ, доставляемыхъ ему крестьянскимъ трудомъ, въ замѣнъ благосостоянія вашего, на которое въ потѣ лица работаетъ вамъ мужичокъ, вы несете ему въ созиданіи храма Божія нравственное и духовное благосостояніе, которое прочнѣе вашего, котораго не развѣетъ вѣтеръ по распутіямъ и торжищамъ, не истребитъ ни гладъ, ни трусъ, ни нашествіе иноплеменное, потому что основаніемъ его есть—святая вѣра.

Отыскивая причину такой необыкновенной скромности вашей, графъ, иной, пожалуй, готовъ придти къ тому заключенію, что вы, сдѣлавъ это богоугодное дѣло, какъ будто раскаиваетесь въ томъ, что, принадлежа сами къ западной церкви,—принесли лепту на алтарь храма, чуждаго вашимъ религіознымъ убѣжденіямъ, и потому теперь, когда въ нашемъ отечествѣ, по выраженію редакціи «*Дня*» идетъ запальчивая борьба между двумя народностями, принявшая съ одной стороны политическо-религіозный характеръ,—вы опасаетесь, можетъ быть, что бы общественное мнѣніе одной партіи не упрекнуло васъ въ сочувствіи къ интерессамъ другой. Но такое заключеніе было бы совершенно неосновательно и безразсудно, потому что если бы даже и дѣйствительно было такъ, то вы, графъ, исполняя общеполезное дѣло, какъ бы предугадали инстинктомъ и осуществили на дѣлѣ 10 лѣтъ тому назадъ идею терпимости и равноправства, которую теперь, хотя пока еще на словахъ за-

---

[1]) Изъ письма графа къ ковенскому вице-губернатору 11 іюня 1853 года.

[2]) Письмо графа къ генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Бибикову 29 іюля 1853 года.

являетъ партія недовольныхъ настоящимъ порядкомъ вещей соотечественниковъ вашихъ какъ за границей, такъ и въ Царствѣ Польскомъ. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи честь вамъ и слава, графъ, какъ первому, который угадалъ и провелъ эту современную идею.—Если въ вашемъ Кейданскомъ имѣніи нѣтъ ни одного православнаго крестьянина, то все-таки православный храмъ не лишній тамъ, гдѣ онъ существовалъ издавна, и гдѣ, слѣдовательно,—есть и могутъ быть люди, требующіе духовной пищи и утѣшенія по своему религіозному вѣрованію.—Значитъ, вы понимаете, графъ, очень хорошо потребности окружающаго васъ общества и благородно стремитесь удовлетворить этимъ потребностямъ.

Но оставимъ предположеніе, которое недостойно васъ, графъ, и къ которому вы сами подаете поводъ вашимъ великодушнымъ отреченіемъ. Будемъ лучше искать настоящей побудительной причины, которая руководила вами въ готовности возобновить кейданскую православную святыню. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если отбросить всѣ благородныя побужденія, которыя вы такъ гласно отстраняете отъ себя, можно придти только къ одному заключенію, а именно, что дѣло это было съ вашей стороны не что иное, какъ простая коммерческая сдѣлка, въ которой, обмѣнивая товаръ на товаръ и предоставляя частицу своего достоянія на общую пользу, вы,—быть можетъ, имѣли въ виду пріобрѣтеніе взамѣнъ нѣкоторыхъ преимуществъ, даваемыхъ правительствомъ ревнителямъ общественной пользы. Въ такомъ случаѣ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что ни та ни другая сторона не потеряла относительно существенныхъ выгодъ, и обѣ остались вполнѣ довольны: одна, то есть правительство — возсозданіемъ храма тамъ, гдѣ онъ издревле существовалъ, но отъ времени пришелъ въ совершенную ветхость; — другая, то есть вы, графъ, полученіемъ тѣхъ преимуществъ и отличій, къ пріобрѣтенію которыхъ свойственно стремиться каждому путемъ правды и чистой совѣсти.

И такъ, съ которой стороны ни разсматривай этотъ вопросъ, все-таки приходишь къ тому заключенію: 1, что заявленное такъ ясно и положительно въ письмѣ вашемъ, графъ, отъ 11-го іюля 1853 года желаніе принять на себя возобновленіе кейданской церкви—произошло не вслѣдствіе понужденія мѣстныхъ властей, къ чему онѣ (то есть мѣстныя власти) не имѣли и не могли имѣть никакого права, а чисто вслѣдствіе внутренняго вашего побужденія, основаннаго на неизвѣстныхъ намъ причинамъ. 2, Что отказываться отъ участія въ дѣлѣ, явно говорящемъ въ вашу пользу и имѣющемъ въ основаніи

общественное благо,—грѣшно; а клепать на мѣстныя власти, которымъ и безъ того приходится жутко отъ столкновеній съ различными частными интересами,—и грѣшно и стыдно. 3, Что какія бы ни были цѣли ваши, графъ, которыхъ вы желали достигнуть въ этомъ дѣлѣ, и вѣроятно достигли,—во всякомъ случаѣ не слѣдовало вамъ быть такъ малодушнымъ, не выдержать характера до конца и, достигнувъ желаемаго, обернуть сторону медали и разыгрывать роль жертвы, у которой вырвали не большую ленту для общей пользы, наступая на горло, И 4, Что, наконецъ, вѣроятно вы сами, графъ, положа руку на сердце, сознаете неосновательность своего отреченія,—и захваченные врасплохъ статьею г. Каширина, находитесь въ положеніи школьника, который, получивъ публично похвалу за свое благонравіе, хочетъ показать передъ своими забіяками-товарищами, что онъ совершенно не дорожитъ этой похвалою.

Правда должна руководить нами во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, должна быть девизомъ побужденій всякаго благороднаго человѣка, должна завершать всякое честное дѣло, къ какому бы результату ни привело оно дѣятеля, выгодному для него, или невыгодному. Во имя этой правды рѣшился я взяться за перо, чтобы напомнить вамъ, графъ, что ваше уклоненіе отъ чести, которую приписываетъ вамъ г. Каширинъ въ статьѣ своей, по поводу сооруженія православной церкви въ Кейданахъ—выражаетъ не рыцарскій поступокъ, а малодушіе, руководствуясь которымъ, вы въ щекотливомъ обстоятельствѣ спрятались за ширмы и разыграли, впрочемъ весьма неудачно, роль жертвы понудительныхъ мѣръ правительства.

Коснувшись правды, я не могу умолчать еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое невольно приводитъ меня въ недоумѣніе: скажите, графъ, если вы во всеуслышаніе объявляете себя поборникомъ правды и, становясь такъ храбро подъ ея знамена, жертвуете, во имя ея, слѣдующею вамъ по всѣмъ правамъ признательностью общества, для чего же ради той же самой правды, вы не возстаете противъ несправедливо приписываемаго вамъ графскаго титула, на который въ лицѣ закона вы не имѣете никакого права,—и не только не громите тѣхъ, которые пріятно ласкаютъ слухъ вашъ сіятельнымъ величаніемъ, но даже охотно сами заявляете своею подписью, гласно и печатно, что графскій титулъ принадлежитъ вамъ по праву.

Впрочемъ, какъ въ вышеприведенномъ, такъ и въ этомъ последнемъ случаѣ, я вполнѣ согласенъ съ словами [illegible]

г. Маріяномъ Чапскимъ въ заключеніи его отзыва, напечатаннаго въ № 22 «*Дня*», и невольно повторяю вмѣстѣ съ нимъ: *Il y a des choses, qu'il faut voir pour y croire, et bien d'autres il faut croire pour les voir.*

Полищукъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ВЕНГЕРСКОЙ РУСИ.

Письмо 4-е, Густъ (Huszt) 18(30) Сентября.

Упомянувъ въ прежнемъ письмѣ моемъ о сочиненіи А. И. *Добрянскаго*, вышедшемъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ. »Rede des Ungarischen Landtags-Abgeordneten Adolf Ritter von Dobrzansky in der Adress-Angelegenheit« нужнымъ считаю познакомить теперь читателей Вѣстника съ содержаніемъ его, указавъ на встрѣчающіяся въ немъ замѣчательнѣйшія мѣста. Оставляя въ сторонѣ первую часть вышепреведеннаго сочиненія, касающуюся вопроса объ отношеніи Венгріи къ Австріи, какъ менѣе занимательную, обращаю вниманіе читателей на вторую часть его, заключающую въ себѣ историческія свѣдѣнія о венгерскихъ русинахъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что русины вмѣстѣ съ прочими народами славянскаго племени,—составляютъ первобытное и коренное народонаселеніе Венгріи. По свидѣтельству исторіи угорская земля, или Паннонія, до вторженія въ нее мадяровъ, была раздѣлена на многія мелкія славянскія владѣнія, составлявшія нѣкоторый родъ федераціи, или союза, извѣстнаго подъ именемъ жупы. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ славянскихъ владѣній были: задунайское или иллирское, велико-моравское и болгарское. Въ предѣлахъ этого послѣдняго находились и Влахи, или румуны, заселяющіе пространство, лежащее между рѣками Тисою и Марошемъ.

Такъ какъ мадяры, переселившись изъ Азіи, чрезъ Россію, вторглись въ Венгрію, то нѣтъ сомнѣнія, что съ мадярами многіе изъ русскихъ перешли въ Венгрію. Особенно, по замѣчанію автора, изъ кіевскаго княжества лица болярского сословія присоединились къ мадярамъ, и вмѣстѣ съ ними, равно какъ и съ куманами поселились въ нынѣшней Венгріи.—Въ продолженіе царствованія въ Венгріи арпадскаго дома, родоначальникъ котораго Арпадъ, по замѣчанію автора, женился на русской княжнѣ, русскіе особенно были отличаемы мадярами. Они (русскіе), были избираемы въ тѣлохранители венгерскихъ королей, имъ были ввѣряемы пограничныя крѣпости для защиты угорской земли отъ нападенія нѣмцевъ, князья королей венгерскихъ носили титулъ: »dux ruthenorum«, важнѣйшія государственныя дѣла были рѣшаемы въ со-

[illegible] при участіи въ нихъ мадяровъ, кумановъ и русиновъ. Словомъ угорскіе русины въ первые вѣка новоустроенаго государства, пользовались большимъ почетомъ и уваженіемъ мадяровъ. Обо всемъ этомъ свидѣтельствуютъ достовѣрныя историческія доказательства насчетъ отличія почетнымъ званіемъ тѣлохранителей, мадярскій историкъ Катона говоритъ, что русскіе были сопровожатели и сторожа царскіе „satellites et custodes januarum". Прай, тоже мадярскій историкъ, (e libro rationum regiarum Ludovici II) приводитъ: „Ruthenis, qui tentoria Suae Majestatis...... dies et noctes custodiunt, ad usum ipsorum dati sunt per duos floreni sex" —Равнымъ образомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что русскіе занимали крѣпости, воздвигнутые для защиты предѣловъ Венгріи отъ вторженія въ нихъ нѣмцевъ. Именно анонимъ нотарій короля Белы пишетъ: Dux vero Zulta... dedit castrum construere Ruthenis, qui Almo duce, avo suo, in Pannoniam venerunt, et in eodem confinio ultra lutum Musun (нынѣ Мошоно) collocavit etiam Bissenos non paucos habitare pro defensione regni sui, ut ne aliquando in posterum furibundi Teutonici propter injuriam sibi illatam fines Hungarorum devastare possent". Понынѣ еще существующее въ томъ же комитатѣ названіе „Oroszvár" (руская крѣпость) свидѣтельствуетъ о жительствѣ въ немъ когда-то рускихъ.—Титуломъ „Dux Ruthenorum" славились: Эмерикъ, сынъ Степана, перваго короля Венгріи, Бела I, князь, потомъ король венгерскій и иные изъ князей арпадскихъ. По прекращеніи Дома арпадскаго упомянутымъ титуломъ пользовались знаменитыя частныя лица, матери и вдовы государей венгерскихъ. Въ ряду этихъ болѣе замѣчательны: Федоръ *Коріатовичь*, Георгій *Бранковичь*, Деспота Сербскій, Іоаннъ *Гунядій*, губернаторъ Венгріи, Іоаннъ Корвинъ *Гунядій* и пр. Часто встрѣчается упомятутый титулъ въ грамотахъ королевскихъ наравнѣ съ титулами государственныхъ сановниковъ, именно въ грамотахъ королевы Маріи I.—Наконецъ о преимуществахъ венгерскихъ русиновъ свидѣтельтвуетъ постановленіе закона, по поводу похищенія куманами, языгами и русинами помѣщичьихъ крестьянъ, содержащееся въ сводѣ законовъ королевства венгерскаго, въ ст. 47: 1498 года, по силѣ котораго руские (Rutheni), наравнѣ съ куманами и филистеями (языгами) подвергаются вѣдѣнію земскаго палатина (coram Palatino regni legitime requiruntur). Такъ какъ куманы и языги, въ силу привилегированнаго ихъ состоянія въ Венгріи, не подлежали вѣдѣнію комитатскаго дворянства, а пользовались самостоятельностію при безпосредственной зависимости отъ короля или его намѣстника—палатина, то само собою разумѣется, что и русины, до 1498 года, имѣли свою національную автономію, будучи управляемы своими воеводами, — зависящими только отъ короля или его намѣстника. И въ самомъ дѣлѣ, что угор-

скіе русины имѣли своихъ воеводъ, называемыхъ *краинниками*, и избираемыхъ ежегодно, вмѣстѣ съ чиновниками русскаго происхожденія, извѣстными подъ именемъ „*княжеіи*“, явствуетъ изъ достовѣрныхъ грамотъ, приводимыхъ авторомъ. Именно въ грамотѣ, выданной королевою Елисаветою въ 1378 г., упоминается о княжихъ, состоявшихъ въ Берегскомъ комитатѣ, которые жаловались на нарушеніе ихъ правъ по части судопроизводства, поэтому королевою предписывалось, за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, не производить надъ ними суда безъ законнаго порядка; имъ предоставленнаго: „firmiter praecipiendo mandatus, quatenus praedictos Kenezios et olachos (выраженіе: olachi часто встрѣчаются вмѣсто Rutheni) nostros in nullis causis exceptis publicis, furto et latrocinio, et criminalibus caussis iudicare sitis ausi, ne res bona eorundem, irrequisita Justitia prius ab eisdem prohibere praesummatis modo aliquali“. — Далѣе въ грамотѣ отъ 1466 г., выданной Елисаветою, матерью короля Матоея Корвина тоже упоминается о состоявшихъ въ Берегскомъ комитатѣ княжихъ и селеніяхъ, имъ подвѣдомственныхъ. Какъ эти княжіи и селенія были притѣсняемы со стороны королевскихъ кастелланов, то королева подробно опредѣляетъ поборы, которые съ нихъ должны быть взыскиваемы.

Всѣхъ болѣе замѣчательна грамота, выданная княземъ Іоанномъ Гуніадіемъ въ 1493 году. Этотъ князь титулуется въ началѣ грамоты слѣдующимъ образомъ: Nos Joannes Corvinus de Hunyad Slavoniae, Oppaviae Liptoviaeque Dux“. Въ сей грамотѣ ясно упоминается о воеводѣ и княжихъ. Поводомъ выдачи этой грамоты послужила жалоба княжихъ и девяти селеній, состоявшихъ въ Берегскомъ комитатѣ, взводимая ими на своего воеводу, Ладислава, выхлопотавшаго себѣ у короля хитростію и пронырствомъ потомственное право на воеводство; упомянутые княжіе и селенія противились этому и доказали многими свидѣтелями, что они съ незапамятныхъ временъ пользуются правомъ ежегодно избирать воеводу. „Kenezii et Universi populi atque Jobagiones nostri de dictis novem villis... responderant ex adverso: quomodo ipsi nunquam perpetuum Vojvodam habuissent, neque Ipse Ladislaus offium Voyvodatus de Kraynya (имя страны) iure perpetuo possedisset, neque Eundem concerneret; sed semper abantiquo, quo memoria hominum comprehenderet tali libertate usi fuissent; quod illum, quem Kenezii, et tota Communitas de Krayna maluisset, pari volo et consensu castellanorum Singulis annis ad offium Vojvodatus de Krayna elegissent, et in horum verborum Verificationem Iidem Kenezii et caeteri populi nostri pertinentium Kraina, plurimos Testes coram nobis adduxere, qui Jurati per omnia praemissa sic, et suo modo facta fuisse, quemadmodum dicti Kenezii et Universi populi de Krayna coram nobis proponer-

rant et [illegible]unti. Этой грамотой, была отмѣнена прежняя дававшая право на потомственное наслѣдство воеводства, и утверждено было за князьями и селеніями право ежегодно избирать воеводъ согласно древнимъ обычаямъ и преимуществамъ, предоставленнымъ прежними государями рускому народу.

Всѣ эти грамоты, въ послѣдствіи, были утверждены таже другими королями Венгріи, и не потеряли законной силы при первыхъ короляхъ, австрійскаго владѣтельнаго дома. Это между прочимъ, видно изъ грамоты Фердинанда I, выданой въ 1552 г., по поводу жалобы епископа Мукачевскаго на мірскихъ, своевольно расторгавшихъ браки, гдѣ явно признается за народомъ русскимъ его національная автономія; ибо въ заглавіи грамоты сказано: „Ferdinandus divina favente clementia Russorum, hrae, (т. е. hungariae) Bohemiae etc. Rex semper Augustus etc. fidelibus nostris universis et singulis magnificis egregiis et nobilibus nec non prudentibus ac circumspectis *universitati populorum ruthenorum*, *eorundemque officialium* salutem et gratiam“. Тутъ употребляются тѣ же самыя выраженія, которыя обыкновенно находятся въ королевскихъ грамотахъ, отправляемыхъ къ комитатскимъ юрисдикціямъ (самостоятельнымъ правленіямъ).

Имѣя въ виду эти народныя права и преимущества, которыми въ древности пользовались венгерскіе Русины, г. *Добрянскій*, на основаніи ихъ, изложилъ желанія и требованія угрскихъ русиновъ въ слѣдующихъ нѣсколько сокращенныхъ, пунктахъ:

1) чтобы въ тѣхъ странахъ Венгріи, гдѣ Русины или ихъ соплеменники Словаки живутъ громадно по этнографическому разграниченію, были образуемы руские и словацкіе комитаты, съ предоставленіемъ въ нихъ, по всѣмъ отраслямъ правленія, употребленія природнаго языка; съ кирилицею, какъ официальнаго.

2) Чтобы автономія этихъ областныхъ управлений (муниципій, комитатовъ) не была стѣсняема ни отвѣтственнымъ министерствомъ, ни національною гвардіею, ни другою какою либо централизаціею, далѣе, чтобы изъ совокупленія ихъ въ одно цѣлое были образуемы дистрикты (округи). По соображеніямъ автора такихъ округовъ должно быть въ Венгріи пять, какъ-то для мадяровъ и вмѣстѣ нѣмцевъ, для русиновъ, для словаковъ, для румуновъ и для сербовъ: Во всѣхъ этихъ округахъ должны находиться національныя высшія и низшія учебныя заведенія, аппеляціонный и вексельный судъ.

3) чтобы какъ инымъ народамъ, такъ и Русинамъ дозволено было совѣщаться въ народныхъ собраніяхъ о церковныхъ, національныхъ и школьныхъ дѣлахъ, а равно, чтобы каждый народъ имѣлъ въ главѣ своего представителя, съ правомъ засѣданія и голоса въ палатѣ вельможей, назначаемаго государемъ изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ народнымъ собраніемъ.

4) Чтобы какъ иные народы, такъ и русскіе имѣли свои отдѣленія при угорской придворной канцеляріи, земскомъ намѣстничествѣ, высшей судебной и казенной палатахъ; и чтобы въ Пештѣ,—Budинѣ была воздвинута руская церковь, съ учрежденіемъ прихода для русиновъ.

5) Чтобы венгерскимъ русинамъ, въ продолженіи послѣднихъ столѣтій слишкомъ обѣднѣвшимъ, въ слѣдствіе разныхъ притѣсненій, дозволено было собирать заграницею пожертвованія для богоугодныхъ учрежденій, получать безпрепятственно изъ-заграницы всякія книги и предоставлено бы было имъ право въ случаѣ неисполненія ихъ народныхъ желаній и продолженія ихъ притѣсненій, выселяться изъ Венгріи, куда захотятъ.

Въ томъ же смыслѣ, съ большею или меньшею разницею, формулировали также и словаки желанія своего народа въ собраніи, происходившемъ въ св. Мартинѣ 6 и 7, іюня (по нов. ст.) 1861 г. Ихъ требованія и желанія сперва были предложены Угорскому сейму, но такъ какъ сеймъ не оказывалъ къ нимъ ни малѣйшаго благорасположенія, а напротивъ съ восторгомъ принималъ протесты противъ нихъ, то словаки, въ концѣ минувшаго года, подъ предводительствомъ епископа *Мойсеса* представили ихъ на высочайшее благоусмотрѣніе.

Въ отношеніи приведенія въ дѣйствіе начала равноправности всѣхъ національностей, до сихъ поръ, не сдѣлано ничего больше, какъ то, что его величество изволилъ выдать высочайшій рескриптъ отъ 27 (15) іюля сего года, въ силу котораго вмѣняется въ обязанность угорскому канцлеру изготовить и предложить его величеству проэктъ закона объ отчетливомъ опредѣленіи правъ народовъ угорскихъ, не принадлежащихъ къ мадярскому племени, какъ въ отношеніи ихъ языка, такъ и развитія ихъ національности.

Увидимъ, какъ будетъ рѣшенъ въ Австріи этотъ многоважный вопросъ, занимающій особенно умы нашего вѣка?

Іоаннъ Раковскій.

СОДЕРЖАНІЕ V КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

№ 14. ТАЙНЫЯ наставленія общества іезуитовъ (продолженіе). Стр. 41.
№ 15. ДОКУМЕНТЫ, относящіеся къ исторіи бѣлорусской церкви. Стр. 51.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТВА въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ (продолженіе). Стр. 203.
ПАДЕНІЕ шляхетскаго господства въ Украйнѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, въ XVII вѣкѣ (продолженіе). П. КУЛИША. Стр. 220.
ХАРАКТЕРЪ церковнаго управленія въ югозападной и западной Руси предъ брестскою уніею (продолженіе). Д. СИНИЦКАГО. Стр. 55.

ОТДѢЛЪ III.

RĘCZĘ, że się pojednamy. Słowo do braci polaków w sprawie polsko-ruskiéj. Lwow. 1861 г. (Ручаюсь, что примиримся. Слово къ братьямъ полякамъ, по поводу польско-русскаго вопроса). Стр. 37.

ОТДѢЛЪ IV.

ВОЕВОДА Волчій Хвостъ, повѣсть красная, временъ великихъ князей Святослава и сына его Володиміра (продолженіе). IV. Встрѣча подругъ на Аскольдовой могилѣ и месть козарки. Стр. 103.
ДВА-ТРИ СЛОВА О СОЧУВСТВІИ патріотическимъ движеніямъ и притязаніямъ поляковъ. Стр. 119.
ЧТО ТАКОЕ ХЛОПОМАНІЯ и кто такіе хлопоманы? Стр. 139.
МНѢНІЕ Кубаркевича о конституціи 3-го Мая. (Переводъ съ польскаго. Стр. 157.
КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ внутренняя и заграничная. Малодушное отреченіе отъ признательности общества за доброе дѣло. (Изъ корреспонденціи редакціи «Вѣстника.») Стр. 162.
ПИСЬМО изъ венгерской Руси 4-е, Густъ (Huszt) 18(30) Сентября. Стр. 167.
НЕКРОЛОГЪ о князѣ И. И. Васильчиковѣ.
ОБЪЯВЛЕНІЯ объ изданіи газетъ и журналовъ въ 1863 году.
